

2021 | Том 13 | № 2

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

Тематический выпуск

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIJSKIJ REGION

2021 || Том 13 || № 2

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Тематический выпуск

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2021

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2021.
186 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

© БФУ им. И. Канта, 2021

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); *Й. фон Браун*, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниеми*, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Крестинин*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); *К. Люхто*, проф., Пан-Европейский институт высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); *К. К. Худолей*, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша);

Подписной индекс 32249

Тираж 1000 экз.

Дата выхода в свет 09.07.2021 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Балтийский регион и устойчивое развитие

От редакторов	4
<i>Руус Н. Й. А., Кубина Н. Е., Фарафонова Ю. Ю.</i> Возможности обеспечения устойчивого экономического развития приморских территорий региона Балтийского моря в условиях цифровой трансформации	7
<i>Сатир Л. М., Задорожная Р. П., Стадник Л. И.</i> Статистический анализ туристических потоков между Украиной и странами региона Балтийского моря в 2012 – 2019 годах	27
<i>Ансите А.</i> Теоретические аспекты изучения факторов, влияющих на организацию рабочего и личного времени	52
<i>Алтунина В. В., Алиева И. А.</i> Современные тенденции формирования системы зеленого финансирования: методологический и практический аспекты	64
<i>Веркулевичюте-Крюкене Д., Бучене А., Чепиене Э.</i> Депопуляция прибрежных сельских районов Литвы — может ли демографическая ситуация стабилизироваться благодаря региональным паркам?	90
<i>Анохин А. Ю., Кропинова Е. Г., Спиряевас Э.</i> Развитие геотуризма на основе использования геонаследия (на примере Куршской косы — объекта ЮНЕСКО)	112

Вопросы миграции

<i>Скробанек Я., Йобст С.</i> Влияние пандемии COVID-19 на иммиграцию: трансформация норвежской миграционной политики в отношении лиц, ищущих убежища, и последствия трансформации	129
<i>Рязанцев С. В., Гаджимурадова Г. И.</i> Русскоязычная иммиграция в Финляндию: новые формы, тенденции, последствия	146
<i>Щекотуров А. В., Кришталь М. И., Зимовина Е. П.</i> Медиаобразы Калининградской области в структуре миграционных установок миллениалов и реформенного поколения	165

От редакторов

---

doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-10

Предлагаемый вниманию читателей тематический выпуск журнала является логическим продолжением научного форума международной программы «Балтийский университет», прошедшего в августе 2020 года¹.

БФУ им. И. Канта как один из постоянно действующих центров программы стал «рупором» форума, открыв возможности для публикации лучших статей по результатам этого научного мероприятия. Вслед за форумом, темой которого было устойчивое развитие, выпуск посвящен наилучшим практикам внедрения принципов устойчивого развития в Балтийском регионе.

В рамках концепций, поддерживаемых программой «Балтийский университет» [1; 2], под Балтийским регионом понимают страны, расположенные в пределах бассейна рек, впадающих в Балтийское море: Чехию, Словакию, Украину и Белоруссию. Такое понятие сложилось именно в результате «экологического» подхода, заключающегося в положении, что состояние (качество) вод Балтийского моря напрямую зависит от чистоты рек, в него впадающих, а значит, от того, как люди, проживающие на его берегах, относятся к окружающей среде, какие законы, направленные на ее защиту, действуют в этих странах.

Устойчивое развитие — это не просто сочетание экологических, экономических и социальных составляющих. Для того чтобы эти подходы стали эффективными, необходимо также выработать этические принципы. Инициированная еще в 1987 году Комиссией Брундтланд концепция устойчивого развития получила свой план действий по глобальному переходу к устойчивому развитию под названием «Agenda 21 — Повестка XXI века» и за три десятилетия приобрела широкую известность. Применительно к условиям Балтийского региона была разработана программа «Повестка XXI века для Балтийского региона», утвержденная в 1998 году Советом стран Балтийского региона (в который входит и Российская Федерация)². В этом документе сформулированы принципы устойчивого развития для различных секторов экономики стран Балтийского моря. Наличие такой программы, признанной всеми странами Балтийского региона, создает институциональную основу устойчивого развития в регионе.

В Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятой в 2015 году, все страны — члены ООН поддержали реализацию Целей в об-

---

¹ *BUP Symposium 2020: Research and Innovation for a Sustainable Baltic Sea Region*. 2020. URL: <http://www.bupsymposium2020.se/> (дата обращения: 10.05.2021).

² *Agenda 21 for the Baltic Sea Region // Adopted at the 7th Ministerial Session of the Council of the Baltic Sea States, Nyborg, June 22—23, 1998*. URL: <http://www.un.org/esa/agenda21/natlinfo/action/baltic.htm> (дата обращения: 10.05.2021).

ласти устойчивого развития³. В Балтийском регионе под эгидой Совета государств Балтийского моря (СГБМ) было сформулировано Видение для Балтийского региона на период до 2030 года⁴. В результате 17 общих целей устойчивого развития ООН были объединены в 6 приоритетных фокус-групп, а именно: устойчивые города и сообщества; действия в защиту климата; равенство и социальное благополучие для всех; переход к устойчивой экономике; качественное образование и обучение на протяжении всей жизни; партнерство.

В предлагаемом вашему вниманию выпуске статьи раскрывают именно эти направления устойчивости.

Г. Рус и Ю. Фарафонтон в своем исследовании показали зависимость устойчивого экономического развития (**перехода к устойчивой экономике**) приморских территорий (синей экономики) от готовности к внедрению инноваций на примере цифровизации прибрежных регионов стран Балтийского региона. Авторы приходят к выводу, что наряду с развитием цифровой инфраструктуры необходимо создать условия для внедрения новых технологий, ведущих к появлению новых продуктов и сервисов.

Туризму как одному из наиболее зеленых видов экономики посвящена работа Л. Сатыр, Р. Задорожной и Л. Стадник. Авторы проанализировали туристические потоки между гражданами Украины и государствами Балтийского региона. В статье отмечено значительное увеличение спроса на это направление среди украинцев. Это вносит дополнительные коррективы в спрос на данный вид услуг в регионе, способствует **росту экономического сотрудничества**, прежде всего его устойчивых (экологических) форм.

Исследование А. Апсите посвящено выявлению важных факторов, влияющих на качество жизни. От того, насколько сбалансированно организованы рабочее и личное время людей, во многом зависит здоровье общества. Во время пандемии эта тема приобрела особое звучание, удаленная работа не только оказалась возможной, но в значительной степени позволила пересмотреть роль участников рабочего процесса — например, организация рабочего места и рабочего процесса является теперь не только заботой работодателя, но и зависит от способности к самоорганизации работника. Следует отметить, что помимо перераспределения времени в системе «работа — жизнь» в пользу «жизни», удаленная работа **способствует более устойчивому развитию городов и местных сообществ**, так как снижается интенсивность транспортного потока, а значит, и использование топлива (углеводородов), а также выбросы вредных веществ в атмосферу.

В статье В. Алтуниной и И. Алиевой исследована национальная модель экологического финансирования, обоснована роль рынка зеленых инвестиций в обеспечении поступательного перехода и достижении ЦУР. Рассмотрены национальные (российские) институты, работающие на рынке зеленых облигаций — долгового финансового инструмента, при выпуске которого эмитент-заемщик получает от инвесторов — правительства, банков, муниципалитетов или корпораций — капитал, который может быть вложен только в экологические проекты в области **сохранения климата**, возобновляемой энергетики, поддержания экосистем, повышения энергоэффективности, низкоуглеродной экономики, чистого транспорта и др. Таким образом, зеленые инвестиции играют значимую роль в реализации идей **защиты климата**.

³ Sustainable Development Goals. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 10.05.2021).

⁴ Vision for the Baltic Sea Region 2030. URL: <https://vasab.org/wp-content/uploads/2018/06/Achievement-of-the-2030-Agenda-in-the-BSR.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).

Проблемы, вызванные социальным неравенством, приводят к депопуляции сельских регионов. Например, на охраняемых территориях прибрежной Литвы с уникальными и разнообразными природными и культурными объектами некоторые поселения теряют население вследствие неразвитой социально-экономической инфраструктуры, отсутствия предпринимательских навыков, экологического образования и ограничений в ведении сельского хозяйства и управления. Д. Веркулевичюте-Крюкене, А. Бучене и Э. Чепиене изучают эту проблему, предлагают способы улучшить ситуацию путем создания новых рабочих мест в устойчивой сфере, такой как сельский туризм, и рекомендуют переосмыслить экологические ограничения. Это решение соответствует приоритету **«равенство и социальное благополучие для всех»**.

Партнерство является важнейшим условием для достижения целей устойчивого развития. Программы приграничного сотрудничества, получившие реализацию в Балтийском регионе, остаются важным инструментом взаимодействия стран ЕС и России. Соблюдение принципов устойчивого развития — одно из первостепенных требований, заложенных в программных документах. В ряде программ сохранение природного и культурного наследия выделено в самостоятельный тематический раздел. Результатом одного из проектов, реализуемых в рамках программы приграничного сотрудничества Россия — Литва на 2014—2020 годы, стала разработка нового экологического маршрута «Геолого-геоморфологическая летопись Балтики». Вовлечение в эколого-туристическое использование совместного природного объекта, включенного в Список Всемирного наследия Юнеско, Куршской косы, является наилучшим примером партнерства с целью устойчивого развития. А. Анохин и Е. Кропинова и Э. Спиряевас в своей статье пишут о результатах проекта.

Список литературы

1. *Sörlin S.* A Sustainable Baltic Region // The Baltic University Programme. Session 1. Uppsala, 1997.
2. *Ryden L., Migula P., Andersson M. (eds.)*. Environmental Science / A Baltic University Publication. 2003. URL: <https://www.balticuniv.uu.se/publications/text-books-and-publications/environmental-science/> (дата обращения: 10.05.2021).

Приглашенные редакторы выпуска

Елена Кропинова, БФУ им. И. Канта, Россия

E-mail: EKropinova@kantiana.ru

Мадлен Гранвик, Уппсальский университет, Швеция

E-mail: madeleine.granvik@balticuniv.uu.se

ВОЗМОЖНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИМОРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Н. Й. А. Руус¹

Н. Е. Кубина²

Ю. Ю. Фарафонова²

¹ Университет Флиндерс, Австралия, 5042, Австралия, Аделаида, Бедфорд Парк

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 17.01.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-1

© Руус Н.Й.А., Кубина Н.Е., Фарафонова Ю.Ю., 2021

Статья посвящена исследованию возможностей для устойчивого экономического развития приморских территорий региона Балтийского моря, заключающихся в использовании потенциала отраслей и секторов синей экономики в условиях цифровой трансформации. Цель статьи — в рамках научного исследования доказать, что более активное вовлечение в хозяйственный оборот ресурсов местоположения может быть одним из источников устойчивости экономического развития приморских территорий региона Балтийского моря при условии внедрения инноваций, основанных на цифровых технологиях. В рамках достижения поставленной цели в работе решены следующие задачи: рассматриваются методологические подходы к оценке устойчивости развития территорий, проводится оценка социально-экономического развития приморских территорий региона Балтийского моря в динамике за период 2009—2018 годов (в сопоставлении со средним уровнем развития в соответствующей стране), обосновывается важность развития синей экономики для достижения целей устойчивого развития ООН в регионе Балтийского моря, на примере основанных на цифровых технологиях инноваций в отдельных отраслях рассмотрено влияние цифровой трансформации на достижение целей устойчивого развития в регионе Балтийского моря. Основу проведенного исследования составили анализ научных публикаций, а также методы сравнительного и проблемно-целевого анализа статистических показателей. Анализ показал, что имеют место значительные различия в уровне и динамике социально-экономического развития приморских территорий в регионе Балтийского моря. Также выявлено отставание подушевого ВРП приморских территорий от его среднего значения в соответствующей стране и в макрорегионе. Изучение научных публикаций по проблематике устойчивого развития в регионе Балтийского моря показало, что предотвратить негативное влияние неравномерности развития на достижение целей устойчивого развития в регионе возможно за счет более активного использования уникальных ресурсов приморских территорий региона Балтийского моря, подъема отраслей и секторов синей экономики на новой технологической основе. Инвестирование в разработку и внедрение цифровых технологических решений в этих отраслях, а также в развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры приморских территорий региона Балтийского моря является залогом их конкурентоспособности. Как показал обзор

Для цитирования: Руус Н. Й. А., Кубина Н. Е., Фарафонова Ю. Ю. Возможности обеспечения устойчивого экономического развития приморских территорий региона Балтийского моря в условиях цифровой трансформации // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 2. С. 7–26. doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-1.

ключевых инноваций в отраслях синей экономики, их внедрение дает толчок развитию других секторов за счет сокращения затрат, создания новых рабочих мест и повышения качества продуктов и услуг.

Ключевые слова:

регион Балтийского моря, устойчивое развитие, синяя экономика, цифровизация

Введение

Регион Балтийского моря (РБМ) привлекает внимание исследователей по многим причинам: приграничное положение входящих в него стран и регионов [1–3], их приморское положение [4; 5], исторически сложившиеся связи [6]. Регион также представляет интерес, поскольку является пилотным для ряда проектов ЕС, например это первый макрорегион ЕС, для которого была разработана собственная стратегия [7–9]. Исследователи отмечают, что побудительным мотивом к ее разработке послужило осознание того факта, что экосистема Балтийского моря испытывает стресс, для устранения которого нужны согласованные усилия на межгосударственном и надтерриториальном уровнях [10]. Значительное внимание уделяется рассмотрению проблематики устойчивости развития зачастую в связке с развитием синей экономики, под которой подразумевается использование ресурсов морей и океанов с целью обеспечения экономического роста, улучшения условий жизни и труда населения, а также состояния экосистемы океана¹ (см. напр., [8; 11–15]).

Термин «устойчивое развитие» был введен в 1987 году в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию. Согласно представленному в нем определению, это «развитие, которое обеспечивает удовлетворение потребностей нынешнего поколения, не подрывая при этом возможности удовлетворения потребностей будущих поколений»². В 2015 году в рамках повестки 2030 ООН³ были приняты 17 целей устойчивого развития в трех взаимозависимых направлениях: экономический рост, социальное развитие, защита окружающей среды. В литературе устойчивое развитие понимается как развитие, обеспечивающее сбалансированность этих трех компонентов (см. напр. [16; 17 и др.]), при этом некоторые авторы добавляют также политическую составляющую [18; 19].

В рамках настоящей работы устойчивое экономическое развитие рассматривается как комплексный процесс, который ведет к решению социально-экономических проблем, улучшению условий жизни населения региона и состояния окружающей среды с помощью достижения сбалансированности социальной и экономической сфер.

Несмотря на то, что цели устойчивого развития (ЦУР) не являются юридически обязательными, многие наднациональные и национальные стратегии разрабатываются с их учетом. Например, принятые в июне 2020 года национальные цели развития Российской Федерации до 2030 года⁴ практически полностью совпадают с ЦУР

¹ *What is the Blue Economy?* June 6, 2017 // World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/infographic/2017/06/06/blue-economy> (дата обращения: 15.03.2021).

² *Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future.* 1987. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения: 20.12.2020).

³ *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года* : резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года № A/RES/70/1. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 18.12.2020).

⁴ *О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года* : указ президента РФ от 21.07.2020 №474. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ООН. В ЕС цели устойчивого развития, принятые ООН, должны в обязательном порядке инкорпорироваться во все стратегические документы⁵. Одна из них — цель 14 («Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития»⁶) — особенно актуальна для приморских стран и территорий в силу их расположения. В ЕС ее значимость отражена в стратегии синего роста в рамках развития секторов синей экономики⁷, в регионе Балтийского моря она нашла отражение в стратегии ЕС для этого макрорегиона⁸.

Призывы к достижению ЦУР в регионе Балтийского моря на основе реализации потенциала синей экономики содержат в себе определенное противоречие, поскольку повышение экономической активности в секторах и отраслях морехозяйственного комплекса провоцирует усиление экологической нагрузки на экосистему Балтийского моря. Предпосылки для разрешения данного противоречия создает цифровая трансформация.

Как следует из недавнего исследования на тему использования больших данных и искусственного интеллекта в морской отрасли [20], понятие «цифровая трансформация» является наиболее адекватным для характеристики не только изменения качества бизнес-моделей, базирующихся на цифровых технологиях, но и отношений между различными заинтересованными сторонами, прямо или косвенно причастными к производству продуктов и услуг синей экономики. На наш взгляд, цифровая трансформация придает данным отношениям свойства системности и всеобщности, что только и делает возможной реализацию согласованных действий по достижению ЦУР в регионе Балтийского моря.

Цифровая трансформация — явление не новое, однако пандемия COVID-19 послужила своего рода ее катализатором [21–26]. Ситуация, когда поездки, командировки, физическое присутствие на рабочем месте и общение с клиентами, коллегами, партнерами оказались невозможными, поставила многие предприятия перед выбором — уйти с рынка либо адаптироваться. Второй вариант потребовал ускоренного внедрения цифровых технологий (больших данных, искусственного интеллекта, облачных технологий, RFI) и перестройки бизнес-моделей, что позволило оперативно реагировать на непредвиденные ситуации и снижать издержки [27]. Когда пандемия закончится, в выигрышном положении будут предприятия и территории, которые сумеют достичь к этому времени «цифровой зрелости» [28]. Ускорение цифровой трансформации, а также конкурентные преимущества, которые она обеспечивает, следует принимать во внимание, разрабатывая не только национальные, но и региональные стратегии.

Следует отметить, что в большинстве работ, посвященных РБМ, рассматриваются либо страны целиком, либо приморские территории уровня NUTS 3⁹ и рос-

---

⁵ EU approach to sustainable development. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/international-strategies/sustainable-development-goals/eu-approach-sustainable-development_en (дата обращения: 19.12.2020).

⁶ Цели в области устойчивого развития. Цель 14: Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития // ООН. Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/oceans/> (дата обращения: 19.12.2020).

⁷ Blue Growth // European commission. URL: https://ec.europa.eu/maritimeaffairs/policy/blue_growth_en (дата обращения: 20.12.20).

⁸ EU Strategy for the Baltic Sea Region. URL: <https://www.balticsea-region-strategy.eu/> (дата обращения: 23.12.2020).

⁹ Coastal, island and outermost regions // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/coastal-island-outermost-regions/background> (дата обращения: 24.01.2020).

сийские регионы — в зависимости от трактования термина РБМ [29]. В настоящей работе РБМ рассматривается в его узком значении: это территории, находящиеся непосредственно на морском побережье, поскольку данные территориальные объекты испытывают на себе максимальное влияние близости моря как фактора, определяющего устойчивость социально-экономического развития [18].

Под термином «приморская территория» в данной статье понимается административно-территориальная единица мезоуровня, примыкающая к внутренним морским водам и (или) территориальному морю страны. Таким образом, понятие «приморские территории региона Балтийского моря» охватывает территориальные объекты, относящиеся к региону в его узком значении: «находящиеся непосредственно на морском побережье и вблизи него» [29]. Это 3 приморских субъекта РФ (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область) и 21 регион ЕС. Следует отметить, что несмотря на то, что Евросоюз определяет приморские регионы как единицы уровня NUTS 3, в настоящей работе рассматриваются единицы уровня NUTS 2 и в некоторых случаях NUTS 1 (целые страны), поскольку именно данный уровень формально сопоставим с российскими балтийскими регионами — Калининградской областью (КО), Ленинградской областью (ЛО) и Санкт-Петербургом (СПб) с численностью населения соответственно 1 002,2, 1 847,9 и 5 383,9 тысяч человек¹⁰.

Подходы к оценке устойчивости развития территории

В рамках стратегии устойчивого развития ООН для достижения 17 целей 6 июля 2017 года были приняты 169 задач и 231 индикатор¹¹. ЕС использует 100 индикаторов для отслеживания достижения 17 целей устойчивого развития ООН. Отдельные страны ЕС осуществляют мониторинг достижения ЦУР лишь по показателям, которые для них наиболее актуальны. Например, Германия применяет всего 65 показателей¹². Россия представляет добровольный отчет по 90 показателям, однако принятые в нашей стране национальные проекты фактически охватывают 107 из 169 задач ЦУР¹³.

Мониторинг достижения ЦУР отдельными регионами и территориями сейчас скорее исключение, однако на настоящий момент уже признана важность следования стратегии устойчивого развития не только на национальном, но и на субнациональном уровнях. Так, например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) указывает, что 65 % задач, разработанных ООН для достижения ЦУР, невозможно решить без участия местных и региональных правительств¹⁴.

¹⁰ *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019* : стат. сб. Росстат. М., 2019. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения: 24.01.2020).

¹¹ *Работа* Статистической комиссии, связанная с деятельностью по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 10.07.2017 № A/RES/71/313. URL: <https://undocs.org/A/RES/71/313> (дата обращения 24.12.2020).

¹² *Sustainable development indicators* // Destatis. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Sustainable-Development-Indicators/_node.html (дата обращения: 06.01.21).

¹³ *Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Российская Федерация. 2020.* URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 28.12.2020).

¹⁴ *A Territorial Approach to the Sustainable Development Goals: Synthesis report* // OECD iLibrary. 2020. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/e86fa715-en/index.html?itemId=/content/publication/e86fa715-en> (дата обращения: 30.12.2020).

В связи с этим, вероятно, в ближайшем будущем регионы также будут представлять отчеты о результатах мониторинга достижения ЦУР на своих территориях.

Для оценки уровня устойчивости социально-экономического развития территорий большинство авторов предлагают синтетические показатели, учитывающие экономическую, социальную и экологическую составляющие, разработанные на базе индексов ООН [13; 17; 30—33]. Как правило, оценки опираются на использование методологии сравнительного анализа, включающего анализ среды функционирования [34; 35], анализ отклонения от среднего решения [36]. К сожалению, применение таких показателей в рамках настоящей работы не представляется возможным из-за отсутствия статистических данных по отдельным территориям ЕС и РФ.

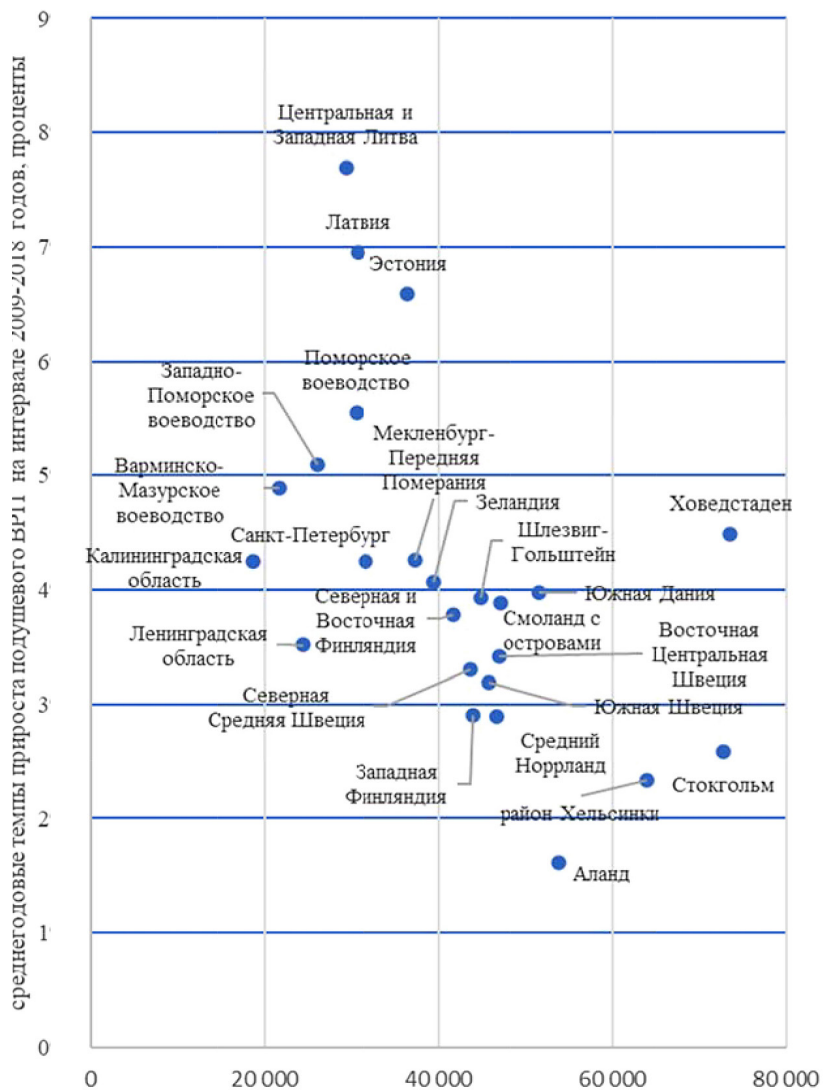
Большинство авторов оценивают устойчивость социально-экономического развития с использованием показателя ВВП на душу населения. Альтернативой ему служит индекс устойчивости экономического благосостояния (ISEW), предложенный Х.Э. Дэйли и Дж.Б. Коббом [37]. Данный индекс применяется как на уровне стран [38; 39], так и на уровне отдельных регионов [40]. Следует отметить, что он скорее дополняет подушевой ВВП, а не заменяет его (для его расчета так же используются данные о личном потреблении, скорректированные таким образом, чтобы учитывать неравенство в уровне доходов, издержки, связанные с преступностью, ухудшением состояния окружающей среды, потерей досуга, а также выгоды от использования потребительских товаров длительного пользования, наличия общественной инфраструктуры, а также от волонтерской деятельности и бесплатной работы по дому [41]). Основным интегральным показателем, характеризующим уровень социально-экономического развития региона в экономических исследованиях, по-прежнему является валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения.

Оценка социально-экономического развития приморских территорий РБМ

В настоящей работе приморские территории сравниваются по показателю ВРП на душу населения по паритету покупательской способности. В аналитических целях расчет данного показателя проводился для периода с 2009 по 2018 год с последующим переходом к вычислению его среднегодовых темпов роста (методом средней геометрической) и темпов прироста по соответствующим территориальным объектам (путем вычитания 100 % из ранее полученных показателей). В результате были получены данные, позволяющие сравнивать между собой приморские территории региона Балтийского моря по уровню и динамике социально-экономического развития (рис. 1).

Для расчета показателя по субъектам РФ объем ВРП корректировался с учетом индекса паритета покупательной способности (ППС) (российских рублей за 1 доллар США). Для расчета значений показателя для ЕС-использовался индекс ППС ОЭСР (национальная валюта (евро) к доллару США) с поправкой на курс национальных валют (для Дании, Польши и Швеции).

В рамках решения задач данного исследования сопоставлен уровень развития приморских территорий со средним по соответствующим странам. Сравнение осуществлялось на базе подушевого ВРП, рассчитанного по паритету покупательной способности, по состоянию на 2018 год (рис. 2).

Величина подушевого ВРП (по ППС), по данным 2018 года, долл. на чел.

Рис. 1. Характеристика уровня и динамики подушевого ВРП приморских территорий региона Балтийского моря по состоянию на 2018 год

Источник: расчеты авторов по данным Росстата¹⁵, Евростата¹⁶, ОЭСР¹⁷.

¹⁵ Паритет покупательной способности // Оценка ВВП России в единой валюте по результатам международных сопоставлений. 08.04.2020. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/osenka-vvp.htm (дата обращения: 09.04.2020); ЕМИСС. Валовой региональный продукт на душу населения. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42928> (дата обращения: 09.01.2021).

¹⁶ Euro/ECU exchange rates annual data, Gross domestic product (GDP) at current market prices by NUTS 3 regions, Average annual population to calculate regional GDP data (thousand persons) by NUTS 3 regions // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 30.08.2020).

¹⁷ Purchasing power parities (PPP) (indicator) // OECD iLibrary. doi: 10.1787/1290ee5a-en (дата обращения: 18.10.2020).

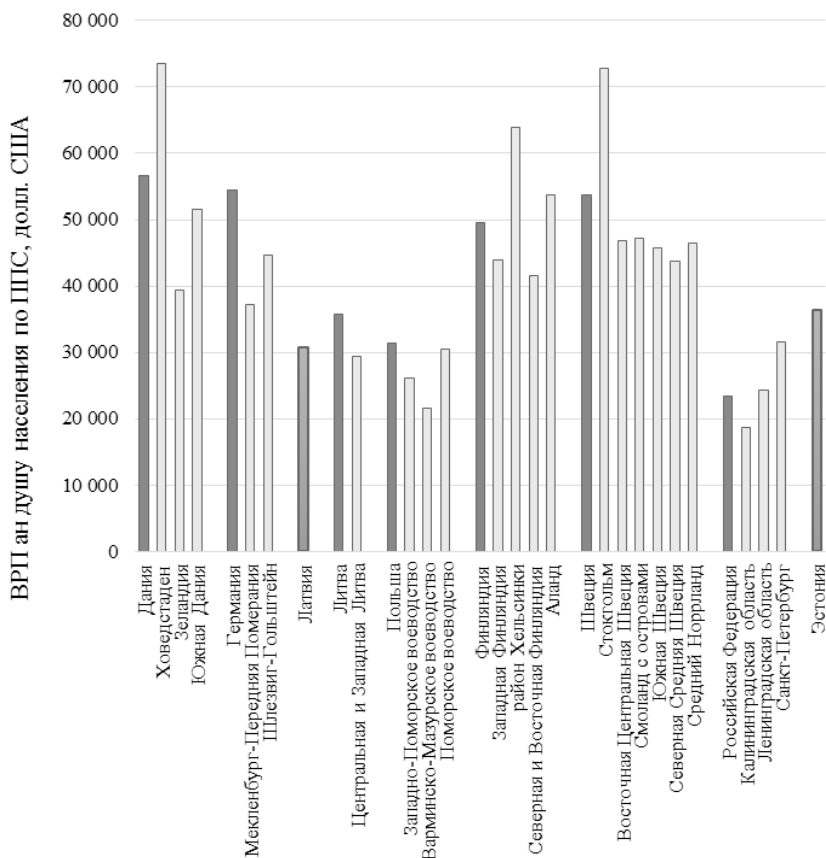

Рис. 2. ВРП на душу населения в приморских территориях и странах региона Балтийского моря, 2018 год, долл. США

Источник: расчеты авторов по данным Росстата¹⁸, Евростата¹⁹, ОЭСР²⁰.

Сравнительный анализ, выполненный на базе показателя подушевого ВРП, выявляет значительные различия в уровне и динамике экономического развития приморских территорий РБМ. Наименьший уровень ВРП по ППС отмечен в приморских территориях Прибалтики, Польши и РФ. Так, в российской Калининградской области значения показателя почти в 4 раза меньше, чем в датском регионе Ховедстаден (по состоянию на 2018 год). Однако темпы роста показателя были наиболее высокими в Прибалтике и в Польше, тогда как самые низкие отмечены на приморских территориях Скандинавии, что связано, очевидно, с различиями в базовом уровне анализируемых показателей.

¹⁸ Паритет покупательской способности // Оценка ВВП России в единой валюте по результатам международных сопоставлений. 08.04.2020. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/ocenka-vvp.htm (дата обращения: 09.04.2020); Валовой региональный продукт на душу населения // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42928> (дата обращения: 09.01.2021).

¹⁹ Eurostat. Euro/ECU exchange rates annual data, Gross domestic product (GDP) at current market prices by NUTS 3 regions, Average annual population to calculate regional GDP data (thousand persons) by NUTS 3 regions. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 30.08.2020).

²⁰ Purchasing power parities (PPP) (indicator). doi: 10.1787/1290ee5a-en.

За исключением регионов, в которых расположены крупнейшие города — Санкт-Петербург, Ховедстаден, Стокгольм и Хельсинки, традиционно являющиеся центрами экономической активности, а также региона Аланд, ВРП на душу населения по ППС на приморских территориях региона Балтийского моря уступает среднему по соответствующей стране и по макрорегиону в целом.

Такое отставание свидетельствует о том, что основная экономическая активность сосредоточена на внутренних, не имеющих выхода к морю, территориях стран РБМ. Данный факт находится в противоречии с тезисом о позитивном влиянии приморского положения и наличия прямого выхода к морю на экономический рост и развитие соответствующих территорий. Данный тезис доказан в недавнем исследовании на статистическом материале отрасли морских грузоперевозок [42].

Исследователи видят возможные объяснения причин сложившегося положения вещей в том, что большинство приморских территорий РБМ является периферийными, как правило сельскими, образованиями. Для них характерны низкая и продолжающаяся сокращаться численность населения, а также достаточно высокий уровень безработицы. Возможности трудоустройства для средне- и высококвалифицированных специалистов крайне ограничены. Вероятно, это объясняется тем, что местные отрасли синей экономики не выдержали международной конкуренции в условиях глобализации (в частности, морские грузоперевозки и судостроение). Значительная часть производств выпускает продукцию с низкой добавленной стоимостью (например, рыболовство и рыбообработка)²¹.

Выявленное отставание в уровне и динамике экономического развития приморских территорий Российской Федерации, Прибалтики и Польши создает угрозу устойчивости данных территориальных образований и региона Балтийского моря в целом. Данное обстоятельство должно побуждать к принятию согласованных решений об ускоренном переводе отраслей и производств региона Балтийского моря на новые технологические основы, базирующиеся на цифровизации. Как подчеркивают О. Четин, Д.М. Ирак, Н. Кахьяоглу, процесс повышения роли синей экономики в достижении ЦУР, который авторы называют «маритимизацией», нуждается в системном планировании и управлении [43], организационной и технологической основой которого и выступает цифровая трансформация.

Источники устойчивости экономического развития в РБМ

Устойчивость экономического развития территории во многом определяется ее уникальными особенностями и ресурсами [18; 44]. Для приморских территорий это в первую очередь прибрежно-морской компонент: водные биоресурсы, минерально-сырьевая база, незамерзающие порты, туристско-рекреационные ресурсы. Такие ресурсы определяют возможности для развития здесь морехозяйственной деятельности, или синей экономики. Ее важность подчеркивается как в российских законодательных документах²², так и в европейских: синяя экономика указана как

²¹ Eurostat regional yearbook. 2020 edition. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/11348978/KS-NA-20-001-EN-N.pdf/f1ac43ea-cb38-3ffb-ce1f-f0255876b670> (дата обращения: 08.01.2020).

²² О Методических рекомендациях по разработке прибрежно-морского компонента Стратегии социально-экономического развития приморского субъекта Российской Федерации : <письмо> Минэкономразвития России от 11.10.2013 № Д17и-904. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP&dst=100001&n=568765&req=doc#03239287579437973> (дата обращения: 31.08.2020); О Стратегии развития морской деятельности РФ до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 30 августа 2019 г. № 1930-р. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf> (дата обращения: 30.08.2020).

одно из направлений будущей стратегии ЕС *Horizon Europe*²³, а ее отрасли оказываются основными сферами деятельности в стратегии РБМ²⁴.

По состоянию на 2018 год в ЕС в секторах синей экономики трудились занято около 2,2% от общего числа занятых в ЕС, а валовая добавленная стоимость составляла 1,5% от общеевропейской²⁵. При этом отмечается, что синяя экономика обладает значительным потенциалом создания добавленной стоимости и новых рабочих мест.

К отраслям синей экономики относят живые ресурсы моря (рыболовство, разведение аквакультуры, переработка, дистрибуция); неживые ресурсы моря (нефть, газ, иные минеральные ресурсы); возобновляемую энергию (энергия ветра); портовое хозяйство (складская деятельность, обработка грузов, инфраструктурные проекты), судостроение и судоремонт; морской транспорт (пассажирский, грузовой, обслуживание транспорта); приморский туризм (размещение, транспорт, иные услуги); использование энергии океана (плавающие станции для получения энергии ветра, солнечной энергии, использование энергии волн и приливов, прибрежное производство водорода); синюю биоэкономику и биотехнологии; морские минералы (добыча из недр морского дна); морскую инженерию (прокладка подводных кабелей)²⁶.

Успешное развитие этих отраслей требует инноваций, именно они на данный момент являются залогом их конкурентоспособности, а значит, и экономической устойчивости территории [45]. Так, например, для повышения прозрачности финансовых операций и эффективности логистики в морских перевозках сейчас все чаще используется технология блокчейна. Для управления движением в порту, а также для управления складскими помещениями используется Интернет вещей [46]. Исследователи называют цифровую трансформацию одним из основных драйверов развития для портов [47; 48]. Технология дополненной реальности расширяет возможности культурно-исторического туризма, активно развиваются «умные направления», появляются новые бизнес-возможности и новые рабочие места [49]. Использование автономных судов позволяет осуществлять эффективный и безопасный мониторинг состояния подводных трубопроводов. Искусственный интеллект применяется в рыболовстве, в акустических и видеотехнологиях. Подробный обзор цифровых технологий и созданных на их основе инновационных решений в отраслях синей экономики, приведенных в отчете ОЭСР²⁷, позволяет убедиться в том, что внедрение этих технологий может стать существенным источником повышения устойчивости экономического развития РБМ, поскольку за счет ускорения реализации всех бизнес-процессов, рационализации логистики и оптимизации пространственных перемещений ресурсов и продукции они позволяют значительно уменьшать затраты, повышать качество услуг, создавать новые рабочие места, а также существенно снижать выбросы вредных веществ, минимизируя углеродный след, порождаемый работой транспорта.

Преимущества цифровой трансформации синей экономики стимулируют внедрение взаимосвязанных инноваций в других отраслях и секторах. Так, например, развитие оффшорной ветроэнергетики (на плавучих станциях) и использование

²³ *The EU Blue Economy Report*. 2020. Publications Office of the European Union. Luxembourg. doi: 10.2771/363293.

²⁴ *EU Strategy for the Baltic Sea Region*. URL: <https://www.balticsea-region-strategy.eu/about/implementation> (дата обращения: 26.12.20).

²⁵ *The EU Blue Economy Report*. 2020 // Publications Office of the European Union. doi: 10.2771/363293.

²⁶ *The EU Blue Economy Report*. 2020 // Publications Office of the European Union. doi: 10.2771/363293.

²⁷ *Rethinking Innovation for a Sustainable Ocean Economy* // OECD. doi: 10.1787/9789264311053-en.

цифровых решений в данной сфере положительно скажется на портовой, судостроительной деятельности, а также на деятельности поставщиков и операторов морского оборудования²⁸. Инновации в разведении аквакультуры, приводящие к увеличению объема производства при минимизации негативного влияния на окружающую среду, в свою очередь, окажут благоприятное экономическое воздействие на ниже- и вышестоящие звенья цепочки создания ценности — рыбоперерабатывающую промышленность, производство кормов для аквакультуры. Эти секторы будут расти, не только создавая новые рабочие места, но и внося ощутимый вклад в бюджет территорий. Помимо этого, поскольку предполагается перенос ферм для аквакультуры дальше от берега в связи с необходимостью сокращать негативное воздействие на окружающую среду, а также в связи с конкуренцией за территорию с другими секторами [50], потребуются решение вопросов проектирования устойчивых конструкций, обеспечения доступа к объекту для наблюдения, сбора урожая и технического обслуживания, что потребует в том числе развития технологии автономных судов.

По свидетельствам авторов публикаций по проблематике синей экономики, на текущий момент можно констатировать недостаток исследований, в которых бы оценивалось всеобъемлющее влияние цифровых технологий на развитие всех секторов синей экономики [20; 51]. Однако, как было показано выше на примерах, устойчивое развитие отраслей синей экономики, а соответственно, и приморских территорий оказывается напрямую связано с их готовностью к осуществлению инноваций²⁹, опирающихся на цифровые технологии.

Предпосылкой для распространения цифровых решений в бизнесе и личном потреблении выступает развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры приморских территорий РБМ и подключение пользователей к соответствующим услугам. Для оценки текущего уровня данной инфраструктуры используются комплексные показатели, включая индекс цифровой экономики и общества DESI³⁰, международный индекс цифровой конкурентоспособности IMD³¹, национальный индекс цифровой экономики³² и целый ряд других³³. Однако их применение в рамках данного исследования затруднено, поскольку необходимая информация предоставляется в большинстве случаев на уровне стран, а не отдельных территорий.

В силу особенностей статистического учета в ЕС на текущий момент сравнение приморских территорий РБМ по уровню цифровизации возможно с использованием только данных по удельному весу домохозяйств с доступом к широкополосному интернету (без данных по приморским воеводствам Польши, которые отсутствуют) (табл.).

---

²⁸ *Powering the next generation of green energy in the Baltic Sea Region* // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/projects/Estonia/powering-the-next-generation-of-green-energy-in-the-baltic-sea-region (дата обращения: 29.12.2020).

²⁹ *Towards a blue-green economy in the Baltic Sea Region* // Submariner Network. URL: <https://www.submariner-network.eu/submariner-roadmap> (дата обращения: 07.01.2021).

³⁰ *Индекс цифровой экономики и общества (DESI) 2020*. URL: <https://eufordigital.eu/ru/library/digital-economy-and-society-index-desi-2020/> (дата обращения: 14.12.2020).

³¹ *IMD World Digital Competitiveness. Ranking 2020* // IMD. URL: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2020/> (дата обращения: 14.12.2020).

³² *Национальный индекс развития цифровой экономики*. URL: <https://digital.ac.gov.ru/poleznaaya-informaciya/4210/> (дата обращения: 18.12.2020).

³³ *Индикаторы цифровой экономики: 2020* : ст. сб. / Г.И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ice2020> (дата обращения: 16.12.2020).

Доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», 2009 – 2018 годы, %

Регион	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
<i>Германия</i>	65	75	78	82	85	87	88	90	92	90
Мекленбург-Передняя Померания	56	57	67	71	75	78	84	89	85	89
Шлезвиг-Гольштейн	71	81	79	80	86	88	89	90	88	90
<i>Дания</i>	76	80	84	85	87	85	84	92	92	90
Ховедстаден	80	83	86	86	87	89	83	93	93	91
Зеландия	71	76	82	84	86	86	86	91	89	89
Южная Дания	74	80	80	81	85	82	87	89	92	88
<i>Латвия</i>	50	53	59	67	70	73	74	75	76	79
<i>Литва</i>	50	54	56	60	64	65	67	71	75	78
Центральная и Западная Литва	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	77
<i>Польша</i>	51	57	61	67	69	71	71	76	78	79
Северо-Западный макрорегион	55	61	67	68	71	70	70	76	78	81
Северный макрорегион	53	59	61	65	70	72	70	74	79	82
<i>Российская Федерация</i>	57	57	57	57	57	64	67	71	73	73
Северо-Западный федеральный округ	73	73	73	73	73	73	77	77	75	77
Калининградская область	73	73	73	73	73	73	71	74	76	71
Ленинградская область	74	74	74	74	74	74	74	73	68	73
Санкт-Петербург	84	84	84	84	84	84	86	85	83	85
<i>Финляндия</i>	74	76	81	85	88	89	90	91	93	93
Материковая Финляндия	74	76	81	85	88	89	90	91	93	93
Западная Финляндия	69	72	80	84	85	88	87	88	92	93
Район Хельсинки	Н/д	Н/д	Н/д	90	92	93	95	95	98	96
Южная Финляндия	Н/д	Н/д	Н/д	83	88	88	86	93	91	91
Северная и Восточная Финляндия	70	75	79	81	86	86	88	89	92	91
Аланд	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д
<i>Швеция</i>	79	83	86	87	Н/д	87	83	89	93	91
Восточная Швеция	82	85	89	88	Н/д	88	84	90	95	92
Стокгольм	84	87	91	89	Н/д	88	85	90	96	93
Восточная Центральная Швеция	79	82	86	85	Н/д	88	82	89	93	91
Южная Швеция	79	82	84	87	Н/д	87	82	89	91	93
Смоланд с островами	75	78	84	86	Н/д	85	76	83	89	91
Южная Швеция	80	84	87	88	Н/д	85	80	93	90	94
Северная Швеция	76	79	82	85	Н/д	81	83	85	94	87
Северная Средняя Швеция	78	80	80	83	Н/д	78	78	87	88	89

Окончание табл.

Средний Норланд	73	75	82	84	Н/д	84	85	82	100	80
Эстония	61	64	65	73	78	81	87	85	87	89

Источник: данные Росстата³⁴, Евростата³⁵.

Примечание: курсивом выделены данные для стран, жирным шрифтом — для макрорегионов.

Как видно из таблицы, в последнее десятилетие доля хозяйств, имеющих широкополосной доступ к Интернету, в приморских территориях ЕС существенно увеличилась в связи со значительными инвестициями в развитие соответствующей инфраструктуры, которые планируется продолжить в рамках проекта «Цифровая Европа»³⁶. Наиболее низкие значения показателя отмечены в Эстонии, Латвии, Литве, шведском регионе Меллестра Норланд и приморских регионах РФ. При этом на первых четырех территориях с 2007 года наблюдалась положительная динамика данного показателя. В то же время на приморских территориях РФ в отличие от остальных территорий страны доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ в Интернет, осталась на прежнем уровне. Возможная причина — рост численности населения, продолжающийся, несмотря на его естественную убыль, и связанный с положительным сальдо миграции, значительная часть которой приходится на прибывших из других регионов страны³⁷. Кроме того, в России отмечается рост числа выходов в Интернет с использованием смартфонов³⁸, однако статистика по пользованию мобильным Интернетом на уровне отдельных территорий NUTS 2 в ЕС на данный момент не публикуются.

Поскольку цифровизация создает технологические условия для повышения устойчивости экономического развития РБМ, дальнейший ее рост, включая развитие цифровой инфраструктуры, позволяющий внедрять гибкие и адаптивные технологии, направленные на бережное использование природных ресурсов, должен входить в число первоочередных задач на уровне отдельных территориальных образований.

Заключение

Мониторинг достижения целей устойчивого развития на мезоуровне приобретает все большую значимость в современных условиях повышенной неопределенности. Это подкрепляется законодательными актами, принятыми в ЕС и РФ.

Как показал сравнительный анализ уровня и динамики экономического развития приморских территорий РБМ, отставание по показателю подушевого ВРП польских, прибалтийских и российских территорий создает угрозу устойчивости

³⁴ Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» // Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. Росстат, 2020. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 14.08.2020).

³⁵ Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 25.08.2020).

³⁶ Europe investing in digital: the Digital Europe Programme // European Commission. URL: <https://www.digitaleurope.org/> (дата обращения: 06.01.2021).

³⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели — 2020 // Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения 30.03.2021).

³⁸ ИСИЭЗ ВШЭ. Новости. «Цифровая экономика: 2021». URL: <https://issek.hse.ru/news/420475066.html> (дата обращения: 16.03.2021).

не только данных территорий, но и РБМ в целом. Для преодоления отставания и создания предпосылок устойчивости на будущее необходимо активнее использовать потенциал синей экономики.

Как показал анализ публикаций, к настоящему моменту времени создано и внедрено множество цифровых решений и инновационных разработок, направленных на повышение конкурентоспособности хозяйствующих субъектов синей экономики РБМ. Это позволяет увеличить ее вклад в создание добавленной стоимости и новых рабочих мест, в том числе в связанных отраслях и секторах. В то же время цифровая трансформация оптимизирует пространственные перемещения ресурсов и продуктов, содействует снижению углеродной нагрузки на окружающую среду. Тем самым она позволяет разрешить конфликт между текущим производством благ и сохранением ресурсного потенциала на будущее, содействуя достижению целей устойчивого развития.

Эффектами цифровой трансформации, повышающими конкурентоспособность отраслей синей экономики, что подтверждается выводами, основанными на изучении публикаций ведущих исследователей, являются сокращение затрат за счет, например, использования Интернета вещей в управлении портовым хозяйством, повышение качества продуктов и услуг, в частности, путем использования технологии дополненной реальности в сфере туризма, а также применения распределенного реестра в морских перевозках и логистике; повышение безопасности жизнедеятельности посредством, например, использования автономных судов для мониторинга состояния акваферм и подводных трубопроводов.

Изучение данных, характеризующих предпосылки распространения цифровых решений среди пользователей, проживающих на приморских территориях РБМ, привело авторов к выводу о том, что к числу важнейших мер, направленных на ускорение цифровой трансформации отраслей и секторов региона, должны быть отнесены ускоренное инвестирование в развитие инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий и обеспечение всесторонней поддержки для разработки и внедрения новых продуктов и сервисов.

Список литературы

1. Симонян Р. Х. Российско-евросоюзовское и российско-китайское приграничье: экономическое и демографическое измерение // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 43—60. doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-3.
2. Степанова С. В., Шлапекко Е. А. Тенденции развития трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 4. С. 103—117. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-7.
3. Tambovceva T., Atstaja D., Tereshina M. et al. Sustainability Challenges and Drivers of Cross-Border Greenway Tourism in Rural Areas // Sustainability. 2020. Vol. 12: 5927. doi:10.3390/su12155927.
4. Федоров Г. М., Кузнецова Т. Ю. Территориальные особенности развития прибрежных микрорайонов Балтийского региона // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 1. С. 137—150. doi: 10.17059/2019-1-11.
5. Дружинин А. Г. Опорные базы морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 89—104. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-6.
6. Пальмовский Т., Тарковский М. Сотрудничество стран региона Балтийского моря в области морского пространственного планирования // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 2. С. 100—113. doi: 10.5922/2079-8555-2018-2-7.
7. Fischer J., Alimi D., Knieling J., Camara C. Stakeholder Collaboration in Energy Transition: Experiences from Urban Testbeds in the Baltic Sea Region // Sustainability. 2020. Vol. 12, № 22: 9645. doi: 10.3390/su12229645.

8. *Stankevičienė J., Nikanorova M., Čera G.* Analysis of Green Economy Dimension in the Context of Circular Economy: The Case of Baltic Sea Region // *Economics and Management*. 2020. Vol. 23, № 1. P. 4—18. doi: 10.15240/tul/001/2020-1-001.
9. *Gänzle S.* 'Experimental Union' and Baltic Sea cooperation: the case of the European Union's Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR) // *Regional Studies, Regional Science*. 2018. Vol. 5, № 1. P. 339—352. doi: 10.1080/21681376.2018.1532315.
10. *Grönholm S., Jetoo S.* The potential to foster governance learning in the Baltic Sea Region: Network governance of the European Union Strategy for the Baltic Sea Region // *Environmental Policy and Governance*. 2019. Vol. 29, № 6. P. 435—445. doi: 10.1002/eet.1870.
11. *Nikanorova M., Stankevičienė J.* Development of environmental pillar in the context of circular economy assessment: Baltic Sea Region case // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. Vol. 8, № 1. P. 1209—1223. doi: 10.9770/jesi.2020.8.1(81).
12. *Фон Браун Й., Мирзабаев А.* Возможности биоэкономики в Балтийском регионе в контексте региональных и глобальных климатических изменений // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11, № 4. С. 20—35. doi: 10.5922/2079-8555-2019-4-2.
13. *Raszkowski A., Sobczak E.* Sustainability in the Baltic States: Towards the implementation of sustainable development goals (SDG) // *The 13th International Days of Statistics and Economics*. Prague, 2019. P. 1253—1262. doi: 10.18267/pr.2019.los.186.125.
14. *Grönholm S., Rydén L., Zui O. et al.* Assessing the Status of Sustainable Development in the Baltic Sea Region: A Macro-regional Perspective. Uppsala, 2015. doi: 10.13140/RG.2.1.1207.2087.
15. *Gløersen E., Balsiger J., Cugusi B., Debarbieux B.* The role of environmental issues in the adoption processes of European Union macro-regional strategies // *Environmental Science & Policy*. 2019. Vol. 97. P. 58—66. doi: 10.1016/j.envsci.2019.04.002.
16. *Соколовская О. Е.* Аспекты влияния экологического фактора при формировании устойчивого развития региона // *Московский экономический журнал*. 2019. Т. 8. С. 283—295. doi: 10.24411/2413-046X-2019-13034.
17. *Третьякова Е. А., Миролюбова Т. В., Мыслякова Ю. Г., Шамова Е. А.* Методический подход к комплексной оценке устойчивого развития региона в условиях экологизации экономики // *Вестник УрФУ. Сер. экономика и управление*. 2018. Т. 17, № 4. С. 651—669. doi: 10.15826/vestnik.2018.17.4.029.
18. *Шаяхметов М. С.* Особенности рассмотрения устойчивого развития на региональном уровне // *Успехи современного естествознания*. 2017. № 6. С. 108—112.
19. *Мингалева Ж. А., Гершанок Г. А.* Устойчивое развитие региона: инновации, экономическая безопасность, конкурентоспособность // *Экономика региона*. 2012. № 3. С. 68—77.
20. *Munim Z. H., Dushenko M., Jimenez V. J. et al.* Big data and artificial intelligence in the maritime industry: a bibliometric review and future research directions // *Maritime Policy & Management*. 2020. Vol. 47, № 5. P. 577—597, doi: 10.1080/03088839.2020.1788731.
21. *Gabryelczyk R.* Has COVID-19 Accelerated Digital Transformation? // *Initial Lessons Learned for Public Administrations, Information Systems Management*. 2020. Vol. 37, № 4. P. 303—309. doi: 10.1080/10580530.2020.1820633.
22. *Kudyba S.* COVID-19 and the Acceleration of Digital Transformation and the Future of Work // *Information Systems Management*. 2020. Vol. 37, № 4. P. 284—287. doi: 10.1080/10580530.2020.1818903.
23. *Agostino D., Arnaboldi M., Diaz Lema M.* New development: COVID-19 as an accelerator of digital transformation in public service delivery // *Public Money & Management*. 2021. Vol. 41, № 1. P. 69—72. doi: 10.1080/09540962.2020.1764206.
24. *Oldekop J. A., Horner R., Hulme D. et al.* COVID-19 and the case for global development // *World Development*. 2020. Vol. 134: 105044. doi: 10.1016/j.worlddev.2020.105044.
25. *Rapaccini M., Saccani N., Kowalkowski C., Paiola M., Adrodegari F.* Navigating disruptive crises through service-led growth: The impact of COVID-19 on Italian manufacturing firms // *Industrial Marketing Management*. 2020. Vol. 88. P. 225—237. doi: 10.1016/j.indmarman.2020.05.017.
26. *Soto-Acosta P.* COVID-19 Pandemic: Shifting Digital Transformation to a High-Speed Gear // *Information Systems Management*. 2020. Vol. 37, № 4. P. 260—266. doi: 10.1080/10580530.2020.1814461.
27. *Cai M., Luo J.* Influence of COVID-19 on Manufacturing Industry and Corresponding Countermeasures from Supply Chain Perspective // *Journal of Shanghai Jiaotong University (Science)*. 2020. № 25. P. 409—416. doi: 10.1007/s12204-020-2206-z.

28. *Plakhotnikova M., Anisimov A., Kulachinskaya A., Mukhametova L.* The impact of digitalization of the economy on the development of enterprises in the Arctic // Sustainable Energy Systems: Innovative Perspectives (SES 2020) / A. Feduyukhin, S. Dixit (eds.). Saint-Petersburg, 2020. doi: 10.1051/e3sconf/202022001041.
29. *Клемешев А. П., Корнеевец В. С., Пальмовский Т. и др.* Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 7–28. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-1.
30. *Balcerzak A. P., Pietrzak M. P.* Application of TOPSIS Method for Analysis of Sustainable Development in European Union Countries // The 10th International Days of Statistics and Economics. Conference Proceedings. September 8–10, 2016 / T. Loster, T. Pavelka (eds.). Prague, 2016. P. 82–92. URL: <http://econpapers.repec.org/bookchap/pesecchap/19.htm> (дата обращения: 30.12.20).
31. *Шедько Ю. Н.* Анализ методик оценки устойчивости развития территориальных социо-эколого-экономических систем // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 693–693.
32. *Pirvu R., Bădîrcea R., Manta A., Lupănescu M.* The Effects of the Cohesion Policy on the Sustainable Development of the Development Regions in Romania // Sustainability. 2018. Vol. 10: 2577. doi: 10.3390/su10072577.
33. *Масилевич Н. А.* Имплементация стратегии устойчивого развития Беларуси на региональном уровне // Труды БГТУ. Сер. 5: Экономика и управление. 2018. № 1 (208). С. 23–27.
34. *Łozowicka A.* Evaluation of the Efficiency of Sustainable Development Policy Implementation in Selected EU Member States Using DEA. The Ecological Dimension // Sustainability. 2020. Vol. 12, № 1: 435. doi: 10.3390/su12010435.
35. *Gonzalez-Garcia S., Manteiga R., Moreira M. T., Feijoo G.* Assessing the sustainability of Spanish cities considering environmental and socio-economic indicators // Journal of Cleaner Production. 2018. Vol. 178. P. 599–610. doi: 10.1016/j.jclepro.2018.01.056.
36. *Skvarciany V., Jurevičienė D., Volskytė G.* Assessment of Sustainable Socioeconomic Development in European Union Countries // Sustainability 2020. Vol. 12, № 5: 1986. doi: 10.3390/su12051986.
37. *Daly E. H., Cobb J. B. Jr.* For the Common Good: Redirecting the Economy toward Community, the Environment, and a Sustainable Future. Boston, 1990. doi: 10.1177/027046769101100137.
38. *Menegaki A. N., Tugcu C. T.* Two versions of the Index of Sustainable Economic Welfare (ISEW) in the energy-growth nexus for selected Asian countries // Sustainable Production and Consumption. 2018. Vol. 14. P. 21–35. doi: 10.1016/j.spc.2017.12.005.
39. *Rugani B., Marvuglia A., Pulselli F. M.* Predicting Sustainable Economic Welfare — Analysis and perspectives for Luxembourg based on energy policy scenarios // Technol. Forecast. Soc. Change. 2018. Vol. 137. P. 288–303. doi: 10.1016/j.techfore.2018.08.005.
40. *Gigliarano C., Balducci F., Ciommi M., Chelli F.* Going regional: An index of sustainable economic welfare for Italy // Computers, Environment and Urban Systems. 2014. Vol. 45. P. 63–77. doi: 10.1016/j.compenvurbsys.2014.02.007.
41. *Talberth J., Cobb C., Slattery N.* The Genuine Progress Indicator 2006. A Tool for Sustainable Development. Redefining Progress, 2006. URL: https://www.researchgate.net/publication/252265237_The_Genuine_Progress_Indicator_2006 (дата обращения: 06.01.2021).
42. *Saeed N., Cullinane K., Sødal S.* Exploring the relationships between maritime connectivity, international trade and domestic production // Maritime Policy & Management. 2020. doi: 10.1080/03088839.2020.1802783.
43. *Çetin O., Irak D. M., Kahyaoglu N.* A comprehensive model for a sustainable maritimization: 3-Layer Holistic Maritimization Model // Maritime Policy & Management. 2020. Vol. 47, № 8. P. 1064–1081, doi: 10.1080/03088839.2020.1744756.
44. *Ознамец В. В.* Моделирование устойчивого развития территорий // Науки о Земле / GeoScience. 2018. № 1. С. 61–69.
45. *Cadil J., Mirošnik K., Petkovicova L., Mirvald M.* Public Support of Private R&D—Effects on Economic Sustainability // Sustainability. 2018. Vol. 10, № 12: 4612. doi: 10.3390/su10124612.
46. *Куприяновская Ю. В., Куприяновский А. А., Климов Д. Е. и др.* Умный контейнер, умный порт, BIM, Интернет вещей и блокчейн в цифровой системе мировой торговли // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6, № 3. P. 49–94.

47. *de la Peña Zarzuelo I.* Cybersecurity in ports and maritime industry: Reasons for raising awareness on this issue // *Transport Policy*. 2021. Vol. 100. P. 1–4. doi: 10.1016/j.tranpol.2020.10.001.

48. *de la Peña Zarzuelo I., Soeane M. J.F., Bermúdez B. L.* Industry 4.0 in the port and maritime industry: A literature review // *Journal of Industrial Information Integration*. 2020. Vol. 20: 100173. doi: 10.1016/j.jii.2020.100173.

49. *Pencarelli T.* The digital revolution in the travel and tourism industry. *Information Technology & Tourism*. 2020. Vol. 22, № 2. P. 455–476. doi: 10.1007/s40558-019-00160-3.

50. *Voss R., Quaas M.F., Hoffmann J., Schmidt J. O.* Social-ecological tradeoffs in Baltic Sea fisheries management // *Conservation for the anthropocene ocean* / P. S. Levin, M. R. Poe (eds.). 2017. P. 359–377.

51. *Acciaro M., Sys C.* Innovation in the maritime sector: aligning strategy with outcomes // *Maritime Policy & Management*. 2020. Vol. 47, № 8. P. 1045–1063. doi: 10.1080/03088839.2020.1737335.

Об авторах

Нильс Йоран Арне Руус, доктор наук (менеджмент), профессор, Австралийский институт промышленной трансформации, Университет Флиндерс, Австралия.

E-mail: goran@roos.org.uk

<http://orcid.org/0000-0003-0943-3585>

Кубина Наталья Ефимовна, кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики, управления и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NKubina@kantiana.ru

<http://orcid.org/0000-0002-7786-9519>

Фарафонова Юлия Юрьевна, старший преподаватель, аспирант, Институт экономики, управления и менеджмента, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ifarafonova@kantiana.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5996-1557>

OPPORTUNITIES FOR SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COASTAL TERRITORIES OF THE BALTIC SEA REGION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

G. Roos¹

N. Ye. Kubina²

Yu. Yu. Farafonova²

¹ Flinders University
Sturt Rd, Bedford Park, Adelaide, 5042, Australia

² Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 17 January 2021
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-1
© Roos, G., Kubina, N. Ye.,
Farafonova, Yu. Yu. 2021

The article explores opportunities for the sustainable economic development of coastal territories in the Baltic Sea region (BSR) arising in blue economy sectors in the framework of digital transformation. The study argues that more active commercialisation of territorial resources can facilitate the sustainable economic development of the BSR coastal territories, following digitally-driven innovations. The paper provides an overview of methodological approaches to territorial sustainability. It also assesses the 2009–2018 level of the socio-economic development of the BSR coastal territories, underpins the importance of the blue economy and highlights the role of digital transformation in reaching the UN Sustainable Development Goals (SDGs) in the BSR through digitally-driven innovations. A comparative and problem-targeted statistics analyses show significant differences in the dynamics of socio-economic development in the BSR coastal territories with their GRP per capita being generally lower than the national or macroregional average. A review of literature on sustainable development in the BSR has shown that a more active use of the unique resources of coastal territories along with a technology-driven growth of the blue economy sectors can counterbalance the negative impact of the uneven development of these territories on the progress towards the SDGs in the BSR. Increasing the competitiveness of the BSR coastal territories requires investment in digital solutions in the blue economy sectors and building communication infrastructure. The review of key innovations in the blue economy sectors shows that their implementation gives impetus to other industries by reducing costs, creating new jobs, and improving the quality of products and services.

Keywords:

Baltic Sea Region, sustainable development, blue economy, digitalisation

References

1. Simonyan, R. H. 2019, Russia-European union and Russian-Chinese borderlands: economic and demographic dimension, *Balt. Reg.*, vol. 11, no. 3, p. 43–60. doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-3.
2. Stepanova, S. V., Shlapeko, E. A. 2018, Trends in the development of crossborder trade in the Russian-Finnish borderlands, *Balt. Reg.*, vol. 10, no. 4, p. 103–117. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-7.
3. Tambovceva, T., Atstaja, D., Tereshina, M., Uvarova, I., Livina, A. 2020, Sustainability Challenges and Drivers of Cross-Border Greenway Tourism in Rural Areas, *Sustainability*, no. 12, 5927. doi:10.3390/su12155927.
4. Fedorov, G. M., Kuznetsova, T. Yu. 2019, The coastal microdistricts of the Baltic region: the spatial aspects of development, *Ekonomika regiona* [Economy of Region], no. 15 (1), p. 137–150. doi 10.17059/2019-1-11 (In Russ.)
5. Druzhinin, A. G. 2020, The strongholds of Russian coastal borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence. *Balt. Reg.* 2020. vol. 12, no. 3, p. 89–104. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-6.
6. Palmowski, T., Tarkowski, M. 2018, Baltic Cooperation in Marine Spatial Planning, *Balt. Reg.*, vol. 10, no. 2, p. 100–113. doi: 10.5922/2079-8555-2018-2-7.
7. Fischer, J. Alimi, D., Knieling, J. Camara, C. 2020, Stakeholder Collaboration in Energy Transition: Experiences from Urban Testbeds in the Baltic Sea Region, *Sustainability*, vol. 12, 9645. doi: 10.3390/su12229645.
8. Stankevičienė, J., Nikanorova, M., Čera, G. 2020, Analysis of Green Economy Dimension in the Context of Circular Economy: The Case of Baltic Sea Region, *Economics and Management*, vol. 12, no. 1, p. 4–18. doi: 10.15240/tul/001/2020-1-001.
9. Gänzle, S. 2018, 'Experimental Union' and Baltic Sea cooperation: the case of the European Union's Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR), *Regional Studies, Regional Science*, vol. 5, no. 1, p. 339–352. doi: 10.1080/21681376.2018.1532315.
10. Grönholm, S., Jetoo, S. 2019, The potential to foster governance learning in the Baltic Sea Region: Network governance of the European Union Strategy for the Baltic Sea Region, *Environmental Policy and Governance*, vol. 29, no. 6, p. 435–445. doi: 10.1002/eet.1870.
11. Nikanorova, M., Stankevičienė, J. 2020, Development of environmental pillar

in the context of circular economy assessment: Baltic Sea Region case, *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 8, no. 1, p. 1209–1223. [https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.1\(81\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.1(81)).

12. von Braun, J., Mirzabaev, A. 2019, The development of bioeconomy of the Baltic Region in the context of regional and global climate change, *Balt. Reg.*, vol. 11, no 4, p. 20–35. doi: 10.5922/2078-8555-2019-4-2.

13. Raszkowski, A., Sobczak, E. 2019, Sustainability in the Baltic States: Towards the implementation of sustainable development goals (SDG). In: *The 13th International Days of Statistics and Economics*, September 5–7, Prague, Czech Republic, p. 1253–1262. doi: 10.18267/pr.2019.los.186.125.

14. Grönholm, S., Rydén, L., Zuin, O., Elrick-Barr, C., Powell, N. 2015, *Assessing the Status of Sustainable Development in the Baltic Sea Region: A Macro-regional Perspective*, Baltic University Programme Press, Uppsala. doi: 10.13140/RG.2.1.1207.2087.

15. Gløersen, E., Balsiger, J., Cugusi, B., Debarbieux, B. 2019, The role of environmental issues in the adoption processes of European Union macro-regional strategies, *Environmental Science & Policy*, no. 97, p. 58–66. doi: 10.1016/j.envsci.2019.04.002.

16. Sokolovskaya, O. E. 2019, Various aspects of ecological factor influence on the formation of a region's sustainable development, *Moskovskiy ekonomichskiy zhurnal* [Moscow economic journal], no. 8, online resource. doi: 10.24411/2413-046X-2019-13034 (in Russ.)

17. Tretyakova, E. A., Mirolubova, T. V., Myslyakova, Yu. G., Shamova, E. A. 2018, Methodical Approach to the Complex Assessment of the Sustainable Region Development in the Condition of Greening the Economy, *Vestnik UrFU, Seriya ekonomika I upravlinie* [UrFU Bulletin, Economics and management series], vol. 17, no. 4. p. 651–669. doi 10.15826/vestnik.2018.17.4.029 (In Russ.).

18. Shayakhmetov, M. S. 2017, The Main characteristics of sustainable regional development, *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Advances in current natural sciences], no. 6, p. 108–112 (In Russ.).

19. Mingaleva, Zh. A., Gershanok, G. A. 2012, Sustainable development of a region: innovations, economic security, competitiveness, *Ekonomika regiona* [Economy of a region], no. 3, p. 68–77.

20. Munim, Z. H., Dushenko, M., Jimenez, V. J., Shakil, M. H., Imset, M. 2020, Big data and artificial intelligence in the maritime industry: a bibliometric review and future research directions, *Maritime Policy & Management*, vol. 47, no. 5, p. 577–597. doi: 10.1080/03088839.2020.1788731.

21. Gabryelczyk, R. 2020, Has COVID-19 Accelerated Digital Transformation? *Initial Lessons Learned for Public Administrations*, *Information Systems Management*, vol. 37, no. 4, p. 303–309. doi: 10.1080/10580530.2020.1820633.

22. Kudyba, S. 2020, COVID-19 and the Acceleration of Digital Transformation and the Future of Work, *Information Systems Management*, vol. 37, no. 4, p. 284–287. doi: 10.1080/10580530.2020.1818903.

23. Agostino, D., Arnaboldi, M., Diaz Lema, M. 2021, New development: COVID-19 as an accelerator of digital transformation in public service delivery, *Public Money & Management*, vol. 41, no. 1, p. 69–72. doi: 10.1080/09540962.2020.1764206.

24. Oldekop, J. A., Horner, R., Hulme, D. et al. 2020, COVID-19 and the case for global development, *World Development*, vol. 134, 105044. doi: 10.1016/j.worlddev.2020.105044.

25. Rapaccini, M., Sacconi, N., Kowalkowski, C., Paiola, M., Adrodegari, F. 2020, Navigating disruptive crises through service-led growth: The impact of COVID-19 on Italian manufacturing firms, *Industrial Marketing Management*, no. 88, p. 225–237. doi: 10.1016/j.indmarman.2020.05.017.

26. Soto-Acosta, P. 2020, COVID-19 Pandemic: Shifting Digital Transformation to a High-Speed Gear, *Information Systems Management*, vol. 37, no. 4, p. 260–266. doi: 10.1080/10580530.2020.1814461.

27. Cai, M., Luo, J., 2020, Influence of COVID-19 on Manufacturing Industry and Corresponding Countermeasures from Supply Chain Perspective, *Journal of Shanghai Jiaotong University (Science)*, no. 25, p 409–416. doi: 10.1007/s12204-020-2206-z.

28. Plakhotnikova, M., Anisimov, A., Kulachinskaya, A., Mukhametova, L. 2020,

The impact of digitalization of the economy on the development of enterprises in the Arctic. In: Fedyukhin, A., Dixit, S. (eds.) *Sustainable Energy Systems: Innovative Perspectives*, 29—30 October 2020, Saint-Petersburg, Russian Federation. doi: 10.1051/e3s-conf/202022001041.

29. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 4, p. 7—28. doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-1.

30. Balcerzak, A. P., Pietrzak, M. P. 2016, Application of TOPSIS Method for Analysis of Sustainable Development in European Union Countries. In: Loster, T., Pavelka, T. (eds.) *The 10th International Days of Statistics and Economics*, Conference Proceedings, September 8—10, 2016, Prague, Libuse Macakova, Melandrium, p. 82—92, available at: <http://econpapers.repec.org/bookchap/pesecchap/19.htm> (accessed 30.12.2020).

31. Shedko, Yu. N. 2015, Analysis methods assessment of sustainable development of regional Socio-ecological and economic systems, *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya* [Current issues of science and education], no. 1—1, p. 693—693 (in Russ.).

32. Pîrvu, R., Bădîrcea, R., Manta, A., Lupănescu, M. 2018, The Effects of the Cohesion Policy on the Sustainable Development of the Development Regions in Romania, *Sustainability*, no. 10, 2577. doi: 10.3390/su10072577.

33. Masilevich, N. A., 2018, Implementing sustainable development strategy in Belarus at the regional level, *Trudy BGTU* [BGTU proceedings], 5: Economics and management, no. 1 (208), p. 23—27 (In Russ.).

34. Łozowicka, A. 2020, Evaluation of the Efficiency of Sustainable Development Policy Implementation in Selected EU Member States Using DEA, *The Ecological Dimension, Sustainability*, vol. 12, no. 1, p. 435. doi: 10.3390/su12010435.

35. Gonzalez-Garcia, S., Manteiga, R., Moreira, M. T., Feijoo, G. 2018, Assessing the sustainability of Spanish cities considering environmental and socio-economic indicators, *Journal of Cleaner Production*, no. 178, p. 599—610. doi: 10.1016/j.jclepro.2018.01.056.

36. Skvarciany, V., Jurevičienė, D., Volskytė, G. 2020, Assessment of Sustainable Socioeconomic Development in European Union Countries, *Sustainability*, vol. 12, no. 5, 1986. doi: 10.3390/su12051986.

37. Daly, E. H., Cobb, J. B. Jr. 1990, *For the Common Good: Redirecting the Economy toward Community, the Environment, and a Sustainable Future*, Beacon Press, Boston, MA, p. 482. doi: 10.1177/027046769101100137.

38. Menegaki, A. N., Tugcu, C. T. 2018, Two versions of the Index of Sustainable Economic Welfare (ISEW) in the energy-growth nexus for selected Asian countries, *Sustainable Production and Consumption*, no. 14, p. 21—35. doi: 10.1016/j.spc.2017.12.005.

39. Rugani, B., Marvuglia, A., Pulselli, F. M. 2018, Predicting Sustainable Economic Welfare—Analysis and perspectives for Luxembourg based on energy policy scenarios, *Technol. Forecast. Soc. Change*, no. 137, p. 288—303. doi: 10.1016/j.techfore.2018.08.005.

40. Gigliarano, C., Balducci, F., Ciommi, M., Chelli, F. 2014, Going regional: An index of sustainable economic welfare for Italy, *Computers, Environment and Urban Systems*, no. 45, p. 63—77, doi: 10.1016/j.compenvurbsys.2014.02.007.

41. Talberth, J., Cobb, C., Slattery, N. 2006, *The Genuine Progress Indicator 2006*, A Tool for Sustainable Development. Redefining Progress, Oakland CA, available at: https://www.researchgate.net/publication/252265237_The_Genuine_Progress_Indicator_2006 (accessed 06.01.2021).

42. Saeed, N., Cullinane, K., Sødal, S. 2020, Exploring the relationships between maritime connectivity, international trade and domestic production, *Maritime Policy & Management*, p. 1—15. doi: 10.1080/03088839.2020.1802783.

43. Çetin, O., Irak, D. M., Kahyaoğlu, N. 2020, A comprehensive model for a sustainable maritimization: 3-Layer Holistic Maritimization Model, *Maritime Policy and Management*, vol. 47, no. 8, p. 1064—1081. doi: 10.1080/03088839.2020.1744756.

44. Oznamets, V. V. 2018, Modelling of sustainable development of territories, *Nauki o zemle* [GeoScience], no. 1, p. 61—69 (in Russ.).

45. Cadil, J., Mirošnik, K., Petkovoja, L., Mirvald, M. 2018, Public Support of Pri-

vate R&D—Effects on Economic Sustainability, *Sustainability*, no. 10 (12), 4612. doi: 10.3390/su10124612.

46. Kupriyanovskaya, Yi. V., Kupriyanosvskiy, V. P., Klimov, A. A., Namiot, D. E., Dolbnev, A. V., Siniagov, S. A., Lipuntsov, Yu. P., Arsenyan, A. G., Yevtushenko, S. N., Larin, O. N. 2018, Smart container, smart port, BIM, IoT and blockchain in the digital system of internation trade, *International Journal of Open Information Technologies*, no. 6(3), p. 49—94 (In Russ.).

47. de la Peña Zarzuelo, I. 2021, Cybersecurity in ports and maritime industry: Reasons for raising awareness on this issue, *Transport Policy*, no. 100, p. 1—4. doi: 10.1016/j.tranpol.2020.10.001.

48. de la Peña Zarzuelo, I., Soeane, M. J. F., Bermúdez, B. L. 2020, Industry 4.0 in the port and maritime industry: A literature review, *Journal of Industrial Information Integration*, no. 20, 100173. doi: 10.1016/j.jii.2020.100173.

49. Pencarelli, T. 2020, The digital revolution in the travel and tourism industry, *Inf Technol Tourism*, no. 22, p. 455—476. doi: 10.1007/s40558-019-00160-3.

50. Voss, R., Quaas, M. F., Hoffmann, J., Schmidt, J. O. 2017, Chapter 17 — Social-ecological tradeoffs in Baltic Sea fisheries management. In: Levin, P. S., Poe, M. R. (eds) *Conservation for the anthropocene ocean*, Academic Press, p. 359—377.

51. Acciaro, M., Sys, C. 2020, Innovation in the maritime sector: aligning strategy with outcomes, *Maritime Policy & Management*, vol. 47, no. 8, p. 1045—1063. doi: 10.1080/03088839.2020.1737335.

Authors

Prof. Goran Roos, Australian Industrial Transformation Institute, Flinders University, Australia.

E-mail: goran@roos.org.uk

<http://orcid.org/0000-0003-0943-3585>

Dr Natalia Ye. Kubina, Associate Professor, the Institute of Economics, Management and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NKubina@kantiana.ru

<http://orcid.org/0000-0002-7786-9519>

Yulia Yu. Farafonova, Senior Lecturer, PhD student, the Institute of Economics, Management and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ifarafonova@kantiana.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5996-1557>

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПОТОКОВ МЕЖДУ УКРАИНОЙ И СТРАНАМИ РЕГИОНА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В 2012–2019 ГОДАХ

Л. М. Сатыр
Р. П. Задорожная
Л. И. Стадник

Белоцерковский национальный аграрный университет,
09117, Украина, Белая Церковь, пл. Соборная, 8/1

Поступила в редакцию 07.09.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-2

© Сатыр Л.М., Задорожная Р.П.,
Стадник Л.И., 2021

Исследуются особенности и тенденции изменений объемов въездных и выездных туристических потоков между Украиной и странами региона Балтийского моря (РБМ) в 2012–2019 годах. Авторы изучают преобладающие туристические потоки (въездные или выездные в/из Украины), а также влияние введения режима безвизового въезда в Шенгенскую зону на количество украинцев, посетивших регион Балтийского моря. В исследовании использовались два источника данных: о количестве иностранных граждан, посетивших Украину, и украинцев, выехавших за границу, собранные Государственной пограничной службой Украины, а также данные Индекса конкурентоспособности сферы путешествий и туризма Всемирного экономического форума. Для достижения цели исследования применялись статистические методы анализа структурных сдвигов, рядов динамики и графическая визуализация. Полученные результаты показывают, что уровень украинского выездного туризма демонстрировал стабильный рост, при этом безвизовый въезд в Шенгенскую зону не оказал статистически значимого влияния на количество выезжающих из Украины туристов в страны РБМ. Поток выездного туризма преобладал над въездным. Более того, после 2013 года произошло резкое снижение количества выезжающих туристов в Украину вследствие социально-политической ситуации в стране. Анализ также выявил значительные изменения в структуре потоков въездного и выездного туризма. Пандемия COVID-19 рассматривается как мощный фактор, влияющий на текущее состояние и перспективы туристической индустрии.

Ключевые слова:

въездной туризм, выездной туризм, международный туризм, Индекс конкурентоспособности сферы путешествий и туризма, регион Балтийского моря, Украина, COVID-19

Вступление

Современная жизнь немыслима без путешествий. В последние десятилетия объ-

Для цитирования: Сатыр Л. М., Задорожная Р. П., Стадник Л. И. Статистический анализ туристических потоков между Украиной и странами региона Балтийского моря в 2012–2019 годах // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 2. С. 27–51. doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-2.

емы туристических потоков неуклонно увеличивались за счет глобализации [1; 2] и технологических достижений [3—10]. Путешествия стали более доступными и занимают меньше времени, чем когда-либо в истории наблюдений. В результате туристическая деятельность стала стратегическим направлением мировой экономики [11—13]. Ее доля в мировом ВВП составила 10,4%, равно как и сопоставимый вклад в занятость в 2018 году¹. Общая сумма доходов от международного туризма была 1,649 трлн долл. в 2018 году по сравнению с 485,178 млрд долл. в 1995 году, т. е. увеличилась в 3,4 раза, и этот рост продолжался в течение всего периода за исключением 2009 и 2015 годов². Доля туризма как процента поступлений от международного туризма в общем объеме экспорта была самой высокой в 1995 году (8,6%) и самой низкой в 2011 году (5,6%), но с 2011 по 2016 год наблюдается значительная тенденция роста (6,8%)³.

Как отмечает Б. Софронов, туризм «стимулирует экономический рост, создает рабочие места, стимулирует социальное развитие и способствует миру» [14, р. 123]. У Е. Г. Кропиновой похожее видение: «...туризм — лучший способ добиться устойчивого развития» [15, р. 13].

С этой точки зрения трудно переоценить важность туризма в достижении целей в области устойчивого развития, а именно цели 8 — «достойный труд и экономический рост». Сфера туризма обладает большим потенциалом и может служить инструментом устойчивого развития, поскольку поддерживает занятость и генерирует значительные финансовые потоки для решения экономических проблем. Чтобы быть устойчивым, туризм должен «полностью учитывать текущие и будущие экономические, социальные и экологические последствия, отвечая потребностям туристов, промышленности, окружающей среды и принимающих сообществ»⁴.

Обретение независимости постсоветскими странами значительно расширило возможности путешествий для их граждан. Среди таких стран находится Украина и некоторые государства региона Балтийского моря (РБМ): Российская Федерация, Эстония, Латвия и Литва. Последние три страны как направления всегда имели большую туристическую привлекательность для внутреннего туризма в СССР, поскольку посещение стран Западной Европы для подавляющего большинства советских людей вследствие существовавшей политической ситуации было значительно затруднено.

Сегодня не только Эстония, Латвия и Литва, но и все страны ЕС доступны многим украинским туристам. Страны Европы являются одними из самых популярных туристических направлений для украинцев.

Поскольку регион Балтийского моря «является наиболее передовым с точки зрения развития транснационального туризма» среди всех макрорегионов Европейского союза [16, р. 128], кроме того, это первый макрорегион ЕС, приоритетом стратегии развития которого выступает развитие туризма [16, р. 127], исследование туристических потоков между Украиной и странами Балтийского моря имеет практическое значение для анализа интеграции украинских путешественников в международные

¹ *The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019* // World Economic Forum. Geneva. URL: <https://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2019> (дата обращения: 20.08.2020).

² International tourism, receipts (current US\$) // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.RCPT.CD> (дата обращения 22.01.2021).

³ International tourism, receipts (% of total exports) // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.RCPT.XP.ZS> (дата обращения 22.02.2021).

⁴ *Tourism and the Sustainable Development Goals — Journey to 2030* // UNWTO. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/book/10.18111/9789284419401> (дата обращения: 20.01.2021).

туристические потоки, а также для понимания потенциала Украины в сфере въездного туризма, включая въездной туризм из стран региона Балтийского моря.

Следует отметить, что развитие международного и приграничного туризма в регионе Балтийского моря способствовало формированию особого направления научных исследований [15—24]. В связи с этим Е. Г. Кропинова отмечает, что страны РБМ, основываясь на своем лучшем опыте развития устойчивого туризма, должны продвигать единый бренд «Балтийский устойчивый туризм» как модель, сочетающую в себе все элементы устойчивого развития [15, р. 14].

Однако, по мнению Т. Фройде, в настоящее время туризм как отрасль не достиг состояния устойчивости [25, р. 10]. Очевидно, что, несмотря на преимущества развития сферы туризма, увеличение объемов туристических потоков не лишено недостатков, как социальных, так и экологических. Рост туристических потоков приводит к возникновению феномена овертуризма [26—28]. Этот термин обозначает негативное воздействие избыточных туристических потоков и на местных жителей, и на самих посетителей, другими словами, «отрицательное воздействие туризма на само направление или его части, которое сказывается на восприятии качества жизни гражданами и / или качества впечатлений туристами»⁵.

По мнению А. Аморе, М. Фалька, а также согласно подсчетам Б. А. Адие, в Венеции уровень овертуризма самый высокий в мире: соотношение посетителей музеев к жителям составляет 83:1 [29, р. 124]. Следующие города в рейтинге — Флоренция, Севилья, Лиссабон и Амстердам [29, р. 126].

Основными причинами возникновения овертуризма являются удешевление авиабилетов, доступность жилья благодаря сервису *Airbnb* и формирование потребительской культуры путешествий в целом. Увеличение туристического потока в наиболее посещаемых местах создает неудобства как для путешественников, так и для местных жителей. Так, туристы сталкиваются с очередями к достопримечательностям и даже ограничениями по времени их посещения вследствие большого количества посетителей, в результате поездка приносит разочарование. С другой стороны, приоритет интересов туристов над интересами местных жителей, увеличение нагрузки на коммуникации и инфраструктуру, рост стоимости жизни для местного населения, рост преступности, возникновение угрозы экосистеме конкретной дестинации являются проблемами, с которыми сталкиваются принимающие сообщества. Несмотря на финансовые поступления, туристы вызывают у местных жителей недовольство, поскольку они испытывают дискомфорт в результате снижения качества жизни, а значит, возникает социальная напряженность, что прямо противоположно желаемому путешественниками и принимающей стороной эффекту.

Кроме того, очевидна причинно-следственная связь между увеличением туристических потоков и повышением уровня выброса углекислого газа [30]. М. Ленцен и соавт. констатируют, что доля туризма в мировых выбросах парниковых газов составляет около 8 % [31, р. 522].

Углеродный след парниковых газов является причиной глобального потепления и загрязнения планеты, что грозит необратимыми негативными изменениями климата Земли. В целях противостояния этим изменениям в 2016 году было разработано и подписано Парижское соглашение, которое направлено на снижение рисков путем удержания роста глобальной средней температуры намного ниже 2°C по сравнению с доиндустриальными уровнями.

С. Гёсслинг и Дм. Хайэм утверждают, что индустрия туризма должна формировать процесс менеджмента дестинаций на основе низкоуглеродного императива

⁵ *Overtourism*? — Understanding and Managing Urban Tourism Growth beyond Reception, Executive Summary / UNWTO // eLibrary. doi: 10.18111/9789284420070.

в целях предотвращения необратимого изменения климата [32]. Т. Фройде, однако, замечает, что даже устойчивый вариант туризма и его вклад в достижение Целей устойчивого развития не устраняет полностью проблему углеродного загрязнения [25, р. 10]. Кроме того, возникает опасность перекалывания ответственности за сокращение выбросов на потребителя. С этой точки зрения чрезвычайно важно объединить усилия всех заинтересованных сторон, чьи интересы сосредоточены на сокращении выбросов углерода.

В связи с этим возникает вопрос о корпоративной социальной ответственности туристических предприятий, и эта проблема сейчас активно разрабатывается в исследованиях [33–37]. Так, А. Оксенсвард [38, р. 35] подчеркивает важность коллективного обучения как инструмента корпоративных менеджеров и других лидеров, который возможно применять для оптимизации деятельности туристических организаций в направлении устойчивого туризма.

В этом году устойчивость туристического сектора испытала серьезные потрясения в результате воздействия на нее пандемии COVID-19. По данным ЮНВТО, сокращенным в мае 2020 года, текущая ситуация может привести к сокращению прямых рабочих мест⁶ в сфере туризма на 100–120 млн, что станет худшим показателем в сфере международного туризма с 1950 года. В конце января 2021 года Барометр мирового туризма ЮНВТО отметил, что число международных прибытий снизилось на 1 млрд, или 74 %, в 2020 году по сравнению с 2019 годом⁷. Обвал в туристической отрасли связан с потерей экспортной выручки в размере 1,3 трлн долл. Это более чем в 11 раз больше по сравнению с потерями отрасли от мирового экономического кризиса 2009 года. Такие кардинальные изменения привели к появлению большого числа научных работ, связанных с пандемией COVID-19 [39–41], как наиболее актуальной области туристических исследований в нынешних условиях.

Материал и методы исследования

Целостная оценка привлекательности страны для посетителей возможна с применением Индекса конкурентоспособности индустрии путешествий и туризма (ТТСИ). ТТСИ рассчитывается с 2007 года и публикуется раз в два года с 2009 года в Отчете о конкурентоспособности индустрии туризма и путешествий Всемирного экономического форума. Этот индикатор сформирован на основе объединенных информационных ресурсов — статистики международных организаций (две трети данных) и ежегодного Обзора мнения исполнительных директоров (одна треть данных). Последний включает опрос более 16 000 отраслевых экспертов — руководителей предприятий и лидеров бизнеса. Для составления Индекса конкурентоспособности индустрии путешествий и туризма 90 отдельных показателей сгруппированы в 14 ключевых компонентов, а затем отдельные показатели объединены в 4 субиндекса: 1) благоприятная среда; 2) политика в области путешествий и туризма и благоприятные условия; 3) инфраструктура; 4) природные и культурные ресурсы.

Ранг и страновое значение Индекса измеряются для каждой экономики, которая включена в Отчет о конкурентоспособности индустрии путешествий и туризма.

Согласно подходу украинской статистики, совпадающему с европейским, туризм определяется как деятельность посетителей, совершающих поездку в пункт назначения за пределами их обычной среды менее чем на год. Данное определение

⁶ 2020: worst year in tourism history with 1 billion fewer international arrivals // UNWTO. URL: <https://www.unwto.org/taxonomy/term/347> (дата обращения: 24.02.2021).

⁷ 2020: worst year in tourism history with 1 billion fewer international arrivals // UNWTO. URL: <https://www.unwto.org/taxonomy/term/347> (дата обращения 24.02. 2021).

подразумевает, что туризм объединяет в себе такие подвиды, как частный отдых и деловые поездки, а также посещения семьи и друзей⁸, поскольку модели потребления отдыхающих и деловых путешественников схожи.

В соответствии с украинской практикой данные о потоках выездного и въездного туризма можно получить из двух источников. Первичные данные о количестве иностранных граждан, посетивших Украину, и украинцев, выехавших за границу, собирает Государственная пограничная служба Украины, тогда как Государственная служба статистики Украины использует эти административные данные для производства статистической информации о развитии туризма как вида экономической деятельности.

Для целей нашего исследования необходимо учитывать существование нескольких подходов к определению понятия региона Балтийского моря. Эти подходы основываются на разных критериях. Так, авторы [42, р. 10—11] выделяют географические, исторические, политические, экономические, социологические и правовые аспекты в качестве междисциплинарных критериев, которые могут применяться индивидуально или в некоторых комбинациях для определения границ региона Балтийского моря. По мнению исследователей, РБМ можно рассматривать с узкой, расширенной и широкой точки зрения.

Согласно узкому определению к региону Балтийского моря принадлежат территории Швеции, Дании, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, а также прибрежные части России, Германии и Польши. Согласно расширенному — остальная часть Польши, большинство регионов России и Германии, Беларусь и Норвегия также находятся в регионе Балтийского моря. Широкое определение также включает в состав РБМ Исландию, некоторые территории России, Германии, Чехии, Словакии и Украины.

Несмотря на принятие в целом этой точки зрения, в этом исследовании, однако, вследствие ограниченного доступа к статистической информации регион Балтийского моря рассматривается как совокупность девяти стран, расположенных вдоль береговой линии Балтийского моря, а именно Дании, Эстонии, Латвии, Финляндии, Германии, Литвы, Польши, Российской Федерации и Швеции.

Для оценки влияния, которое оказывает безвизовый режим поездок в Шенгенскую зону на туристические потоки из Украины в страны Балтийского моря, был применен Т-критерий Вилкоксона, рассчитанный с помощью программы *SPSS Statistics*. Выбор этого непараметрического теста обоснован необходимостью сравнения данных за два года (до и после введения безвизового режима) — две связанные выборки, а также небольшим объемом этих выборок и отсутствием нормальности в данных.

Нулевая гипотеза состоит в том, что медианная разница между парами наблюдений равна нулю. В нашем случае нулевая гипотеза была сформулирована следующим образом: «разницы в количестве выезжающих из Украины туристов в страны региона Балтийского моря до и после введения безвизового режима нет».

Линейный коэффициент «абсолютных» структурных сдвигов за n периодов был использован для сводной оценки изменений в структуре туристических потоков между Украиной и странами региона Балтийского моря. Он был рассчитан следующим образом:

$$\overline{\Delta}_{d_1-d_0}^{(n)} = \frac{\sum_{i=1}^k |d_{in} - d_{i1}|}{k(n-1)}, \quad (1)$$

где d_i — доля определенного компонента в структуре, %; k — общее число

⁸ *Tourism statistics at regional level* // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Tourism_statistics_at_regional_level (дата обращения: 03.09.2020).

компонентов структуры; n — общее количество периодов.

Соотношение R между въездными и выездными туристическими потоками рассчитано по формуле

$$R = \frac{\text{Количество выездных туристов}}{\text{Количество въездных туристов}}, \quad (2)$$

где $R = 1$ в том случае, если потоки выездного и въездного туризма сбалансированы, $R > 1$ в том случае, если объем выездного туризма превосходит объем въездного и наоборот.

Результаты и дискуссия

В 2019 году Индекс конкурентоспособности сферы путешествий и туризма охватывал 140 стран. На эти страны приходилось около 98 % мирового ВВП в сфере путешествий и туризма. Поскольку ТТСИ отражает позицию страны в рейтингах, возможно применять этот индекс для проведения межстранового анализа.

Германия, как показано на рисунке 1, является самой конкурентоспособной страной в регионе Балтийского моря в контексте путешествий и туризма: в 2013—2019 годах ее позиция была не ниже третьего места.

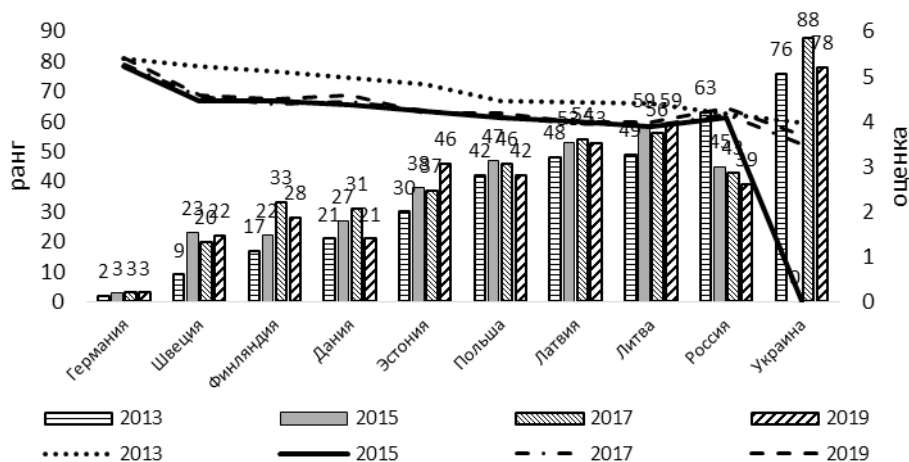

Рис. 1. Ранг⁹ и оценка Индекса конкурентоспособности сферы путешествий и туризма для стран региона Балтийского моря и Украины в 2013—2019 годах

Источник: составлено авторами на основе данных *The Travel & Tourism Competitiveness*. Отчеты 2013, 2015, 2017, 2019 годов.

При анализе рисунка 1 следует учитывать, что меньшее значение ранга страны предпочтительнее, поскольку оно соответствует ее более высокому положению в списке — страны с меньшими рангами находятся сверху.

Российская Федерация заметно улучшила свои позиции, поднявшись выше на 24 места — с 63-го в 2013 году до 39-го в 2019 году.

Дания и Польша преодолели период понижения рейтинга в 2015—2017 годах и

⁹ Ранг (rank) — позиция (порядковый номер) страны в списке стран (рэнкинге), упорядоченном по уменьшению значений определенного показателя (здесь — Индекса конкурентоспособности).

сохранили свои позиции в 2019 году относительно 2013 года: 21-е и 42-е места соответственно. Оценки остальных стран региона снизились. Наиболее значительное снижение отмечается у Эстонии — 46-е место в 2019 году, что на 16 позиций ниже, чем в 2013 году (30-е место).

Швеция и Финляндия входят в тройку наиболее конкурентоспособных стран региона, однако их рейтинги значительно снизились: Швеция опустилась на 13 позиций (с 9-го места в 2013 году до 22-го в 2019 году), а Финляндия — на 11 (с 17-го до 28-го).

Рейтинг Литвы также снизился, но только на 10 позиций (с 49-го на 59-е). Рейтинг Латвии продемонстрировал самое меньшее снижение в регионе Балтийского моря (с 48-го на 53-е).

Рейтинг Украины в 2019 году (78-е место) был примерно таким же, как и в 2013-м (76-е). Стоит отметить, что Украина не была представлена в глобальных рейтингах в 2015 году из-за недостатка данных¹⁰, однако в 2017 году ее позиция значительно снизилась — до 88-го места, что иллюстрирует высокую чувствительность туристов к социально-политической ситуации в стране, в которую они планируют поехать.

Количество украинцев, посетивших страны региона Балтийского моря, представлено в таблице 1. Очевидно, что регион очень популярен у украинских путешественников: общее их количество за 2012—2019 годы составило 111 186 672 человека. При этом общее число украинцев, которые путешествовали по миру, — 198 569 950 человек.

В 2012—2019 годах интенсивность украинского выездного туризма значительно изменилась. Литва продемонстрировала абсолютный рекорд среди стран региона Балтийского моря: количество туристов из Украины увеличилось более чем в 10 раз — с 8079 человек в 2012 году до 83 354 человек в 2019 году.

Стабильный рост числа украинских туристов (более чем в 7 раз) отмечается в Дании (в 7,058 раза) и Эстонии (в 7,884 раза). Кроме того, в 2019 году украинцы посетили Швецию в 4,813 раза и Латвию в 4,419 раза больше, чем в 2012 году.

Следует отметить, что исторически Эстония, Латвия и Литва имели большую туристическую привлекательность как направление внутреннего туризма в СССР. Очевидно, что и сейчас эти страны по-прежнему интересны украинским гражданам.

Общее количество выезжающих из Украины туристов в страны региона Балтийского моря увеличилось на 19,8%. Рост туристических потоков в Финляндию, Германию и Польшу был несколько выше уровня региона в целом и составил 47,9, 83,9 и 71,2% соответственно.

Примечательно, что Германия и Польша входят в тройку лидеров по количеству выездных украинских туристов. Мы рассматриваем этот факт как причину относительно небольшого их прироста для этих стран в 2012—2019 годах.

Российская Федерация стала исключением из общей тенденции, поскольку с 2014 года количество украинских туристов в эту страну сократилось. В 2014 году по сравнению с 2013 годом сокращение составило 1 469 085 человек, или 23,9%. Минимальное значение наблюдалось в 2019 году — 3 622 715 человек; это на 41,0% меньше, чем в 2013 году.

Общее количество украинцев, выехавших за границу, составило около 21,5 млн человек в 2012 году и почти 28,9 млн человек в 2019 году, что на 34,7% больше. Как видно на рисунке 2, графики общего числа выезжающих туристов и числа путеше-

¹⁰ *The Travel & Tourism Competitiveness Report 2015* // World Economic Forum. Geneva. URL: http://www3.weforum.org/docs/TT15/WEF_Global_Travel&Tourism_Report_2015.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

Таблица 1

**Количество выезжающих из Украины туристов в страны региона Балтийского моря
в 2012—2019 годах, чел.**

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2019 к 2012
Дания	10 117	60	5 619	66	100	6 351	38 556	71 402	7,058
Эстония	6 136	7 089	6 525	6 751	11 637	14 542	25 358	48 374	7,884
Финляндия	11 217	13 058	11 135	12 464	13 814	14 146	15 387	16 588	1,479
Германия	380 554	376 316	308 908	294 797	275 987	344 150	533 892	699 792	1,839
Латвия	22 895	21 335	21 620	29 534	39 235	54 831	78 791	101 184	4,419
Литва	8 079	16 767	22 611	28 559	57 639	54 867	64 094	83 354	10,317
Польша	5 765 184	6 991 778	7 657 021	9 505 713	10 111 086	9 990 978	10 000 507	9 871 675	1,712
Российская Федерация	5 941 305	6 140 406	4 671 321	4 080 414	3 859 820	4 376 423	4 162 697	3 622 715	0,610
Швеция	10 571	113	6 351	11 503	15 570	24 215	31 145	50 878	4,813
<i>Всего в РЕМ</i>	12 156 058	13 566 922	12 711 111	13 969 801	14 384 888	14 880 503	14 950 427	14 565 962	1,198
<i>Всего выезжающих</i>	21 432 836	23 761 287	22 437 671	23 141 646	24 668 233	26 437 413	27 810 892	28 879 972	1,347

Источники: Государственная пограничная служба Украины; Государственная служба статистики Украины.

ственников в регион Балтийского моря можно определить как сходные.

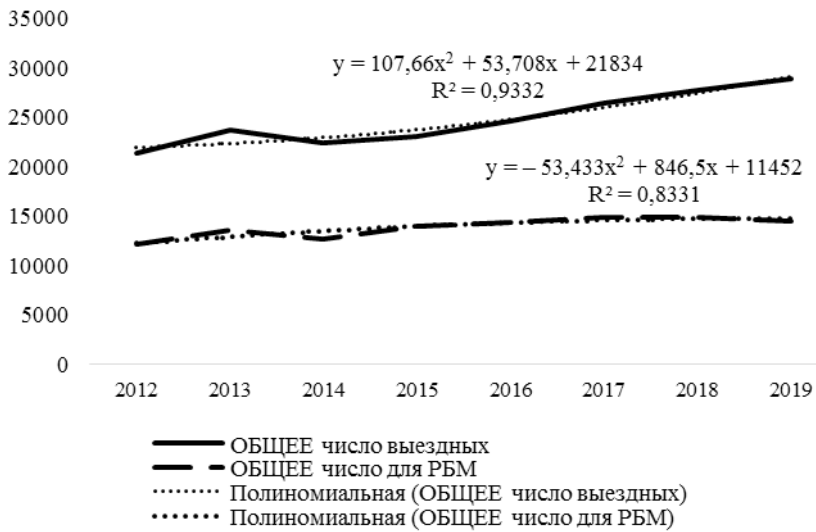

Рис. 2. Тенденции изменения потоков выездного туризма из Украины в 2012—2019 годах, тыс. человек

Источник: составлено авторами на основе таблицы 1.

Для описания наблюдаемых тенденций мы использовали полиномиальную функцию второй степени:

— для общего количества выезжающих туристов:

$$Y = 107,66x^2 + 53,708x + 21834,$$

то есть в период 2012—2019 годов общее количество украинцев, выезжающих за границу, ежегодно увеличивалось в среднем на 53,708 тыс. человек, а темпы ускорения роста в среднем составили 107,66 тыс. человек;

— для общего количества туристов, направляющихся в регион Балтийского моря:

$$Y = -53,443x^2 + 846,5x + 11452,$$

то есть в период 2012—2019 годов общее количество украинцев, посетивших регион Балтийского моря, ежегодно увеличивалось в среднем на 846,5 тыс. человек, но темпы замедления роста в среднем составили 53,443 тыс. человек.

Для оценки точности моделей мы использовали коэффициент детерминации R^2 , представленный на рисунке 2 для каждой модели.

Поскольку теоретическое значение коэффициента детерминации $R^2(2;5) = 0,699$ меньше, чем его расчетные значения для обоих уравнений, наши модели хорошо подходят для оценки данных. Однако применять эти модели для прогнозирования будущего числа украинских путешественников в сегодняшних обстоятельствах не имеет смысла, поскольку выявленные тенденции были нарушены в 2020 году пандемией COVID-19.

Наблюдались также различия в интенсивности темпа роста общего количества украинцев, выезжающих за границу и направлявшихся в регион Балтийского моря в 2012—2019 годах: общее число выезжающих из Украины туристов росло быстрее (на 4,4 % ежегодно), чем количество выезжающих туристов в регион Балтийского моря (на 2,6 % ежегодно), что повлекло за собой изменения в структуре туристических

потоков. В результате ускорения темпов роста общего числа выезжающих туристов и снижения количества туристов, направляющихся в регион Балтийского моря, доля посещений стран Балтийского моря среди количества всех поездок украинцев за границу снизилась на 6,3 процентных пункта — с 56,7% в 2012 году до 50,4% в 2019 году. При этом максимальное значение отмечено в 2015 году — 60,4%, то есть чуть менее двух третей украинских туристов совершили поездки в исследуемый регион (рис. 3). Но затем доля посещений стран РБМ стала снижаться, и в 2019 году была на 10 процентных пунктов меньше, чем в 2015 году.

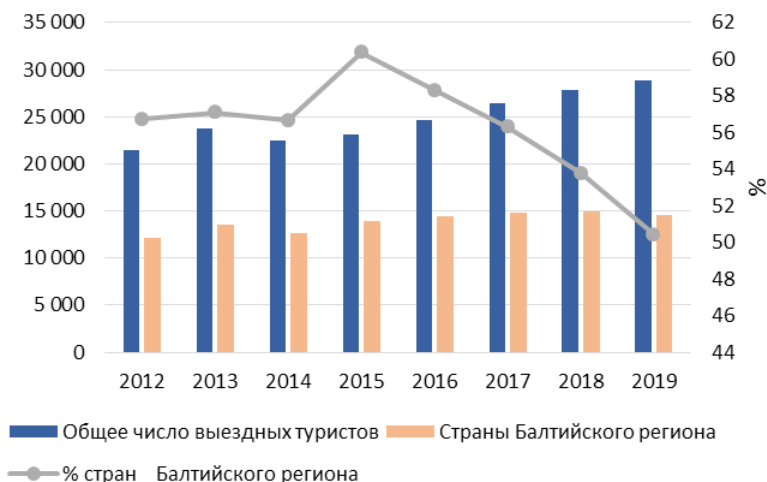

Рис. 3. Потоки выездного туризма из Украины и объем украинских визитов в страны региона Балтийского моря в 2012—2019 годов, тыс. человек

Источник: составлено авторами на основе таблицы 1.

Летом 2017 года граждане Украины получили право безвизового въезда в Шенгенскую зону. Все страны региона Балтийского моря, кроме Российской Федерации, являются странами Шенгенской зоны. Мы проанализировали, повлиял ли безвизовый режим на туристические потоки из Украины в страны Балтийского моря.

Применив Т-критерий Вилкоксона, мы не обнаружили статистически значимой разницы в количестве выезжающих из Украины туристов в страны региона Балтийского моря до и после введения безвизового режима. Ранее мы сравнивали данные за 2017 и 2016 годы (табл. 2). Учитывая р-значение (0,139), мы должны принять нулевую гипотезу.

Таблица 2

р-значение для Т-критерия Уилкоксона

Год	2017 к 2016	2018 к 2016	2019 к 2016	2018 к 2017
р-значение	0,139	0,066	0,374	0,110

Затем мы проанализировали данные за 2018 и 2016 годы, так как в 2017 году безвизовый режим действовал всего полгода. Полученный результат был аналогичным: поскольку р-значение равно 0,066, у нас не было причин отклонять нулевую гипотезу, так же, как и для других сравнений — 2018 года с 2017 годом и 2019 года с 2016 годом.

Таким образом, введение безвизового режима не оказало статистически значимого влияния на украинский выездной туризм. Как указывалось ранее, мы лишь можем отметить тенденцию к увеличению туристического потока из Украины в регион Балтийского моря в 2012—2019 годах.

Изменилась и структура потоков выездного туризма по странам региона Балтийского моря (рис. 4).

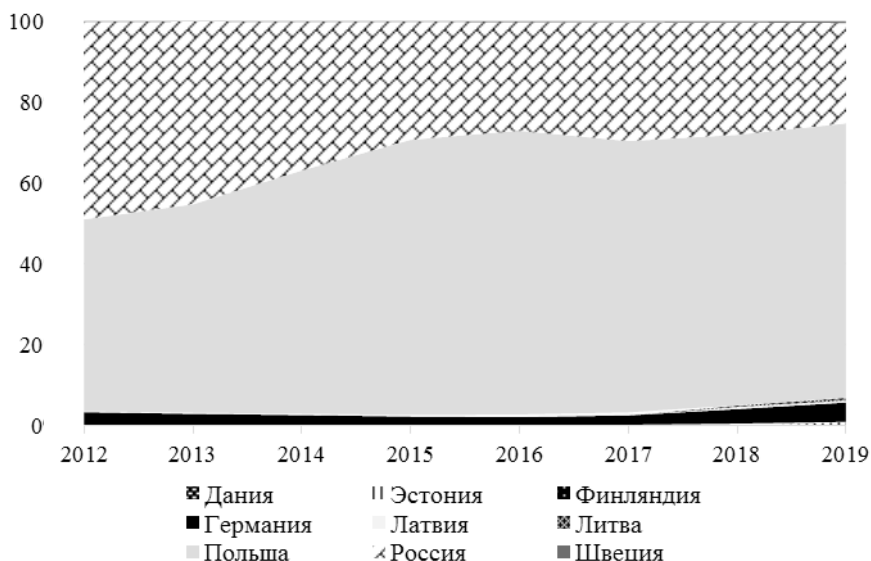

Рис. 4. Структура потоков выездного туризма из Украины в Балтийское море. Страны региона в 2012—2019 годов, %

Источник: составлено авторами на основе таблицы 1.

Основными дестинациями украинских туристов были Российская Федерация и Польша. Отметим, что доля посещений России снизилась на 24 процентных пункта (с 48,9 % в 2012 году до 24,9 % в 2019 году) и, напротив, доли посещений других стран выросли. Доля посещений Польши увеличилась больше всего — более чем на одну пятую (на 20,3 процентных пункта — с 47,4 % в 2012 году до 67,8 % в 2019 году). Доля посещений Германии выросла на 1,7 процентных пункта (с 3,1 % в 2012 году до 4,8 % в 2019 году); рост долей посещений остальных стран не превышал 1 процентный пункт.

Основной причиной структурных изменений стало сокращение количества въезжающих в Россию туристов из Украины: в 2019 году оно уменьшилось на 2 318 590 человек (или на 39,0 %) по сравнению с 2012 годом. Вместе с тем увеличилось число украинских туристов, посетивших РБМ в 2019 году, по сравнению с 2012 годом, в том числе возросло количество прибывающих в Польшу (на 4 106 491 человек, или 71,2 %) и Германию (на 319 238 человек, или 83,9 %). В результате мы наблюдаем перераспределение доли посещений Российской Федерации в пользу других стран региона Балтийского моря.

Линейный коэффициент «абсолютных» структурных изменений за исследуемый период равен 0,76 процентного пункта, то есть доля стран, которые посещают украинские туристы, в 2012—2019 годах изменялась в среднем на 0,76 процентных пункта ежегодно.

Въездной туризм в Украину был менее популярен, чем выездной: общее количество иностранных туристов в 2012—2019 годах составило 127 928 460 человек, в том числе 41 781 149 человек из стран Балтийского моря (табл. 3).

К сожалению, необходимо отметить, что после 2013 года туристический поток в Украину резко сократился (рис. 5) вследствие драматических событий новейшей украинской истории. Это касается общего количества туристов (оно снизилось на 48,5 % в 2014 году по сравнению с 2013 годом), а также туристов из стран региона Балтийского моря (уменьшилось на 69,1 %).

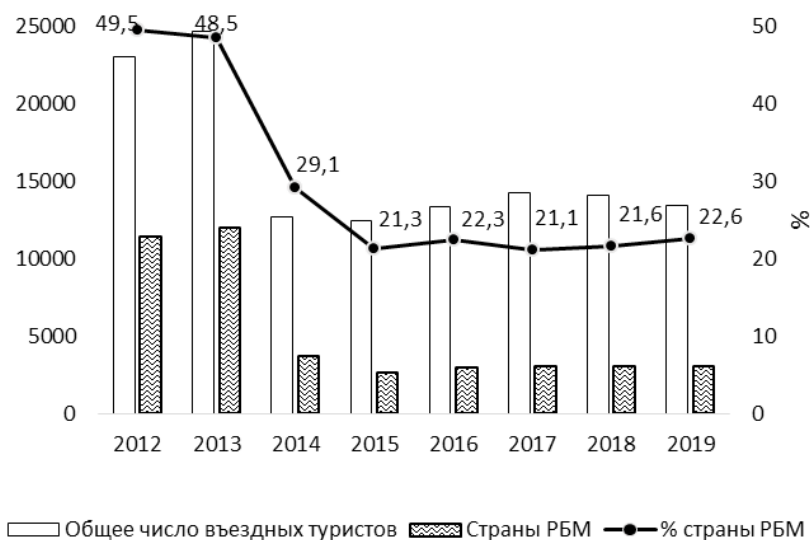

Рис. 5. Потоки въездного туризма в Украину и доля визитов в Украину из стран региона Балтийского моря в 2012—2019 годах, тыс. человек

Источник: составлено авторами на основе таблицы 3, с. 39.

Количество туристов из Российской Федерации в 2012 году было самым большим среди стран региона — более 9 526 695 человек (83,6 % от общего числа иностранных гостей). В 2019 году это было всего 1 386 643 человек (45,6 % от всего въездного туристического потока).

Таким образом, количество россиян, посетивших Украину, снизилось на 86,5 % за весь период 2012—2019 годов. Наибольшее снижение (на 77,0 %) произошло в 2014 году по сравнению с 2013 годом.

Число польских туристов менялось наименьшим образом в исследуемый период: 1 404 086 человек в 2012 году и 1 114 427 человек в 2019 году. Польша неизменно занимала второе место по количеству туристов в Украину.

Однако количество российских путешественников было в 6,8 и 8,2 раза больше по сравнению с числом польских туристов в 2012 и 2013 годах соответственно, тогда как в 2019 году это соотношение составляло всего 1,2. Для остальных стран региона, за исключением Германии и Швеции, показатели за 2019 год превышают показатели за 2012 год с диапазоном от 1,154 раза для Финляндии до 2,156 раза для Литвы.

Вышеуказанные изменения привели к более чем двукратному сокращению доли стран региона Балтийского моря в общем количестве туристов, прибывающих в Украину: с 49,5 % в 2012 году до 29,1 % в 2014 году, а затем до 22,6 % в 2019 году.

Таблица 3

**Количество въезжающих туристов из стран региона Балтийского моря в Украину
в 2012—2019 годах, чел.**

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2019 к 2012
Дания	20 498	11 461	8 317	9 383	11 219	13 180	18 435	30 625	1,494
Эстония	19 812	19 456	8 731	10 865	15 759	21 313	26 196	27 782	1,402
Финляндия	10 832	10 308	4 567	7 522	9 306	10 733	11 252	12 499	1,154
Германия	274 073	253 318	131 244	154 498	171 118	209 447	237 266	269 271	0,982
Латвия	39 840	37 478	18 118	22 187	29 881	37 591	42 979	48 855	1,226
Литва	54 636	83 355	29 466	34 996	52 187	75 622	93 230	117 792	2,156
Польша	1 404 086	1 259 209	1 123 945	1 156 011	1 195 163	1 144 249	1 096 887	1 114 427	0,794
Российская Федерация	9 526 695	10 284 782	2 362 982	1 231 035	1 473 633	1 464 764	1 495 650	1 386 643	0,146
Швеция	40 777	17 542	10 610	14 706	20 126	24 554	30 038	34 136	0,837
<i>Всего из РБМ</i>	11 391 249	11 976 909	3 697 980	2 641 203	2 978 392	3 001 453	3 051 933	3 042 030	0,267
<i>Всего въезжающих</i>	23 012 823	24 671 227	12 711 507	12 428 286	13 333 096	14 229 642	14 104 087	13 437 792	0,584

Источники: Государственная пограничная служба Украины; Государственная служба статистики Украины.

Так, если в начале исследуемого периода примерно каждый второй турист приезжал в Украину из стран региона Балтийского моря, то в конце — только примерно каждый пятый.

Структура потоков въездного туризма из стран региона Балтийского моря изменилась более существенно по сравнению со сдвигами в структуре выездного туризма. Линейный коэффициент «абсолютных» структурных изменений за период 2012—2019 годов равен 1,21 процентного пункта, то есть доля иностранных посетителей из РБМ в Украину изменялась в среднем на 1,21 процентного пункта ежегодно за анализируемый период.

Основные изменения можно описать следующим образом: доля посетителей из Российской Федерации снизилась на 38,0 процентных пункта — с 83,6 % в 2012 году до 45,6 % в 2019 году (рис. 6).

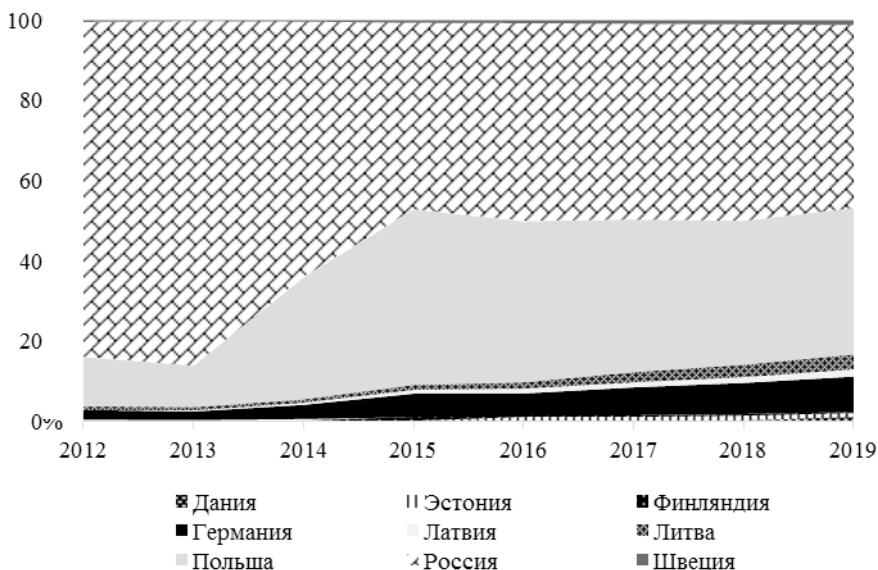

Рис. 6. Структура потоков въездного туризма в Украину из стран региона Балтийского моря в 2012—2019 годах, %

Источник: составлено авторами на основе таблицы 3.

Больше всего возросла доля Польши — на 24,3 процентных пункта — с 12,3 до 36,6 %; доля Германии выросла на 6,5 процентных пункта — с 2,4 до 8,9 %; доля Литвы — на 3,34 процентных пункта (или в 8,1 раза) в 2019 году по сравнению с 2012 годом.

Изменения в количестве прибывающих и отбывающих путешественников влияют на соотношение между выездным и въездным туристическими потоками (рис. 7).

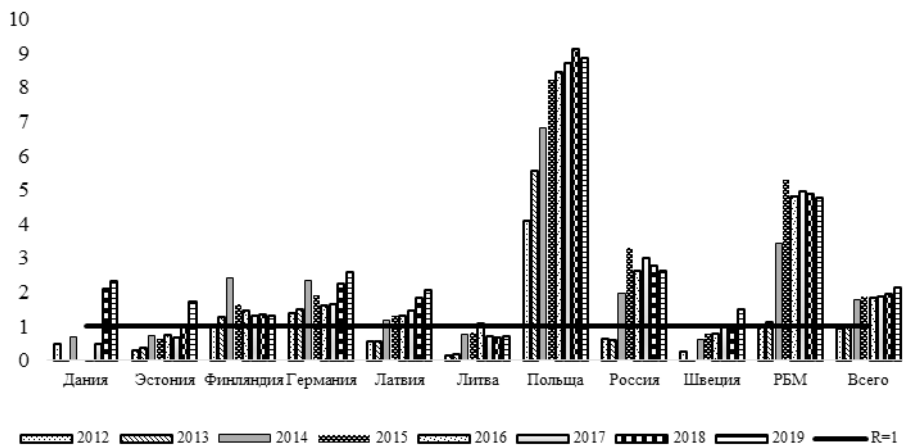

Рис. 7. Соотношение потоков выездного и въездного туризма в 2012—2019 годах

Источник: составлено авторами на основе таблиц 1 и 3.

В целом потоки путешественников, прибывающих в Украину и покидающих страну, можно считать достаточно сбалансированными в 2012 ($R = 0,931$) и 2013 годах ($R = 0,963$). С 2014 года ($R = 1,765$) мы можем наблюдать тенденцию к увеличению этого коэффициента, и в 2019 году количество выезжающих туристов превышало более чем в 2 раза ($R = 2,149$) число въездных путешественников.

Подобная ситуация была типична для стран региона Балтийского моря в целом, но с 2015 года исходящие потоки превышали входящие примерно в 5 раз. Это свидетельствует о высокой туристической привлекательности региона для граждан Украины.

Как видно из рисунка 7, наиболее сбалансированными были туристические потоки между Украиной и Литвой в 2014—2019 годах (R варьировалось от 0,767 в 2014 году до 1,104 в 2016 году и затем до 0,708 в 2019 году), между Эстонией в 2014—2018 годах (от 0,747 в 2014 году до 0,968 в 2018 году) и Швецией в 2015—2018 годах (с 0,782 до 1,037 соответственно).

Ситуация с туристическими потоками между Украиной и Германией наиболее сходна с тенденциями путешествий украинцев по всему миру.

Поскольку количество поездок украинцев в Российскую Федерацию снизилось на 39% в 2019 году по сравнению с 2012 годом, а количество россиян, посетивших Украину в 2019 году, было на 85,4% меньше по сравнению с 2012 годом, соотношение между выездным и въездным туристическими потоками между этими странами увеличилось с 0,624 до 2,613. Максимальное значение R (3,315) наблюдалось в 2015 году.

Стоит подчеркнуть, что Польша является самой примечательной страной исследуемого региона с точки зрения сбалансированности туристических потоков. Это самая посещаемая украинцами страна с 2013 года (см. табл. 3, с. 39). В 2015—2019 годах украинцы посещали Польшу в 8—9 раз чаще, чем поляки Украину.

Статистические данные Государственной пограничной службы Украины позволяют анализировать туристические потоки в соответствии с целями визита, однако список целей у выезжающих и въезжающих туристов разный. В первом случае (для выезжающих) отмечены только деловые поездки, организованный туризм и частные посещения (рис. 8).

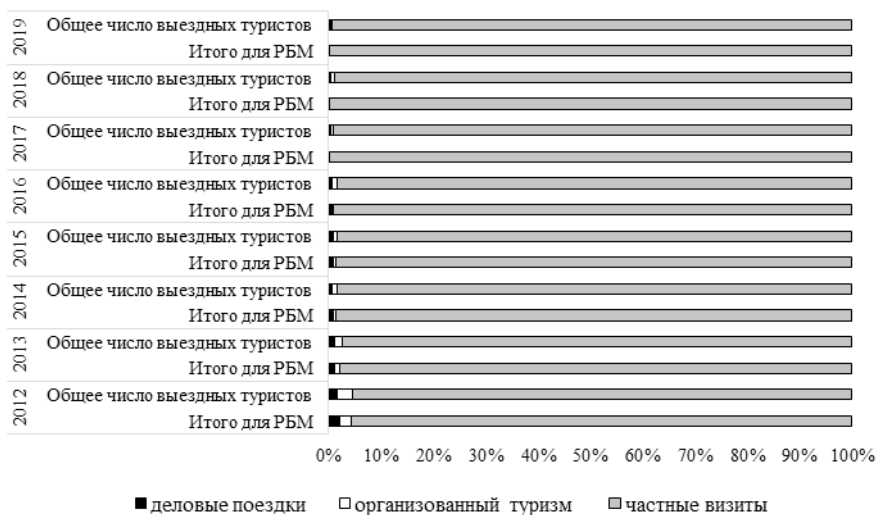

Рис. 8. Структура потоков выездного туризма из Украины в страны региона Балтийского моря по целям визита в 2012—2019 годах, %

Источники: Государственная пограничная служба Украины; Государственная служба статистики Украины.

Полный перечень всех возможных целей для въезжающих туристов следующий: деловые поездки; организованный туризм; частные посещения; образование; трудоустройство; иммиграция; посещение культурных мероприятий, посещение спортивных мероприятий, религиозные путешествия и др. (рис. 9).

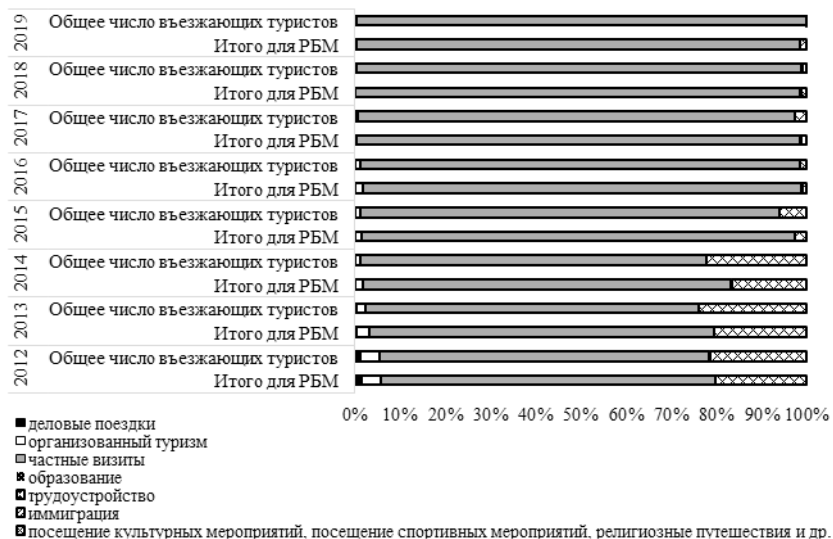

Рис. 9. Структура потоков въездного туризма в Украину из стран региона Балтийского моря по целям визита в 2012—2019 годах, %

Источники: Государственная пограничная служба Украины; Государственная служба статистики Украины.

Как мы можем видеть, частный визит как цель поездки наиболее популярен как у украинских, так и у иностранных путешественников, тогда как организованный туризм в качестве причины посещения указывается редко: для украинцев — в течение всего периода; для иностранцев из региона Балтийского моря — с 2014 года и особенно после 2016 года (на этот вид приходится более 96 % визитов).

Культурные и спортивные мероприятия, а также религиозные и другие цели были важным компонентом в структуре потоков въездного туризма, но с 2015 года их доля значительно сократилась. Максимальной она была в 2013 году: имели такую цель визита 23,7 % всех въезжающих туристов и 20,3 % от численности всех путешественников из стран региона Балтийского моря.

В предыдущие годы туризм был процветающей отраслью, и рост объемов туристических потоков даже привел к возникновению овертуризма, что оказывало отрицательное воздействие на дестинации. Но эта долгосрочная тенденция роста была прервана пандемией COVID-19. Сегодня индустрия туризма оказалась наиболее пострадавшим сектором экономики во всем мире, поэтому всем странам необходимо реорганизовать туристическую сферу, чтобы возобновить потоки туристов в новых условиях.

Выводы

В последние десятилетия сфера туризма внесла большой вклад в экономику, культуру и процветание общества. Но ее развитие вызывает противоречивые мнения: с одной стороны, эта сфера стимулирует экономическую активность, поддерживает устойчивость, создает рабочие места и обеспечивает приток финансовых средств для принимающих сообществ. С другой — она является причиной экологических и социальных проблем.

Несмотря на потенциальные проблемы, высокоразвитая туристическая сфера способствует повышению конкурентоспособности страны. В этом контексте страны региона Балтийского моря, практикующие стратегический подход к развитию туризма, вполне конкурентоспособны на глобальном и региональном уровнях.

Согласно Индексу конкурентоспособности сферы путешествий и туризма Германия, Швеция и Финляндия были самыми конкурентоспособными странами в регионе Балтийского моря в сфере путешествий и туризма в 2013—2019 годах. Дания и Польша сохранили свои позиции на конец рассматриваемого периода по сравнению с 2013 годом.

Российская Федерация улучшила свои позиции, поднявшись на 24 позиции, — если в 2013 году ее рейтинг был самым низким (63-е место) в регионе, то в 2019 году он стал выше (39-е место) по сравнению с Эстонией (46-е место), Польшей (42-е место), Латвией (53-е место) и Литвой (59-е место).

Анализ въездных и выездных потоков международного туризма предоставляет важную информацию для принятия правительственных и деловых решений относительно управления дестинациями.

Регион Балтийского моря очень привлекателен для украинских туристов. Количество украинцев, посетивших его, увеличилось почти на 20 % в 2019 году по сравнению с 2012 годом, однако мы не обнаружили статистически значимых доказательств того, что это увеличение стало результатом введения безвизового въезда в Шенгенскую зону.

Выездной туризм в Украине более развит, чем въездной. В настоящее время Польша является самой посещаемой украинцами страной в регионе. Наибольший рост количества туристов из Украины отмечается в Литве, Эстонии и Дании.

После 2013 года туристический поток в Украину резко снизился, особенно из Российской Федерации. Это повлияло на размер и структуру туристических потоков между Украиной и регионом Балтийского моря в целом. Несмотря на спад, объем въездного туризма из Российской Федерации остается самым большим. Польша и Германия занимают второе и третье места соответственно.

Частные визиты — основная цель путешествий как для украинских, так и для иностранных туристов.

Все выявленные тенденции изменений в туристических потоках были прерваны в 2020 году из-за пандемии COVID-19. По данным ЮНВТО, этот год стал для международного туризма худшим за всю историю.

Туризм является одним из секторов, наиболее пострадавших от пандемии, основными негативными последствиями которой являются риск замедления прогресса в достижении целей устойчивого развития; угроза для сохранения биоразнообразия из-за снижения доходов от туризма; проблемы сохранения культурного наследия¹¹.

Восстановление туризма возможно не ранее, чем в среднесрочной перспективе.

Для достижения этой цели и преодоления негативного воздействия пандемии Украина и страны региона Балтийского моря, а также все государства мира должны использовать свой опыт и имеющийся значительный потенциал в сфере туризма для взаимовыгодного сотрудничества в будущем.

Список литературы

1. *Song H., Li G., Cao Z.* Tourism and Economic Globalization: An Emerging Research Agenda // *Journal of Travel Research*. 2018. Vol. 57, № 8. P. 999—1011. <https://doi.org/10.1177/0047287517734943>.
2. *Javid E., Katircioglu S.* The globalization indicators-tourism development nexus: a dynamic panel-data analysis // *Asia Pacific Journal of Tourism Research*. 2017. Vol. 22, № 11. P. 1194—1205. <https://doi.org/10.1080/10941665.2017.1378240>.
3. *Chung N., Han H., Joun Y.* Tourists' intention to visit a destination: The role of augmented reality (AR) application for a heritage site // *Computers in Human Behavior*. 2015. Vol. 50. P. 588—599. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.02.068.3>.
4. *Chung N., Lee H., Kim J-Y., Koo C.* The Role of Augmented Reality for Experience-Influenced Environments: The Case of Cultural Heritage Tourism in Korea // *Journal of Travel Research*. 2018. Vol. 57, № 5. P. 627—643. <https://doi.org/10.1177/0047287517708255.4>.
5. *Trunfio M., Campana S.* A visitors' experience model for mixed reality in the museum // *Current Issues in Tourism*. 2020. Vol. 23. № 9. P. 1053—1058. <https://doi.org/10.1080/13683500.2019.1586847.5>.
6. *Guttentag D. A.* Virtual reality: Applications and implications for tourism // *Tourism Management*. 2010. Vol. 31, № 5. P. 637—651. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2009.07.003>.
7. *Navío-Marco J., Ruiz-Gómez L.M., Sevilla-Sevilla C.* Internet and Consumer behaviour in Travel and Tourism: A European Cross-National Analysis // *Journal of Reviews on Global Economics*. 2018. Vol. 7. P. 186—194. <https://doi.org/10.6000/1929-7092.2018.07.17.7>.
8. *Herdin T., Egger R.* Beyond the Digital Divide: Tourism, ICTs and Culture — a highly promising alliance // *International Journal of Digital Culture and Electronic Tourism*. 2018. Vol. 2, № 4. P. 322—336. <https://doi.org/10.1504/IJDCET.2018.092182>.

¹¹ COVID-19 and Transforming Tourism // United Nations. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_covid-19_tourism_august_2020.pdf (дата обращения: 26.02.2021).

9. *Nayyar A., Mahapatra B., Nhuong Le D., Suseendran G.* Virtual reality (VR) & augmented reality (AR) technologies for tourism and hospitality industry // *International Journal of Engineering & Technology*. 2018. Vol. 7, № 2.21. P. 156—160. <https://doi.org/10.14419/ijet.v7i2.21.11858>.
10. *Thees H., Erschbamer G., Pechlaner H.* The application of blockchain in tourism: use cases in the tourism value system // *European Journal of Tourism Research*. 2020. Vol. 26. URL: <https://ejtr.vumk.eu/index.php/about/article/view/1933> (дата обращения: 31.08.2020).
11. *Magalhaes A. L., Andreoni B., Santos E. J., dos Cristina Y.* The economy of sustainable tourism // *International Journal of Environment and Sustainable Development*. 2014. Vol. 13, № 4. P. 395—407. <https://doi.org/10.1504/IJESD.2014.064964>.
12. *Suhel S., Bashir A.* The role of tourism toward economic growth in the local economy // *Economic Journal of Emerging Markets*. 2018. Vol. 10, № 1. P. 32—39. <https://doi.org/10.20885/ejem.vol10.iss1.art4>.
13. *Du D., Lew A. A., Ng P. T.* Tourism and Economic Growth // *Journal of Travel Research*. 2016. Vol. 55, № 4. P. 454—464, doi: 10.1177/0047287514563167.
14. *Sofronov B.* The Development of the Travel and Tourism Industry in the World // *Annals of Spiru Haret University. Economic Series*. 2018. Vol. 18, № 4. P. 123—137. doi: <https://doi.org/10.26458/1848>.
15. *Kropinova E. G.* Tourism and the Sustainable Development of the Baltic Sea Region // *Leal Filho W., Azul A., Brandli L. [et al.]. (eds.). Decent Work and Economic Growth. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*. Springer, Cham., 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-319-71058-7_84-1.
16. *Studzieniecki T., Jakubowski A., Meyer B.* Transnational tourist destination management: a case study of the Baltic Sea Region // *Baltic Region*. 2020. Vol. 12, № 3. P. 127—146. <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-3-8>.
17. *Gorina G., Barabanova V.* Marketing aspects of developing tourism services market in Ukraine & the Baltic countries // *Baltic Journal of Economic Studies*. 2019. Vol. 5, № 1. P. 39—47. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2019-5-1-39-47>.
18. *Zaitseva N. A., Kropinova E. G.* Problems and Prospects of Cross-Border Cooperation in Tourism between Russia and Europe // *Baltic region*. 2016. Vol. 8, № 3. P. 98—108. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-8>.
19. *Зайцева Н. А., Корнеевец В. С., Кропинова Е. Г. и др.* Влияние приграничных передвижений и обменов на диверсификацию экономики регионов трансграничного сотрудничества (на примере российско-польского приграничья) // *Региональные исследования*. 2016. № 3. С. 94—101.
20. *Kropinova E. G.* Cooperation between Russia and the EU in the field of innovative development of tourism: the case of the Lithuania — Poland — Russia cross-border cooperation programme // *Baltic region*. 2013. № 4. P. 48—57. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-4-5>.
21. *Rakhmanov A. B.* Tourism and the structure of attractiveness of the Baltic region metropolises // *Baltic region*. 2019. Vol. 11, № 2. P. 73—93. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-5>.
22. *Slyvenko V. A.* Influence of European integration processes on Baltic countries tourism market development // *The Bulletin of the Dnipropetrovsk University. Series: Management of Innovations*. 2014. № 3. P. 93—99. <https://doi.org/10.15421/191414>.
23. *Korsak R. V., Furtiy V. V.* The history of tourism in the Baltics (Estonia, Latvia, Lithuania) // *Hilea: scientific journal*. 2017. Vol. 118. P. 159—163.
24. *Chyr N., Zhukov S.* Economic analyses of tourism industry in the Baltic region (on the example of Estonia) // *Economic forum*. 2015. № 4. P. 107—118.

25. *Freude T.* Ecotourism and Sustainable Development // Leal Filho W., Azul A., Brandli L. [et al.]. (eds.). Decent Work and Economic Growth. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Springer, Cham, 2019. https://doi.org/10.1007/978-3-319-71058-7_28-1.
26. *Dodds R., Butler, R.W. (eds.)*. Overtourism: Issues, Realities and Solutions. Berlin, 2019. <https://doi.org/10.1515/9783110607369>.
27. *Bouchon F., Rauscher M.* Cities and tourism, a love and hate story; towards a conceptual framework for urban overtourism management // International Journal of Tourism Cities. 2019. Vol. 5, № 4. P. 598—619. <https://doi.org/10.1108/IJTC-06-2019-0080>.
28. *Gonzalez V.M., Coromina L., Galí N.* Overtourism: Residents' perceptions of tourism impact as an indicator of resident social carrying capacity — Case study of a Spanish heritage town // Tourism Review. 2018. Vol. 73, № 3. P. 277—296. <https://doi.org/10.1108/TR-08-2017-0138>.
29. *Amore A., Falk M., Adie B. A.* One visitor too many: assessing the degree of overtourism in established European urban destinations // International Journal of Tourism Cities. 2020. Vol. 6, № 1. P. 117—137. <https://doi.org/10.1108/IJTC-09-2019-0152>.
30. *Geneidy S. E., Baumeister S.* The Carbon Footprint of Volunteer Tourism // European Journal of Tourism, Hospitality and Recreation. 2019. Vol. 9, № 2. P. 15—25. <https://doi.org/10.2478/ejthr-2019-0010>.
31. *Lenzen, M., Sun, Y., Faturay, F. et al.* The carbon footprint of global tourism // Nature Climate Change. 2018. Vol. 8, № 6. P. 522—528. <https://doi.org/10.1038/s41558-018-0141-x>.
32. *Gössling S., Higham J.* The Low-Carbon Imperative: Destination Management under Urgent Climate Change // Journal of Travel Research. 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0047287520933679> (дата обращения: 30.08.2020).
33. *Camilleri M.* Advancing the sustainable tourism agenda through strategic CSR perspectives // Tourism Planning & Development. 2014. Vol. 11, № 1. P. 42—56. <https://doi.org/10.1080/21568316.2013.839470>.
34. *Camilleri M. A.* Responsible tourism that creates shared value among stakeholders // Tourism Planning & Development. 2016. Vol. 13, № 2. P. 219—235. <https://doi.org/10.1080/21568316.2015.1074100>.
35. *Garay L., Font X.* Doing good to do well? Corporate social responsibility reasons, practices and impacts in small and medium accommodation enterprises // International Journal of Hospitality Management. 2012. Vol. 31, № 2. P. 329—337. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2011.04.013.35>.
36. *Coles T., Fenclova E., Dinan C.* Tourism and corporate social responsibility: A critical review and research agenda // Tourism Management Perspectives. 2013. Vol. 6. P. 122—141. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2013.02.001>.
37. *Paskova M., Zelenka J.* How crucial is the social responsibility for tourism sustainability? // Social Responsibility Journal. 2019. Vol. 15, № 4. P. 534—552. <https://doi.org/10.1108/SRJ-03-2018-0057>.
38. *Oxenswärdh A.* Collective Learning towards Sustainable Tourism // Studia Periegetica. 2017. Vol. 2, № 2, P. 25—37.
39. *Buckley R.* Pandemic Travel Restrictions Provide a Test of Net Ecological Effects of Ecotourism and New Research Opportunities // Journal of Travel Research. 2020. <https://doi.org/10.1177/0047287520947812.39>.
40. *Jamal T., Budke C.* Tourism in a world with pandemics: local-global responsibility and action // Journal of tourism futures. 2020. Vol. 6, № 2. P. 181—188. <https://doi.org/10.1108/JTF-02-2020-0014>.
41. *Gössling S., Scott D., Hall C. M.* Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19 // Journal of Sustainable Tourism. 2020. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708>.
42. *Klemeshev A. P., Korneevets V. S., Palmowski T. et al.* Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region // Baltic Region. 2017. Vol. 9, № 4. P. 4—20. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>.

Об авторах

Лариса Михайловна Сатыр, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательства, торговли и биржевой деятельности, Белоцерковский национальный аграрный университет, Украина.

E-mail: larysa.satyr@btsau.edu.ua

<https://orcid.org/0000-0003-0040-6863>

Руслана Павловна Задорожная, кандидат экономических наук, доцент кафедры предпринимательства, торговли и биржевой деятельности, Белоцерковский национальный аграрный университет, Украина.

E-mail: ruslana.zadorozhna@btsau.edu.ua

<https://orcid.org/0000-0003-1229-5611>

Леонид Иванович Стадник, кандидат экономических наук, доцент кафедры предпринимательства, торговли и биржевой деятельности, Белоцерковский национальный аграрный университет, Украина.

E-mail: leonid.stadnik@btsau.edu.ua

<https://orcid.org/0000-0001-9657-2350>

STATISTICAL ANALYSIS OF TOURISM FLOWS BETWEEN UKRAINE AND THE BALTIC SEA REGION COUNTRIES IN 2012–2019

L.M. Satyr

R.P. Zadorozhna

L.I. Stadnik

Bila Tserkva National Agrarian University
8/1 sq. Soborna, Bila Tserkva, 09117, Ukraine

Received 07 September 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-2
© Satyr, L. M., Zadorozhna, R. P.,
Stadnik, L. I. 2021

This article explores the features and trends in inbound and outbound tourism flows between Ukraine and the Baltic Sea region (BSR) countries in 2012–2019. The research question is whether inbound or outbound tourism prevailed and how visa-free travel to

the Schengen Area affected the number of Ukrainians travelling to the Baltic Sea Region. Two data sources were used in the study. These are the Travel and Tourism Competitiveness Index of the World Economic Forum and data from the State Border Guard Service of Ukraine on the number of foreign citizens visiting Ukraine and the number of Ukrainians travelling abroad. The study employs the statistical methods of structural shifts analysis, time series analysis, and graphical visualization. The findings indicate that Ukrainian outbound tourism was growing steadily over the study period, whilst visa-free travel to the Schengen Area had no statistically significant impact on the number of outbound tourists from Ukraine to the BSR. Outbound tourism flow prevailed over inbound. The number of inbound tourists to Ukraine sharply declined after 2013 because of the socio-political situation in the country. The analysis reveals significant changes in inbound and outbound tourism flow structures. The COVID-19 pandemic is shown to be a critical factor influencing the current state and prospects of the tourism industry.

Keywords:

inbound tourism, outbound tourism, international tourism, Travel and Tourism Competitiveness Index, Baltic Sea Region, Ukraine, COVID-19

References

1. Song, H., Li, G., Cao, Z. 2018, Tourism and Economic Globalization: An Emerging Research Agenda, *Journal of Travel Research*, vol. 57, no. 8, p. 999–1011. doi:10.1177/0047287517734943.
2. Javid, E., Katircioglu, S. 2017, The globalization indicators-tourism development nexus: a dynamic panel-data analysis, *Asia Pacific Journal of Tourism Research*, vol. 22, no. 11, p. 1194–1205. doi: 10.1080/10941665.2017.1378240.
1. Chung, N., Han, H., Joun, Y. 2015, Tourists' intention to visit a destination: The role of augmented reality (AR) application for a heritage site, *Computers in Human Behavior*, no. 50, p. 588–599. doi: 10.1016/j.chb.2015.02.068. 3.
1. Chung, N., Lee, H., Kim, J-Y., Koo, C. 2018, The Role of Augmented Reality for Experience-Influenced Environments: The Case of Cultural Heritage Tourism in Korea, *Journal of Travel Research*, vol. 57, no. 5, p. 627–643. doi: 10.1177/0047287517708255.4.
1. Trunfio, M., Campana, S. 2020, A visitors' experience model for mixed reality in the museum, *Current Issues in Tourism*, vol. 23, no. 9, p. 1053–1058. doi: 10.1080/13683500.2019.1586847.5.
6. Guttentag, D. A. 2010, Virtual reality: Applications and implications for tourism, *Tourism Management*, vol. 31, no. 5, p. 637–651. doi:10.1016/j.tourman.2009.07.003.
1. Navío-Marco, J., Ruiz-Gómez, L. M., Sevilla-Sevilla, C. 2018, Internet and Consumer behaviour in Travel and Tourism: A European Cross-National Analysis, *Journal of Reviews on Global Economics*, no. 7, p. 186–194. doi: 10.6000/1929-7092.2018.07.17.7.
8. Herdin, T., Egger, R. 2018, Beyond the Digital Divide: Tourism, ICTs and Culture — a highly promising alliance, *International Journal of Digital Culture and Electronic Tourism*, vol. 2, no. 4, p. 322–336. doi: 10.1504/IJDCET.2018.092182.
9. Nayyar, A., Mahapatra, B., Nhuong Le, D., Suseendran, G. 2018, Virtual reality (VR) & augmented reality (AR) technologies for tourism and hospitality industry, *International Journal of Engineering & Technology*, vol. 7, no. 2.21, p. 156–160. doi: 10.14419/ijet.v7i2.21.11858.

10. Thees, H., Erschbamer, G., Pechlaner, H. 2020, The application of blockchain in tourism: use cases in the tourism value system, *European Journal of Tourism Research*, no. 26, 2602, available at: <https://ejtr.vumk.eu/index.php/about/article/view/1933> (Accessed 31 August 2020).
11. Magalhaes, A. L., Andreoni, B., Santos, E. J. dos and Cristina, Y. 2014, The economy of sustainable tourism, *International Journal of Environment and Sustainable Development*, vol. 13, no. 4, p. 395—407. doi: 10.1504/IJESD.2014.064964.
12. Suhel, S., Bashir, A. 2018, The role of tourism toward economic growth in the local economy, *Economic Journal of Emerging Markets*, vol. 10, no. 1, p. 32—39, doi: 10.20885/ejem.vol10.iss1.art4.
13. Du, D., Lew, A. A., Ng, P. T. 2016, Tourism and Economic Growth, *Journal of Travel Research*, vol. 55, no. 4, p. 454—464. doi: 10.1177/0047287514563167.
14. Sofronov, B. 2018, The Development of the Travel and Tourism Industry in the World, *Annals of Spiru Haret University. Economic Series*, vol. 18, no. 4, p. 123—137. doi: <https://doi.org/10.26458/1848>.
15. Kropinova, E. G. 2020, Tourism and the Sustainable Development of the Baltic Sea Region. In: Leal Filho, W., Azul, A., Brandli, L., Lange Salvia, A., Wall, T. (eds) *Decent Work and Economic Growth. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*, Springer, Cham. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-71058-7_84-1.
16. Studzieniecki, T., Jakubowski, A., Meyer, B. 2020, Transnational tourist destination management: a case study of the Baltic Sea Region. *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 3, p. 127—146. doi: 10.5922/2078-8555-2020-3-8.
17. Gorina, G., Barabanova, V. 2019, Marketing aspects of developing tourism services market in Ukraine & the Baltic countries, *Baltic Journal of Economic Studies*, vol. 5, no. 1, p. 39—47. doi: <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2019-5-1-39-47>.
18. Zaitseva, N. A., Kropinova, E. G. 2016, Problems and Prospects of Cross-Border Cooperation in Tourism between Russia and Europe, *Balt. Reg.*, vol. 8, no. 3, p. 98—108. doi: 10.5922/2079-8555-2016-3-8.
19. Zaitseva, N. A., Korneevets, V. S., Kropinova, E. G., Kuznetsova, T. Yu., Semenova, L. V. 2016, Effect of cross-border movements and exchanges on the economic diversification of the cross-border cooperation regions (case for the Russian-Polish borderlands), *Regional studies*, vol. 3, no. 53, p. 94—101 (in Russ.).
20. Kropinova, E. G. 2013, Cooperation between Russia and the EU in the field of innovative development of tourism: the case of the Lithuania — Poland — Russia cross-border cooperation programme, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 48—57. doi: 10.5922/2079-8555-2013-4-5.
21. Rakhmanov, A. B. 2019, Tourism and the structure of attractiveness of the Baltic region metropolises, *Balt. Reg.*, vol. 11, no. 2, p. 73—93. doi: 10.5922/2079-8555-2019-2-5.
22. Slyvenko, V. A. 2014, Influence of European integration processes on Baltic countries tourism market development, *The Bulletin of the Dnipropetrovsk University. Series: Management of Innovations*, no. 3, p. 93—99. doi: 10.15421/191414 (in Ukr.).
23. Korsak, R. V., Furtiy, V. V. 2017, The history of tourism in the Baltics (Estonia, Latvia, Lithuania), *Hilea: scientific journal*, no. 118, p. 159—163 (in Ukr.).
24. Chyr, N., Zhukov, S. 2015, Economic analyses of tourism industry in the Baltic region (on the example of Estonia), *Economic forum*, no. 4, p. 107—118 (in Ukr.).
25. Freude, T. 2019, Ecotourism and Sustainable Development. In: Leal Filho, W., Azul, A., Brandli, L., Özuyar, P., Wall, T. (eds) *Decent Work and Economic Growth. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*, Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-319-71058-7_28-1.
26. Dodds, R. Butler, R. W. (eds.) 2019, *Overtourism: Issues, Realities and Solutions*, Berlin, De Gruyter Oldenbourg, doi: 10.1515/9783110607369.

27. Bouchon, F., Rauscher, M. 2019, Cities and tourism, a love and hate story; towards a conceptual framework for urban overtourism management, *International Journal of Tourism Cities*, vol. 5, no. 4, p. 598—619. doi: 10.1108/IJTC-06-2019-0080.

28. Gonzalez, V.M., Coromina, L., Galí, N. 2018, Overtourism: Residents' perceptions of tourism impact as an indicator of resident social carrying capacity — Case study of a Spanish heritage town, *Tourism Review*, vol. 73, no. 3, p. 277—296. doi: 10.1108/TR-08-2017-0138.

29. Amore, A., Falk, M., Adie, B.A. 2020, One visitor too many: assessing the degree of overtourism in established European urban destinations, *International Journal of Tourism Cities*, vol. 6, no. 1, p. 117—137. doi: 10.1108/IJTC-09-2019-0152.

30. Geneidy, S.E., Baumeister, S. 2019, The Carbon Footprint of Volunteer Tourism, *European Journal of Tourism, Hospitality and Recreation*, vol. 9, no. 2, p. 15—25. doi: 10.2478/ejthr-2019-0010.

31. Lenzen, M., Sun, Y., Faturay, F. et al. 2018, The carbon footprint of global tourism, *Nature Climate Change*, vol. 8, no. 6, p. 522—528. doi: 10.1038/s41558-018-0141-x.

32. Gössling, S., Higham, J. 2020, The Low-Carbon Imperative: Destination Management under Urgent Climate Change, *Journal of Travel Research*, available at: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0047287520933679> (accessed 30 August 2020).

33. Camilleri, M. 2014, Advancing the sustainable tourism agenda through strategic CSR perspectives, *Tourism Planning & Development*, vol. 11, no. 1, p. 42—56. doi: 10.1080/21568316.2013.839470.

34. Camilleri, M.A. 2016, Responsible tourism that creates shared value among stakeholders, *Tourism Planning & Development*, vol. 13, no. 2, p. 219—235. doi: 10.1080/21568316.2015.1074100.

1. Garay, L., Font, X. 2012, Doing good to do well? Corporate social responsibility reasons, practices and impacts in small and medium accommodation enterprises, *International Journal of Hospitality Management*, vol. 31, no. 2, p. 329—337. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2011.04.013>.

36. Coles, T., Fenclova, E., Dinan, C. 2013, Tourism and corporate social responsibility: A critical review and research agenda, *Tourism Management Perspectives*, no. 6, p. 122—141. doi: [dx.doi.org/10.1016/j.tmp.2013.02.001](https://doi.org/10.1016/j.tmp.2013.02.001).

37. Paskova, M., Zelenka, J. 2019, How crucial is the social responsibility for tourism sustainability? *Social Responsibility Journal*, vol. 15, no. 4, p. 534—552. doi: 10.1108/SRJ-03-2018-0057.

38. Oxenswärdh, A. 2017, Collective Learning towards Sustainable Tourism, *Studia Periegetica*, vol. 2, no. 2, p. 25—37.

39. Buckley, R. 2020, Pandemic Travel Restrictions Provide a Test of Net Ecological Effects of Ecotourism and New Research Opportunities, *Journal of Travel Research*. doi: 10.1177/0047287520947812.

40. Jamal, T., Budke, C. 2020, Tourism in a world with pandemics: local-global responsibility and action, *Journal of tourism futures*, vol. 6, no. 2, p. 181—188. doi: 10.1108/JTF-02-2020-0014.

41. Gössling, S., Scott, D., Hall, C.M. 2020, Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19, *Journal of Sustainable Tourism*, vol. 29, no. doi: 10.1080/09669582.2020.1758708.

42. Klemeshev, A.P., Korneevets, V.S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G.M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 4., p. 4—20. doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-1.

The authors

Prof. Larysa M. Satyr, Head of the Department of Entrepreneurship, Trade and Exchange Activity, Bila Tserkva National Agrarian University, Ukraine.

E-mail: larysa.satyr@btsau.edu.ua

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0040-6863>

Ruslana P. Zadorozhna, Associate Professor, Department of Entrepreneurship, Trade and Exchange Activity, Bila Tserkva National Agrarian University, Ukraine.

E-mail: ruslana.zadorozhna@btsau.edu.ua

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1229-5611>

Leonid I. Stadnik, Associate Professor, Department of Entrepreneurship, Trade and Exchange Activity, Bila Tserkva National Agrarian University, Ukraine.

E-mail: leonid.stadnik@btsau.edu.ua

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5074-7976>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ОРГАНИЗАЦИЮ РАБОЧЕГО И ЛИЧНОГО ВРЕМЕНИ

А. Апсите

Латвийский университет,
LV-1050 Латвия, Рига, бул. Аспазияс, 5

Поступила в редакцию 27.12.2020
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-3
© Апсите А., 2021

Пандемия привлекла особое внимание исследователей к организации рабочего и личного времени. Впрочем, из-за ускоряющегося темпа жизни эта проблема стала насущной для компаний и их сотрудников намного раньше. Физически и психически здоровые люди — основа социального развития. Заболевания, связанные с неэффективной организацией рабочего и личного времени, приводят к неудовлетворенности работой и частной жизнью. Уровень стресса повышается, стресс вызывает болезни, а болезни — выгорание. С точки зрения работодателя, организация рабочего и личного времени — фактор эффективности предприятия. Проблема нерациональной организации личного и рабочего времени становится все более актуальной по мере того, как компании осознают необходимость брендирования в качестве работодателя. Таким образом, решается стратегическая задача привлечения и удержания сотрудников в ситуации нехватки кадров. Для лучшего понимания теоретических аспектов изучения организации рабочего и личного времени и удовлетворенности работой проводится контент-анализ литературы, посвященной факторам, оказывающим влияние на изучаемое явление, с точки зрения сотрудников и работодателей. Делается вывод о том, что важную роль играют как индивидуальные, так и организационные факторы: вовлеченность в работу, стаж работы в компании, нагрузка и рабочий график, корпоративная культура (стиль управления, возможности для отдыха, гибкость, поддержка со стороны руководства, автономность, соблюдение границ, альтернативные методы работы и т. д.), профессиональный стресс, оплата труда и т. д. Вклад этих факторов будет неодинаков в разных сферах деятельности.

Ключевые слова:

удовлетворенность работой, организация рабочего и личного времени, фактор, выгорание, брендирование компании как работодателя

Введение

За последнее десятилетие стало уделяться больше внимания экологичности как на работе, так и в частной жизни. По нашему мнению, экологичным является то общество, которое соизмеряет свои действия с благом для природы. При этом жизнь за пределами природного создает проблемы как для окружающей среды, так и для всех живых организмов. Эффективная организация рабочего и личного времени представляется важной предпосылкой для формирования экологичного общества как части природного.

Актуальность исследования организации рабочего и личного времени растет в последние десятилетия. Стремительный темп жизни и необходимость одновремен-

---

Для цитирования: Апсите А. Теоретические аспекты изучения факторов, влияющих на организацию рабочего и личного времени // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 2. С. 52–63. doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-3.

но выступать в нескольких ролях требуют значительных усилий от каждого индивида, чьи возможности не всегда достаточны для того, чтобы справляться со всеми возложенными на него разноплановыми обязанностями. Эта проблема часто становится предметом обсуждения, так как все большее число людей страдает от последствий неэффективной организации рабочего и личного времени. Нерациональная организация времени приводит к неудовлетворенности работой и личной жизнью, возрастающему стрессу и болезням. В тяжелых случаях последствием стресса становятся выгорание, тревожность и депрессия. А в самых тяжелых результатом стресса может стать кароси — явление, наблюдаемое в Японии с 1970-х годов. Буквально кароси означает «смерть от переработки». Она случается тогда, когда долгие часы работы вызывают физическое и психологическое истощение [1; 2].

Работодатель не только несет ответственность за организацию рабочего и личного времени единолично. Часть ее возлагается на сотрудников. При этом работодатель может считать, что влияние работы на здоровье сотрудников находится вне его компетенции. Это не совсем так. Организация рабочего и личного времени оказывает значительное влияние на эффективность предприятия. Нерациональная организация времени приводит к прогулам, больничным, текучке кадров, низкой производительности труда, повышенным страховым издержкам, неудовлетворенности работой и т.д. Кроме того, проблема организации рабочего и личного времени становится все более актуальной по мере того, как компании осознают необходимость брендинга в качестве работодателя. Было показано, что сотрудники испытывают стресс, если их ценности не разделяются работодателем, что, в свою очередь, усугубляет симптомы выгорания [3].

Интерес к этой проблеме наблюдается на уровне как местных, так и международных организаций, при этом данные, полученные из разных источников, говорят об усилении негативной тенденции. Этот вывод подтверждает Европейское исследование качества жизни (ЕИКЖ), проводившееся четырежды за последние 16 лет. Согласно ЕИКЖ данная тенденция обусловлена растущей нагрузкой, высокими требованиями к сотрудникам и ускоряющимся темпом жизни. Конечно же, ответственность за организацию рабочего и личного времени лежит в первую очередь на самом индивиде. Тем не менее многое зависит и от работодателя, в частности от его сознательного отношения к здоровью сотрудников.

Цель данной статьи — обобщить результаты работ, рассматривающих влияние организации рабочего и личного времени, для выделения теоретических основ таких исследований. Для достижения данной цели проводится контент-анализ литературы.

Методы

Поскольку цель этого исследования — обобщение теоретических основ изучения организации рабочего и личного времени, основным его методом стал контент-анализ. Данный выбор определили два соображения. Во-первых, обзоры литературы по исследуемой теме малочисленны. Большинство работ посвящены конкретным сферам деятельности, компаниям и странам и не рассматривают картину полностью. Во-вторых, анализ теоретических основ представляется целесообразным с точки зрения будущих эмпирических исследований.

В качестве источника данных использовался инструмент Primo Discovery, осуществляющий поиск по 30 научным базам данных, включая Web of Science, Ebsco, Emerald, JSTOR и Science Direct. Поиск проводился по ключевым фразам «work and life balance» (организация рабочего и личного времени) и «influencing factors» (факторы влияния). Таким образом оценивалось количество исследований. Поиск Primo

Discovery выдал около 370 000 статей с заданными ключевыми словами. Среди полученных результатах были отобраны статьи из рецензируемых и высокорейтинговых журналов. Число найденных работ сократилось до 53 000. При этом не учитывались книги и главы в них, поиск проводился только по статьям. Далее были отобраны статьи, в которых организация рабочего и личного времени стала основной темой исследования (в результате поиска попало множество статей, имеющих к теме лишь косвенное отношение). Потом поиск был сужен до статей, в которых выделенные факторы увязывались с определенной сферой деятельности для получения широкой картины теоретических основ изучения проблемы. В результате объектом анализа стала 21 статья. Шесть статей были обозначены как ключевые, так как выводы, полученные из них, значительно различались. Каждая работа была посвящена отдельной сфере деятельности, и в ней был использован уникальный подход. Все статьи были написаны в последнее десятилетие, таким образом, дополнительным параметром отбора стала актуальность данных.

Определение понятия организации рабочего и личного времени

В англоязычной литературе используется множество терминов для обозначения данного явления. Например, в работах [4—6] использовано словосочетание «work-family balance», в то время как М.К. Кларк с соавт. [7] предпочитают термин «work-family fit». Р. Берк, исследуя корпоративные ценности в контексте организации рабочего и личного времени, употребляет термин «work-personal life balance» [8], а А. Маккарти и соавт. [9] обозначают данное явление как «work-life balance». Баланс между работой и семьей часто ассоциируется с традиционными семьями, то есть с людьми, состоящими в браке и с детьми, и это исследование рассматривает семью как в ее традиционной, так и нетрадиционной формах. Чтобы избежать недоразумений, в этой статье используется термин «баланс между работой и личным временем». Данная тема широко исследуется в рамках разных дисциплин — менеджмента, психологии, социологии, управления кадрами.

С.К. Кларк характеризует эффективную организацию рабочего и личного времени как удовлетворенность и успешное выполнение задач на работе и дома с минимальным пересечением ролей [6]. В исследовании [7] пишут о сбалансированности и общем ощущении гармонии в жизни. Другие ученые определяют рациональную организацию рабочего и личного времени как уровень удовлетворенности выполнением семейной и рабочей ролей [4].

Эффективность организации рабочего и личного времени должна измеряться как субъективно, так и объективно, и оба эти аспекта необходимо учитывать в определении. Субъективной мерой рациональности организации рабочего и личного времени является мнение респондента, а объективными показателями — его физическое и психологическое состояние вплоть до выгорания [10]. Более существенными представляются объективные наблюдения, то есть измерение таких показателей, как физическая и эмоциональная усталость, раздражительность, неспособность выполнять новые задания. Некоторые специализированные анкеты, например Копенгагенский опросник по выгоранию (Copenhagen Burnout Inventory, CBI), рассматривают выгорание лишь в одном измерении. Оценка выносится по ответу на вопрос «Как часто вы чувствуете эмоциональное истощение?» [10]. Вероятно, дальнейшие исследования потребуют некоего списка симптомов выгорания для определения эффективности организации рабочего и личного времени.

На уровне работодателя организацию рабочего и личного времени необходимо учитывать при анализе причин прогулов, частых больничных, текучки кадров, низкой производительности труда, повышенных страховых издержек, неудовлетворен-

ности работой и других негативных явлений. Существует необходимость понять, какие именно факторы приводят к нерациональной организации рабочего времени со стороны сотрудников. Бесспорно, организация рабочего и личного времени оказывает влияние не только на эффективность компании, но и на благополучие индивида и выполнение им своей социальной роли [9].

В литературе выявляются факторы неэффективности организации рабочего и личного времени. Показана положительная корреляция между эффективностью сотрудников и организацией личного и рабочего времени, а также удовлетворенностью работай [11]. Эти факторы нередко рассматриваются в рамках одной статьи. Несмотря на то, что научная дискуссия продолжается, большинство исследователей сходятся в том, что эффективность организации рабочего и личного времени определяется совокупностью внутренних факторов, которые играют заметную роль и при оценке удовлетворенности работой [12].

Результаты и обсуждение

В исследовании организации рабочего и личного времени врачей было выделено несколько групп факторов, оказывающих влияние на данный процесс. Первая группа объединяет самые весомые факторы — *нагрузку, организацию рабочего процесса и график*. Сотрудники часто ссылаются на чрезмерную нагрузку. Они говорят и о том, что вынуждены «брать работу на дом», не справляясь со срочными заданиями в рабочее время. Многие обследованные врачи отмечали, что большая часть прodelываемой ими работы не требует медицинского образования. Они считают, что нерациональное распределение нагрузки приводит к злоупотреблению их профессиональными компетенциями [13].

Данные результаты могут оказаться актуальными и для других сфер. Выделенные факторы следует учитывать при анализе эффективности организации рабочего и личного времени сотрудниками, удовлетворенности работой и заинтересованности в работе на организацию.

Следующий фактор, рассмотренный в работе [13], — *особенности управления*. Сотрудники отмечали обилие неэффективных правил и инициатив, не имеющих под собой достаточного основания. Доверие, справедливая оценка результатов труда и ощущение, что тебя ценят, назывались в качестве желательных элементов отношений с руководством. Важным фактором является и соотношение рабочего и личного времени. Опрошенные говорили о том, что руководство без должного уважения относится к их свободному времени. В частности, нежелательными практиками были названы встречи, тренинги и другие обязательные мероприятия, проводимые в нерабочие часы. Отмечалось, что руководство должно поощрять уход в отпуск, так как при нехватке кадров сотрудники страдают от постоянной усталости. Немаловажно и наличие *возможностей для отдыха*. Сотрудники чувствуют себя гораздо лучше, если на рабочем месте есть специальная комната для отдыха, общения или медитации. Говорилось о благотворном влиянии гибкого графика и наличия возможности позаботиться о своем психологическом здоровье.

Представляется, что в зависимости от сферы деятельности эти факторы могут по-разному ранжироваться по важности. Но все они существенны. Необходимо отметить, что большая часть респондентов (около 60%) замечала у себя умеренные или тяжелые симптомы выгорания. Данная ситуация является показателем неэффективной организации рабочего и личного времени [13]. Важно было бы рассмотреть и фактор корпоративной культуры. Определенным пробелом в исследовании [13] кажется пренебрежение ролью ценностей в организации рабочего и личного времени.

Еще одно исследование, посвященное одной конкретной отрасли, было проведено в Индии в 2017 году. Его авторы пытались установить, как *профессиональный стресс* влияет на организацию рабочего и личного времени преподавателями. Профессиональный стресс — это результат действия множества факторов — *конфликта ролей, их размытости, необоснованного давления группы, политического давления, чувства бессилия, плохих отношений с коллегами и тяжелых условий труда* [14]. Вероятно, набор факторов профессионального стресса будет зависеть не только от сферы деятельности, но и от культурной и политической среды исследуемой страны или организации. Это соображение может оказаться важным в случае Индии.

Предпринимались попытки изучить особенности *воспринимаемого конфликта между рабочей и личной жизнью* на примере пар, ведущих совместный бизнес. Внимание уделялось тому, как соотносятся *вовлеченность в работу, поддержка супруга и возможность обсудить дома рабочие дела (и наоборот, личные на работе)*. Полученные результаты связывают высокую вовлеченность в работу с неэффективной организацией рабочего и личного времени, а гибкость с эффективной организацией. Оценка влияния супружеской поддержки проводилась и ранее, но исследования не подтвердили связи этого фактора с эффективностью организации рабочего и личного времени. При этом *возможность коммуникации* оказалась значимым фактором [15].

К.А. Грант с соавт. проанализировали факторы, влияющие на организацию рабочего и личного времени у работающих онлайн. При этом важность *гибкого графика* и возможности *работать удаленно* для рациональной организации рабочего и личного времени подчеркивалась и ранее. Технологии физически объединяют рабочую и домашнюю среду. Границы размываются, гибкость становится характеристикой не только рабочего графика, но и рабочего пространства. Было показано, что работа онлайн положительно сказывается на организации рабочего и личного времени и производительности. Снижается уровень стресса и нагрузка на окружающую среду. При этом такой режим работы имеет и существенные недостатки [16]. Следовательно, организация рабочего и личного времени лежит в зоне ответственности как работодателя, так и сотрудников. Сотрудники должны сознательно подходить к своим действиям, а работодатель — с уважением относиться к рабочему графику и личному пространству сотрудника. Данные проблемы вышли на передний план во время пандемии COVID-19, когда многим пришлось сочетать удаленную работу с уходом за детьми, помощью им в учебе и другими обязанностями [14].

Э.Э. Коссек и соавт. [17] обследовали группу из 245 специалистов, работавших удаленно. В частности, изучалось то, как они воспринимают стратегии *управления границами* и каким образом контролируют рабочий процесс. Лучше всего чувствовали себя респонденты, которым удавалось провести границу между работой и семьей и контролировать, где и когда они работают. В другой работе Э.Э. Коссек с соавт. [18] сформулировали личностно ориентированную теорию управления границами на рабочем месте. Выяснилось, что индивидуальные стили управления границами неодинаковы. Некоторые респонденты отдавали предпочтение объединению рабочей и семейной жизни, другие говорили о необходимости четких границ, третьи придерживались срединной позиции. Актуальность подобных исследований заключается в том, что они проливают свет на личные стратегии сотрудников. Используя такие данные, работодатель может определить, кто в коллективе организации нуждается в поддержке [18]. Несмотря на то, что, вероятно, не существует единого универсального подхода к организации рабочего и личного времени, любой подход должен быть личностно-ориентированным. К.А. Грант с соавт. [16]

отмечают, что работу онлайн просто совмещать с жизнью вне работы. При этом отношения в семьях, работающих удаленно, во многих случаях становятся лучше, а гибкий график позволяет общаться с коллегами в разных часовых поясах. Дополнительные преимущества такого режима работы — снижение количества прогулов, отсутствие стресса, связанного с необходимостью ежедневно добираться на работу, и упрощение ухода за детьми. Авторы исследования указывают, что работа онлайн создает у сотрудника впечатление, что он работает на себя, и его уверенность в себе растет. Вероятно, не менее важно и чувство автономности, о чем свидетельствует ряд других исследований. Среди минусов работы онлайн упоминаются недостаток общения с коллегами и неограниченные рабочие часы.

В исследовании, проведенном в США, осуществлялась оценка влияния исключительно рабочих факторов на организацию рабочего и личного времени [19]. В частности, рассматривались *поддержка со стороны руководителей, организационная поддержка, удовлетворенность работой, воспринимаемая ценность занятости в компании и социально-демографические характеристики*. Существует статистическая зависимость между разумными рабочими часами, уровнем дохода, организационной поддержкой, ценностью работы и эффективностью организации рабочего и личного времени. Организация рабочего и личного времени воспринималась как более эффективная, когда увеличивалась ценность занятости в компании. Данный результат говорит о важности синхронизации ценностей работодателя и сотрудников, приводящей к повышению воспринимаемой ценности занятости. Влияние поддержки руководителя на эффективность организации рабочего и личного времени не подтвердилось. Самым значимым фактором оказалась ценность занятости. Ее влияние в полтора раза превышало воздействие организационной поддержки. Третьим по значимости фактором оказался доход, четвертым — рабочие часы. Предложенная модель объясняла 48 % дисперсии, что представляет довольно хорошим результатом. Авторы исследования также приводят три регрессивных уравнения, демонстрирующих эффект медиации, который объясняет отношение между эффективностью организации рабочего и личного времени и удовлетворенностью работой. Рациональность организации рабочего и личного времени частично опосредована отношением между двумя переменными — организационной поддержкой и ценностью занятости в компании (а также удовлетворенностью работой).

Автономность как фактор, оказывающий влияние на организацию рабочего и личного времени, рассматривалась еще одним коллективом авторов [20]. В частности, анализировалось отношение между *корпоративной гордостью, удовлетворенностью работой, автономностью* и эффективностью организации рабочего и личного времени. Чтобы установить корреляцию между переменными, были опрошены 374 респондента. В результате была подтверждена гипотеза о значительном влиянии автономности и поддержки руководства на эффективность организации рабочего и личного времени. Организация рабочего и личного времени, в свою очередь, сказывается на установках, поведении и самочувствии сотрудников, а также на эффективности самой организации [21]. Подобные выводы мотивируют компании к внедрению новых форм управления, подразумевающих поддержку со стороны коллег и руководства. Корпоративная гордость положительно сказывается на качестве предоставляемых услуг, а также на энтузиазме и креативности сотрудников. Гордость за компанию связывается и с удовлетворенностью работой и лояльностью [22; 23]. Вероятно, воспринимаемая ценность занятости, которая рассматривалась в качестве основного фактора в упомянутом ранее исследовании, и корпоративная гордость тесно связаны с соответствующими индивидуальными и организационными ценностями. Поэтому при наборе новых сотрудников необходимо оценить,

насколько кандидат и компания подходят друг другу. Таким образом можно обеспечить более высокую эффективность организации рабочего и личного времени, удовлетворенность работой и лояльность компании.

Обобщение существующей литературы (рис. 1) и анализ факторов, влияющих на организацию рабочего и личного времени, позволили предложить следующую модель. Группы факторов, рассматриваемые в каждой из проанализированных статей, отмечены разными цветами. При этом выделенные в разных работах факторы не пересекались, то есть проблема эффективности организации рабочего и личного времени рассматривалась в них с разных сторон.

Рис. 1. Обобщение существующих исследований о факторах, влияющих на баланс работы и жизни

Источник: составлено автором на основе данных [13—16; 19; 20].

Далее выделенные факторы были разделены на две группы — организационного и индивидуального уровней (рис. 2). Стиль управления, гибкость, поддержка руководства и автономность входят в группу факторов, обусловленных корпоративной культурой. Компании, которые придерживаются личностно-ориентированной стратегии, способны предотвратить множество угроз эффективности организации рабочего и личного времени.

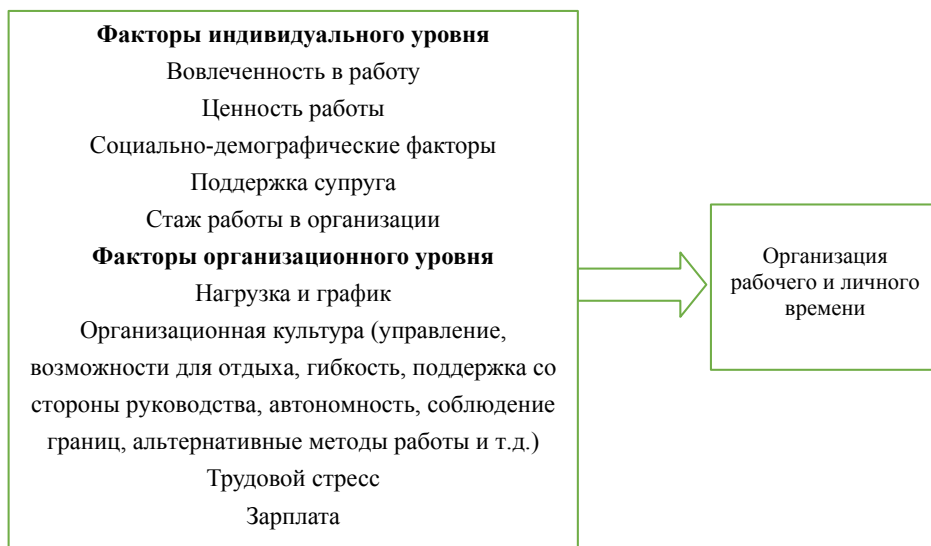

Рис. 2. Классификация факторов, оказывающих влияние на организацию рабочего и личного времени

Источник: составлено автором на основе данных из [13—16; 19; 20].

Представляется важным различать факторы, обусловливаемые действиями работодателя и сотрудника. Решение проблемы организации рабочего и личного времени требует открытой коммуникации между работодателем и сотрудником, что невозможно вне лично ориентированной культуры, создание которой лежит в зоне ответственности работодателя.

Заключение

При достаточной освещенности проблемы организации рабочего и личного времени, а также растущей актуальности темы литература не предлагает моделей, полностью охватывающих все возможные факторы влияния. Факторы, воздействующие на организацию рабочего и личного времени, весьма разнообразны, поэтому разработка единой стратегии для всех компаний не представляется возможной. Как видно из рисунка 1, выделенные факторы могут рассматриваться с разных позиций в зависимости от особенностей среды, отрасли, периода жизни индивида, личностных особенностей и, вероятно, национальной культуры. Например, в случае больницы вескими окажутся совсем не те факторы, которые будут определяющими для компании, работающей в области финансовой технологии, логистической фирмы или школы.

Несмотря на необходимость дальнейших исследований, в данной работе удалось выделить две группы факторов, оказывающих влияние на организацию рабочего и личного времени индивидом (рис. 2). Первую группу составили факторы организационного уровня, а вторую — индивидуального. Сотрудникам необходимо осознавать ответственность за свое благополучие и действовать соответствующим образом. Естественно, в определенной социальной и экономической ситуации это становится затруднительным. Но в некоторых случаях индивиды сами не следят за своим физическим и психологическим состоянием, не принимают должные меры и не берут на себя ответственность за изменение обстоятельств как индивидуально, так и организационного уровней. Часть ответственности лежит и на компании, которой следует принимать меры по защите сотрудников от выгорания и других

нежелательных последствий нерациональной организации рабочего и личного времени. Именно работодатель должен развивать ценности и корпоративную культуру, ориентированные на благополучие, устойчивость и человека как такового. Таким образом создается среда, подходящая для выстраивания долгосрочных отношений между сотрудником и работодателем.

Перспективное направление дальнейших исследований — анализ факторов, выделенных в качестве основных в данной работе. Особенно важно уделить внимание совпадению ценностей сотрудника и компании как залогом корпоративной гордости и воспринимаемой ценности занятости в компании. Необходимо проанализировать и другие факторы, влияющие на выбор сотрудником определенной компании. Важно рассмотреть бренд работодателя как инструмент привлечения и удержания лучших сотрудников. Кроме того, стоит изучить влияние демографических факторов (гендерных и поселенческих характеристик) на организацию рабочего и личного времени. Эти параметры будет интересно рассмотреть в контексте разных культурных сред, так как возраст и гендер неодинаково воспринимаются в разных культурах.

Об авторе

Анния Апсите, преподаватель, междисциплинарная кафедра глобальной экономики факультета бизнеса, менеджмента и экономики, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: annija.apsite@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-7551-9857>

Список литературы

1. Kanai A. Karoshi (Work to Death in Japan) // *Journal of Business Ethics*. 2009. Vol. 84. № 2S. P. 209—216. <https://doi.org/10.1007/s10551-008-9701-8>.
2. Nishiyama K., Johnson, J. V. Karoshi-Death from Overwork: Occupational Health Consequences of Japanese Production Management // *International Journal of Health Services*. 1997. Vol. 27, № 4. P. 625—641. <https://doi.org/10.2190/1JPC-679V-DYNT-HJ6G>.
3. Leiter M. P., Maslach C. Areas of Worklife: A Structured Approach to Organizational Predictors of Job Burnout // *Emotional and Physiological Processes and Positive Intervention Strategies*. 2003. № 3. P. 91—134.
4. Greenhaus J. H., Collins K. M., Shaw J. D. The relation between work-family balance and quality of life // *Journal of Vocational Behaviour*. 2003. Vol. 63, № 3. P. 510—531.
5. Frone M. R. Work-family balance // *Handbook of occupational health psychology*. Washington, 2003. P. 143—162.
6. Clark S. C. Work/family border theory: A new theory of work/family balance // *Human Relations*. 2000. Vol. 53, № 6. P. 747—770. <https://doi.org/10.1177/0018726700536001>.
7. Clarke M. C., Koch L. C., Hill E. J. The work and family interface: Differentiating balance and fit, Family and Consumer // *Sciences Research Journal*. 2004. Vol. 33, № 2. P. 121—140.
8. Burke R. Do managerial men benefit from organisational values supporting work-personal life balance? // *Women in Management Review*. 2000. Vol. 15, № 2. P. 81—87. <https://doi.org/10.1108/09649420010319606>.
9. McCarthy A., Darcy C., Grady G. Work-life balance policy and practice: Understanding line manager attitudes and behaviors // *Human Resource Management Review*. 2010. Vol. 20. P. 158—167. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2009.12.001.9>.
10. Olivia R. B., Bauer G. F. Correlates of burnout symptoms among child care teachers. A multilevel modeling approach // *European Early Childhood Education Research Journal*. 2018. Vol. 26, № 1. P. 7—25. <https://doi.org/10.1080/1350293x.2018.1412012>.
11. Abdirahman H., Hussein I., Najeemdeen I. S. et al. The Relationship between Job Satisfaction, Work-Life Balance and Organizational Commitment on Employee Performance // *IOSR Journal of Business and Management (IOSR-JBM)*. 2018. Vol. 20, № 5, ver. VII. P. 76—81.

12. *Khanna A., Yadav R.* Literature Review on Quality of Work Life and Their Dimensions // IOSR Journal of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS). 2014. Vol. 19, № 9, ver. V. P. 71—80.

13. *Thimmapuram J., Grim R., Bell T. et al.* Factors Influencing Work-Life Balance in Physicians and Advance Practice Clinicians and the Effect of Heartfulness Meditation Conference on Burnout // Global Advances in Health and Medicine. 2019. Vol. 8. P. 1—8. <https://doi.org/10.1177/2164956118821056>.13.

14. *Satyajit D., Sujit K.* Impact of Occupational Stress on the Work Life Balance of Teaching Professionals in Higher Education with Special Reference to Bhubaneswar City, Odisha // Krishi Sanskriti Publications. 2017. Vol. 4, № 6. P. 357—361.

15. *Helmle J. R., Botero I. C., Seibold D. R.* Factors that influence perceptions of worklife balance in owners of copreneurial firms // Journal of Family Business Management. 2014. Vol. 4, № 2. P. 110—132. <https://doi.org/10.1108/JFBM-06-2014-0013>.

16. *Grant C. A., Wallace L. M., Spurgeon P. C.* An exploration of the psychological factors affecting remote e-worker's job effectiveness, well-being and work-life balance // Employee Relations. 2013. Vol. 35, № 5. P. 527—546. <https://doi.org/10.1108/ER-08-2012-0059>.

17. *Kossek E. E., Lautsch B. A., Eaton S. C.* Telecommuting, control, and boundary management: correlates of policy use and practice, job control, and work-family effectiveness // Journal of Vocational Behavior. 2006. Vol. 68, № 2. P. 347—367.

18. *Kossek E. E., Ruderman M. N., Braddy P. W., Hannum K. M.* Work-nonwork boundary management profiles: a person centred approach // Journal of Vocational Behaviour. 2012. Vol. 81, № 1. P. 112—128.

19. *Wu L., Rusyidi B., Claiborne N., McCarthy M. L.* Relationships between work-life balance and job-related factors among child welfare workers // Children and Youth Services Review. 2013. Vol. 35. P. 1447—1454.

20. *Mas-Machuca M., Berbegal-Mirabent J., Alegre I.* Work-life balance and its relationship with organizational pride and job satisfaction // Journal of Managerial Psychology. 2016. Vol. 31, № 2. P. 586—602. <https://doi.org/10.1108/JMP-09-2014-0272>.20.

21. *Eby L. T., Casper W. J., Lockwood A. et al.* Work and family research in IO/OB: content analysis and review of literature (1980—2002) // Journal of Vocational Behavior. 2005. Vol. 66, № 1. P. 124—197.

22. *Lok P., Crawford J.* Antecedents of organizational commitment and the mediating role of job satisfaction // Journal of Managerial Psychology. 2001. Vol. 16, № 8. P. 594—613.

23. *Van Dick R., Christ O., Stellmacher J. et al.* Should I stay or should I go? Explaining turnover intentions with organizational identification and job satisfaction // British Journal of Management. 2004. Vol. 15, № 4. P. 351—360.

IN SEARCH OF A THEORETICAL FRAMEWORK FOR FACTORS INFLUENCING WORK AND LIFE BALANCE

A. Apsīte

University of Latvia,
5 Aspazijas bulvāris, Rīga, LV-1050, Latvia

Received 27 December 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-3
© Apsite, A., 2021

Work and life balance (WLB) has gained noticeable attention amid the pandemic. Even before the outbreak of COVID-19, the increasing pace of life encouraged the investigation of individual and organisational aspects of WLB. Physically and mentally healthy people help society develop and grow. Health issues caused by work and life imbalance lead to dissatisfaction with both work and life, which, in turn, leads to higher stress and stress-related illnesses,

---

To cite this article: Apsite, A. 2021, In search of a theoretical framework of factors influencing work and life balance, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no. 1, p. 52—63. doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-3.

for instance, burnout. From the organisational point of view, WLB is a factor in analysing the efficiency of an enterprise. The consequences of a work-life imbalance are intentional or unintentional absence, high employee turnover, low productivity, higher insurance costs, low job satisfaction, and others. WLB has been examined recently as part of employer branding since a shortage of labour prompts organisations to look for strategies to attract and retain employees. In this paper, content analysis is carried out to provide a theoretical framework for WLB and job satisfaction issues. Special attention is paid to the literature on WLB factors affecting the organisation and the individual. It is concluded that critical factors include both individual and organisational ones. Among them are job involvement, tenure, workload and scheduling, organisational culture (leadership, recreational opportunities, flexibility, supervisor support, autonomy, boundary management, alternative working methods etc.), occupational stress, and salary. These factors differ in their significance, particularly when viewed across several fields.

Keywords:

job satisfaction, work and life balance, factors, burnout, employer branding

References

1. Kanai, A. 2009, Karoshi (Work to Death in Japan), *Journal of Business Ethics*, no. 84, p. 209—216. doi: <https://doi.org/10.1007/s10551-008-9701-8>.
2. Nishiyama, K., Johnson, J. V. 1997, Karoshi—Death from Overwork: Occupational Health Consequences of Japanese Production Management, *International Journal of Health Services*, vol. 27, no. 4, p. 625—641. doi: <https://doi.org/10.2190/1JPC-679V-DYNT-HJ6G>.
3. Leiter, M. P., Maslach, C. 2003, Areas of Worklife: A Structured Approach to Organizational Predictors of Job Burnout, *Emotional and Physiological Processes and Positive Intervention Strategies*, no. 3, p. 91—134
4. Greenhaus, J. H., Collins, K. M., Shaw, J. D. 2003, The relation between work-family balance and quality of life, *Journal of Vocational Behaviour*, vol. 63, no. 3, p. 510—531.
5. Frone, M. R. 2003, *Work-family balance, Handbook of occupational health psychology*, Washington, American Psychological Association, p. 143—162.
6. Clark, S. C. 2000, Work/family border theory: A new theory of work/family balance, *Human Relations*, vol. 53, no. 6, p. 747—770.
7. Clarke, M. C., Koch, L. C., Hill, E. J. 2004, The work and family interface: Differentiating balance and fit, *Family and Consumer Sciences Research Journal*, vol. 133, no. 2, p. 121—140.
8. Burke, R. 2000, Do managerial men benefit from organisational values supporting work-personal life balance? *Women in Management Review*, vol. 15, no. 2, p. 81—87.
9. McCarthy, A., Darcy, C., Grady, G. 2010, Work-life balance policy and practice: Understanding line manager attitudes and behaviors, *Human Resource Management Review*, no. 20, p. 158—167. doi: <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2009.12.001.9>.
10. Olivia, R. B., Bauer, G. F. 2018, Correlates of burnout symptoms among child care teachers. A multilevel modeling approach, *European Early Childhood Education Research Journal*, vol. 26, no. 1, p. 7—25. doi: [10.1080/1350293X.2018.1412012](https://doi.org/10.1080/1350293X.2018.1412012).
11. Abdirahman, H., Hussein, I., Najeemdeen, I. S., Abidemi, B. T., Binti, R. 2018, The Relationship between Job Satisfaction, Work-Life Balance and Organizational Commitment on Employee Performance, *IOSR Journal of Business and Management (IOSR-JBM)*, vol. 20, no. 5, ver. VII, p. 76—81.
12. Khanna, A., Yadav, R. 2014, Literature Review on Quality of Work Life and Their Dimensions, *IOSR Journal Of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS)*, vol. 19, no. 9, ver. V, p. 71—80.
13. Thimmapuram, J., Grim, R., Bell, T. et al. 2019, Factors Influencing Work-Life Balance in Physicians and Advance Practice Clinicians and the Effect of Heartfulness Meditation Conference on Burnout, *Global Advances in Health and Medicine*, no. 8, p. 1—8.
14. Satyajit, D., Sujit, K. 2017, Impact of Occupational Stress on the Work Life Balance of Teaching Professionals in Higher Education with Special Reference to Bhubaneswar City, Odisha, Krishi Sanskriti Publications, *Advances in economics and business management*, vol. 4, no. 6, p. 357—361

15. Helmle, J. R., Botero, I. C., Seibold, D. R. 2014, Factors that influence perceptions of work-life balance in owners of copreneurial firms, *Journal of Family Business Management*, vol. 4, no. 2, p. 110–132. doi: <https://doi.org/10.1108/JFBM-06-2014-0013>.
16. Grant, C. A., Wallace, L. M., Spurgeon, P. C. 2013, An exploration of the psychological factors affecting remote e-worker's job effectiveness, well-being and work-life balance, *Employee Relations*, vol. 35, no. 5, p. 527–546. doi: <https://doi.org/10.1108/ER-08-2012-0059>.
17. Kossek, E. E., Lautsch, B. A., Eaton, S. C. 2006, Telecommuting, control, and boundary management: correlates of policy use and practice, job control, and work-family effectiveness, *Journal of Vocational Behavior*, vol. 68, no. 2, p. 347–367.
18. Kossek, E. E., Ruderman, M. N., Braddy, P. W., Hannum, K. M. 2012, Work-nonwork boundary management profiles: a person centred approach, *Journal of Vocational Behaviour*, vol. 81, no. 1, p. 112–128.
19. Wu, L., Rusyidi, B., Claiborne, N., McCarthy, M. L. 2013, Relationships between work–life balance and job-related factors among child welfare workers, *Children and Youth Services Review*, no. 35, p. 1447–1454.
1. Mas-Machuca, M., Berbegal-Mirabent, J., Alegre, I. 2016, Work-life balance and its relationship with organizational pride and job satisfaction, *Journal of Managerial Psychology*, vol. 31, no. 2, p. 586–602. doi:<https://doi.org/10.1108/JMP-09-2014-0272.20>.
21. Eby, L. T., Casper, W. J., Lockwood, A., Bordeaux, C., Brindley, A. 2005, Work and family research in IO/OB: content analysis and review of literature (1980–2002), *Journal of Vocational Behavior*, vol. 66, no. 1, p. 124–197.
22. Lok, P., Crawford, J. 2001, Antecedents of organizational commitment and the mediating role of job satisfaction, *Journal of Managerial Psychology*, vol. 16, no. 8, p. 594–613.
23. Van Dick, R., Christ, O., Stellmacher, J., Wagner, U., Ahlswede, O., Grubba, C., Tissington, P. A. 2004, Should I stay or should I go? Explaining turnover intentions with organizational identification and job satisfaction, *British Journal of Management*, vol. 15, no. 4, p. 351–360.

The author

Annija Apsite, Lecturer, Faculty of Business, Management and Economics, University of Latvia, Latvia.

E-mail: annija.apsite@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-7551-9857>

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗЕЛЕННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В. В. Алтунина

И. А. Алиева

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 13.01.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-4

© Алтунина В. В., Алиева И. А., 2021

Концепция зеленого роста и устойчивого развития становится мировой идеологией, определяющей вектор преобразования и трансформации национальных экономик, перенося при этом акцент с количественных оценок эффективности функционирования на условия рационального выбора. Рациональность становится преобладающим и определяющим фактором устойчивого зеленого роста, что требует и изменения финансовой модели, обеспечивающей этот рост. В связи с этим сегодня самым актуальным вопросом обеспечения устойчивого роста становится трансформация системы финансирования и формирование новой финансовой парадигмы, основанной на принципах ответственного инвестирования и социальной сознательности бизнеса.

Целью данной статьи стало исследование как теоретических, так и практических аспектов формирования национальной модели зеленого финансирования в целях обеспечения поступательного устойчивого роста в условиях Российской Федерации. В настоящей работе была предпринята попытка изучения опыта стран Балтийского региона по развитию механизма зеленого финансирования и рынка климатических облигаций для выявления национальных особенностей и возможности применения их успешно опыта в российской практике. В ходе исследования были использованы методы наблюдения экономических процессов, эмпирического описания, структурно-логический и системного анализа. В результате были определены научно-методологические основы теории устойчивого развития с точки зрения основных школ экономической мысли. На основе изучения опыта стран Балтийского региона по организации новой финансовой модели ответственного инвестирования были выделены национальные особенности и приоритетные направления развития, которые могли бы быть использованы в процессе формирования идеологии, принципов и механизма зеленого роста и финансового обеспечения устойчивого экономического роста России.

Ключевые слова:

устойчивое развитие, зеленые финансы, ответственное инвестирование, социальная ответственность бизнеса, финансовая модель устойчивой экономики, зеленый рост

Введение

В современных условиях пандемической экономики, когда снижение деловой

Для цитирования: Алтунина В. В., Алиева И. А. Современные тенденции формирования системы зеленого финансирования: методологический и практический аспекты // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 2. С. 64–89. doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-4.

активности наблюдается даже в экономически развитых странах, проблемы обеспечения устойчивого роста могут отойти на второй план и вопросы зеленого развития стать не совсем актуальными. Вместе с тем именно данная сложившаяся экономическая обстановка в мире должна заложить базовую управленческую концепцию на уровне как отдельной национальной экономики, так и мировых масштабов, которая во главу угла поставит не количественные параметры восстановления экономики, а качественные характеристики ее развития, что, в свою очередь, декларируется теорией и практикой устойчивого развития и требует трансформации экономической экосистемы, в том числе формирования новой финансовой и инвестиционной модели на уровне отдельных экономик и стран [1, р. 383—384].

Вопросы зеленого роста и устойчивого развития, как известно, были обозначены еще в прошлом веке и получили достаточно широкую поддержку мирового сообщества. В 1987 году комиссия ООН по окружающей среде и развитию предложила рассматривать принцип организации хозяйственной системы, при которой потребление природных ресурсов не должно превышать продуктивность и регенерацию экосистем, исключать экологические издержки и однозначно учитывать интересы будущих поколений, как устойчивый¹. При устойчивом развитии повышение благосостояния населения Земли должно обеспечиваться путем внедрения рационального потребления и производства, а социальный и технический прогресс — только за счет природосберегающих мероприятий [2, р. 341—342].

Резолюция ООН, принятая в 2015 году и подписанная главами более 162 государств, обозначила 17 основных целей устойчивого развития, достижение которых планируется осуществить к 2030 году². Данная повестка Преобразования мира сфокусирована на следующих направлениях: доступное и качественное образование, гендерные вопросы и борьба с неравенством; здоровье нации, социальное равенство; снижение выбросов углерода и устойчивые индустрии; продовольствие, земля, вода и Мировой океан; города и сообщества; и наконец, инновационный рост³. В связи с этим экономическая политика стран-участниц разрабатывается и осуществляется преимущественно в данном направлении, что предполагает трансформацию не только принципов государственного регулирования, но и его инструментов.

В свою очередь, концепция «зеленой экономики», которая достаточно хорошо гармонирует с принципами устойчивого развития, требует серьезного пересмотра мер государственной политики в области решения вопросов социального, экономического и экологического характеров, увеличения благосостояния людей и снижения социального неравенства посредством нивелирования экологических рисков и обеспечения условий гармоничного развития экосистем, что вступает в относительное противоречие с существующими принципами рыночной организации хозяйства и сегодня в условиях пандемической экономики требует более пристального изучения как с теоретической, так и практической точек зрения⁴. Кроме того, отдельного рассмотрения заслуживают вопросы, связанные с механизмами

¹ *Declaration on Green Growth*. Adopted at the Meeting of the Council at Ministerial Level on 25 June 2009. URL: <http://www.oecd.org/env/44077822.pdf> (дата обращения: 28.12.2020).

² *Повестка дня в области устойчивого развития // Цели в области устойчивого развития*. URL: un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/ (дата обращения: 29.12.2020).

³ Отметим, что в 2020 году аналитический центр при Правительстве Российской Федерации впервые опубликовал Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (<https://roscongress.org/materials/dobrovolnyu-natsionalnyu-obzor-khoda-osushchestvleniya-povestki-dnya-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya/>)

⁴ *Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication — A Synthesis for Policy Makers // UNEP, 2011*. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf (дата обращения: 04.01.2021).

финансирования обозначенных выше направлений развития, так как именно должное финансовое обеспечение предопределяет успешность достижения целей и реализацию всего спектра запланированных мероприятий.

Как отмечено в Концепции организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования⁵, для достижения целей устойчивого развития (ЦУР) ООН оценивает мероприятия в общем исчислении на 30 трлн долл. Это требует определенной трансформации существующей финансовой модели инвестирования и формирования новой экосистемы глобальных финансов — системы ответственного и зеленого финансирования, в основу которой должно быть положено единство трех факторов ESG⁶ — экологии, социальных вопросов и корпоративного управления.

Сегодня вопросы зеленых финансовых технологий и их трансформации получили широкое обсуждение как в узких профессиональных кругах, так и у широкой аудитории, более того, в передовых экономиках успешно реализуются проекты по формированию новой экосистемы капиталовложений, которая предполагает приоритет экологических инвестиций и развитие сегмента зеленых облигаций и других фондовых инструментов⁷.

Таким образом, в условиях современных реалий парадигма устойчивого роста и зеленой экономики как основополагающих управленческих концепций становится все более актуальной и предопределяет не меньшую актуальность вопросов, связанных с формированием финансовой экосистемы, которая позволит обеспечить поступательное развитие мировой экономики в направлении зеленого роста.

Российская Федерация со всей ответственностью приступила к реализации проектов по направлению достижений устойчивого роста, более того, в 2020 году был подготовлен первый добровольный национальный обзор, в котором нашло отражение достижение результатов по каждой из обозначенных целей на 2019 год⁸. В процессе подготовки данного документа было отмечено, что большинство ЦУР уже заложены в стратегические и программные документы, принятые в Российской Федерации. В двенадцати национальных проектах в области демографии, здравоохранения, образования, жилья и городской среды, экологии, безопасных и качественных автомобильных дорог, производительности труда и поддержки занятости, науки, цифровой экономики, культуры, малого и среднего предпринимательства и поддержки индивидуальной предпринимательской инициативы, международной кооперации и экспорта уже охвачены 107 из 169 задач по достижению ЦУР. Вместе с тем принципы формирования новой экосистемы финансов и обеспечения ответственного инвестирования в условиях российской практики пока недостаточно развиты, что обуславливает комплексное изучение данной проблематики, в том числе с точки зрения теоретических подходов и анализа уже существующей зарубежной и отечественной практики.

Сегодня мировой опыт развития зеленой экономики и принципов зеленого фи-

⁵ Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования / Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. Рабочая группа по вопросам ответственного финансирования (ESG-finance). М., 2019.

⁶ Environmental, Social и Governance, что значит «окружающая среда, социальная сфера и управление».

⁷ Green Economy Developing Countries Success Stories / UNEP, 2010, P. 6. URL: https://www.minambiente.it/sites/default/files/archivio/allegati/tio_20/unep_developing_countries_success_stories_eng.pdf (дата обращения: 04.01.2021).

⁸ Зеленые финансы: повестка дня для России. Диагностическая записка. Экспертный Совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. Рабочая группа по вопросам ответственного финансирования (ESG-finance). М., 2018.

нансирования формируется неравномерно. В частности, европейские страны не только демонстрируют более высокие результаты по достижению ЦУР, но и являются методологическими центрами трансляции институциональных платформ, в том числе и опыта зеленого и социально ответственного инвестирования.

Исследование современного опыта развития зеленого финансирования позволило выделить наиболее успешные страны, к которым, как показал анализ, в большинстве относятся государства Балтийского региона, такие как Дания, Швеция, Германия, Финляндия и Эстония. Это послужило объективной предпосылкой наиболее пристального изучения их опыта при рассмотрении вопросов формирования российской модели финансирования устойчивых инвестиций. Таким образом, в настоящей работе была предпринята попытка изучения опыта стран Балтийского региона как наиболее успешной практики развития рынка зеленого финансирования и формирования механизма ответственного инвестирования с целью систематизации теоретических подходов и разработки практических рекомендаций для условий российской экономической практики, в том числе и Калининградской области.

Материалы, методы и теоретические обсуждения

Теоретические основы устойчивого роста и природосберегающей экономики, на наш взгляд, были заложены в трудах основоположников школ экономической науки и так или иначе актуализированы, даже несмотря на то, что экологические проблемы в те времена не стояли так остро, как сегодня.

Так, основатель классической школы экономической теории А. Смит в своих научных трудах рассматривал человека с позиции трех начал: нравственной, гражданской и экономической. Нравственное и гражданское начало, по мнению А. Смита, подразумевало ответственность в принятии решений с позиции рациональности и экономической эффективности, в том числе и по отношению такого фактора производства, как природные ресурсы, а это достаточно логично сегодня можно отнести к основам теории и практики устойчивого роста. Более того, именно А. Смит принадлежит высказывание о том, что каждый расточитель — это враг общества, а бережливый человек — благодетель (Цит. по: [3, с. 654]). Другие представители классической школы экономической теории, такие как Тюрго, Петти, Рикардо, Кане, Буагильбер, считали основным фактором формирования богатства народов природные ресурсы, а именно землю, сельскохозяйственный же труд рассматривался ими как самый производительный труд благодаря качественным характеристикам земли, а введенное ими понятие земельной ренты отразило качественные характеристики данного фактора и проблематику определения качества земли и ее стоимости [4, с. 117].

Таким образом, интерпретируя подходы классической школы в контексте устойчивого развития, отметим, что вышеупомянутые ученые внесли существенный вклад в формирование ее теории, которая актуализирует проблемы обеспечения качества питания, продовольственной безопасности, ликвидации голода, повышения производительности сельскохозяйственного труда и технологическое развитие отрасли в целом.

Теория народонаселения Т. Мальтуса, появившаяся на рубеже VIII-XIX веков, также может входить в пласт теоретических аспектов устойчивого роста с позиции достижения такой цели, как социальное равенство. Согласно Т. Мальтусу, ограниченность природных ресурсов и действие «закона убывающего плодородия» могут привести к долговременной стагнации и застою экономики — ситуации, которая впоследствии получила название «мальтузианской ловушки» (цит. по: [5, с. 388—390]). В контексте достижения целей устойчивого развития можно сказать, что

данная теория объясняет актуальность таких задач современного общества, как уменьшение неравенства, создание устойчивых городов и населенных пунктов, а также индустриализация, повышение эффективности производства и развитие инноваций [6, р. 206—208].

Теория внешних эффектов А. Пигу, на наш взгляд, непосредственно предваряет концепцию устойчивого развития, так как рассматривает возникновение экстерналий в результате взаимодействия двух хозяйствующих субъектов в отношении окружающей среды. Здесь уместно вспомнить про «рынок прав на выбросы» и необходимость государственного вмешательства для устранения «провалов рынка» через механизм корректирующих налогов, предоставления субсидий и квотирования производственной деятельности (цит. по: [7, с. 551]). Альтернативная же теория Р. Коуза, в свою очередь, также логична с позиции теоретического обоснования устойчивого развития и социальной ответственности бизнеса через практику добровольных соглашений. Это позволяет определить приоритеты природоохранной траектории роста путем сбалансированного подхода между общественными издержками и общественными выгодами [8, р. 21—23].

Среди представителей современных течений экономической науки вклад в развитие теории устойчивого развития, на наш взгляд, внесли ученые новой институциональной экономики. В частности, Дж. Бьюкенен, Дж. Бреннан, Г. Таллок, труды которых способствовали основанию Международного общества новой институциональной экономики в 1997 году, рассматривали экстрактивные и инклюзивные институциональные аспекты в разрезе факторов, определяющих темпы роста экономики, и пришли к выводу, что достижение устойчивого роста без наличия в обществе плюралистических институтов просто невозможно [9, р. 34—36; 10, р. 154—155].

Сформировавшаяся в середине 1970-х годов школа экологической экономики сегодня по праву занимает самое значимое место в концепции устойчивого развития, так как именно ее представители впервые обозначили экологические издержки как следствие экономического роста и выделили «коричневый» и «зеленый» рост. И если уже говорить об основоположниках теории устойчивого развития, то необходимо упомянуть о лауреате Нобелевской премии 2018 года У. Нордхаусе, которого по праву называют отцом экономики изменения климата, так как именно он в числе первых обозначил проблему изменения климата как экономическую и предложил механизмы государственного регулирования через ценовую политику на углеродный рынок (рынок прав на выбросы) [2, р. 341—342].

Российские авторы также достаточно активны в вопросах обсуждения проблем устойчивого развития и внедрения концепции зеленого роста в хозяйственную практику. Особого внимания заслуживает работа И. А. Яковлева, Л. С. Кабир, С. И. Никулиной, И. Д. Ракова, которая посвящена исследованиям механизмов зеленого финансирования и формированию финансовой экосистемы [12, с. 15—17]. Не менее интересно исследование Г. Шкиперова, А. Курило, Е. Прокопьева, посвященное изучению принципов развития зеленой экономики в региональном разрезе, в частности, авторами была рассмотрена практика Северо-Западного региона России на предмет актуальности реализации экологических проектов в отдельных отраслях экономики [13].

Выводы таких авторов, как Н. Семенова, О. Еремина, М. Скворцова, которые затрагивают вопросы обеспечения источников и механизма финансирования устойчивого развития, вызывают не меньший интерес, так как актуализируют необходимость формирования национальной системы финансового обеспечения зеленого роста [14, с. 39—41].

Вместе с тем существует определенный пробел в формировании теоретической платформы зеленой трансформации в условиях российской практики, который требует более пристального изучения современного опыта российских компаний, разработки и систематизации методических подходов и принципов зеленого финанси-

рования и социального инвестирования [15, с. 11–12].

Таким образом, формирование теоретико-методологических аспектов теории устойчивого развития сегодня еще не закончено и находится в самой активной своей фазе, что, несомненно, актуализирует необходимость дальнейших исследований данной проблематики как с точки зрения изучения теоретических подходов, так и с позиции практического анализа обозначенного явления.

Результаты и их обсуждение

Мировая практика реализации целей устойчивого развития демонстрирует разные темпы и успехи в их достижении. Был разработан специальный Индекс прогресса по целям устойчивого развития (SDG Index — Sustainable Development Goals Index)⁹, который позволяет определить состояние стран-участниц на предмет достижения ЦУР. Так, наибольшие успехи демонстрируют Дания, Швеция, Финляндия, Франция, Австрия и Германия, лидирующие в решении проблем снижения неравенства, обеспечения доступа к недорогостоящим устойчивым источникам энергии и качественного образования¹⁰.

Вместе с тем пока ни одна из стран не может продемонстрировать достижение всех 17 целей (рис. 1). Российская Федерация занимает в рейтинге 2019 года 55-е место, и нужно отметить, что по целям 1 и 4 она была оценена на 100 баллов¹¹.

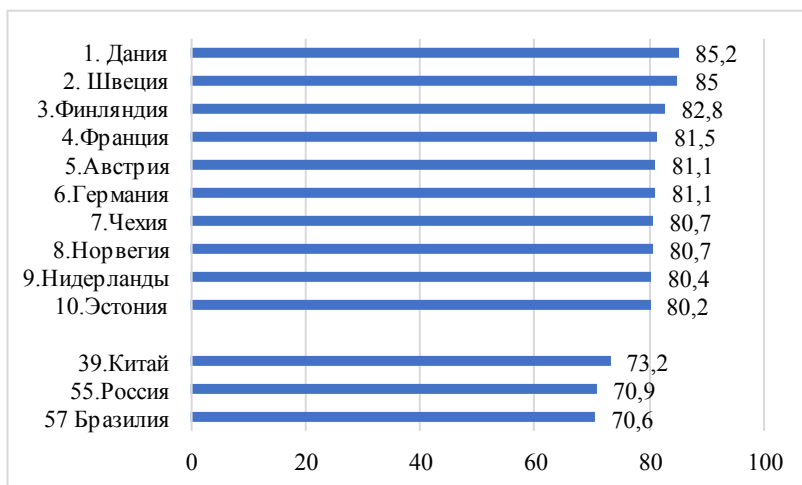

Рис. 1. Рейтинг стран по устойчивому развитию в 2019 году

Источник: Sustainable Development Report 2020. The Sustainable Development Goals and COVID-19. 2020. Jun 30. URL: <https://www.sdgindex.org/> (дата обращения: 20.12.2020).

⁹ Индекс прогресса по Целям устойчивого развития рассчитан для 162 стран мира на основе 100 показателей, связанных с выполнением 17 ЦУР. За 100 принимается полное достижение цели, за 0 — отсутствие достижений. Итоговая цифра отражает средний уровень страны по всем ЦУР (<https://www.sdgindex.org/>).

¹⁰ The EU Green Deal — a roadmap to sustainable economies. URL: <https://www.switchtogreen.eu/the-eu-green-deal-promoting-a-green-notable-circular-economy/> (дата обращения: 21.12.2020).

¹¹ Добровольный национальный обзор достижения целей устойчивого развития // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/projects/project/dobrovolnyj-nacionalnyj-obzor-dostizhenia-celej-ustojcivogo-razvitia-10> (дата обращения: 24.12.2020).

Высший балл авторы SDG Index присвоили России за достижение цели по ликвидации бедности (рис. 2). Правда, с оговоркой, что еще не известны все последствия пандемии. К высокой отметке приближается и обеспечение качества образования. Самую низкую оценку международные специалисты поставили цели сохранения морских экосистем. В отстающих находится Россия и, например, по построению миролюбивых и открытых обществ и обеспечению доступа к правосудию.

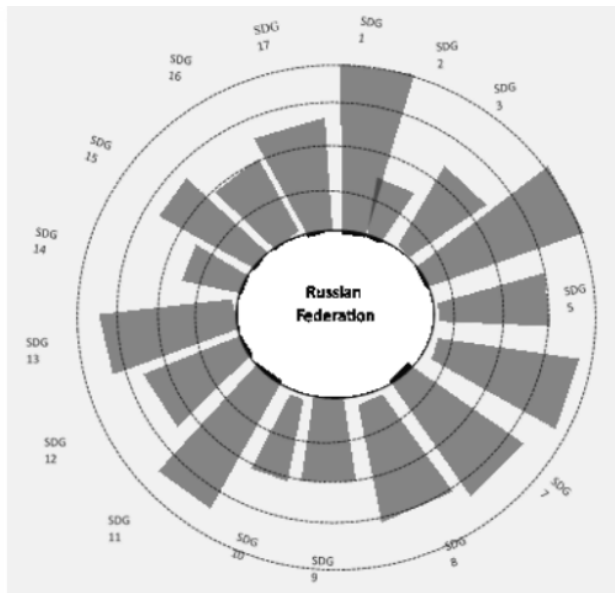

Рис. 2. Рейтинг по достижению ЦУР Россией в 2019 году

Источник: Sustainable Development Report 2020. The Sustainable Development Goals and Covid-19. 2020. Jun 30. URL: <https://www.sdgindex.org/> (дата обращения: 20.12.2020).

Таким образом, тенденции формирования новой идеологии управления и парадигмы развития человеческого общества сегодня тесно связаны с целями устойчивого развития, с концепцией зеленого роста и, как следствие, с принципами ответственного инвестирования, которые определяют финансовую платформу обозначенных выше мировых преобразований. Обратим внимание, что без формирования соответствующей финансовой экосистемы, без образования рынка зеленых инвестиций и национальной модели экологического финансирования обеспечить поступательный переход и достижение ЦУР будет практически невозможно. В связи с этим для российской практики также более чем актуально формирование системы методологической и финансовой поддержки зеленой трансформации инвестиционных отношений на основе долевого и долевого участия.

Для более полного понимания сущности рынка зеленых облигаций дадим отдельные разъяснения с точки зрения терминологии. В частности, понятие «зеленые облигации» в рамках ответственного инвестирования употребляется в значении долевого финансового инструмента, при выпуске которого эмитент — заемщик получает от инвесторов — правительства, банков, муниципалитетов или корпораций — капитал, который может быть инвестирован только в экологические проекты в области сохранения климата, возобновляемой энергетики, поддержания экосистем, повышения энергоэффективности, низкоуглеродной экономики, чистого транспорта и др. Необходимо отметить, что определение «зеленые облигации» вби-

рает в себя понятия экологических облигаций и климатических облигаций, так как подразумевают собой долговые инструменты, поступления от размещения которых направлены на финансирование устойчивых проектов, приносящих экологическую пользу [16, р. 40—41].

Параллельно терминологии развивается и инфраструктура рынка зеленых облигаций. В частности, созданная в 2008 году некоммерческая международная организация «Инициатива по климатическим облигациям» (*Climate Bonds Initiative, CBI*)¹² своей основной целью видит мобилизацию рынка облигаций на сумму 100 трлн долл. Кроме того, она является источником трансляции всех изменений и распространения информации в мировое сообщество о состоянии рынка зеленых облигаций, а также решает вопросы климатической сертификации и определения рейтинга зеленых ценных бумаг с точки зрения листинга, соответствия критериям экологичности и доходности инвестиционных проектов [17, р. 26—27].

Не менее важную роль в трансляции принципов зеленого инвестирования и социального управления сегодня играет Группа институциональных инвесторов по изменению климата (IGCC), основная миссия которой — мобилизация инвестиционного капитала для перехода к низкоуглеродному производству и технологиям с целью обеспечения устойчивости к воздействиям изменяющегося климата через взаимодействие с бизнесом, властью и другими инвесторами. Ассоциация IGCC была организована в октябре 2006 года. На момент образования заявление о вступлении в организацию подписал 21 институциональный инвестор с активами более 1,4 трлн евро¹³. Отдельно отметим тот факт, что в число инвестиционных участников IGCC входят более 18 частных пенсионных фондов и в 2020 году пенсионная отрасль Дании инвестировала более 8 млрд долл. в зеленые проекты по трансформации промышленных технологий в низкоуглеродные. Высокая инвестиционная активность частных пенсионных фондов в IGCC, на наш взгляд, объясняется более высокой степенью социальной ответственности данных организаций и концентрацией экономических интересов в области устойчивого роста.

Ключевым положением организации является то, что ее члены ежегодно формируют отчеты о предпринятых действиях по изменению климата, которые ложатся в основу координации государственной политики стран ЕС в обозначенной области. Более того, организация не только очень активно участвует, но и на самом высоком политическом уровне продвигает многие зеленые решения среди европейских стран-участниц [18, р. 36—37].

На сегодняшний день IGCC насчитывает более 270 членов, в основном пенсионных фондов и управляющих активами, из 16 стран с активами под управлением на сумму более 35 трлн евро. Важным направлением деятельности организации является помощь в определении государственной политики, инвестиционной практики и корпоративного поведения, направленных на устранение долгосрочных рисков и возможностей, связанных с изменением климата.

IGCC активно участвует в формировании законодательной основы зеленых трансформаций и снижения углеродных выбросов в окружающую среду. В ноябре 2020 года более 40 инвесторов с активами на 6 трлн евро через IGCC обратились к лидерам ЕС с просьбой законодательно определить приоритет нулевых выбросов в срочном порядке [19].

Таким образом, заложенные институциональные основы рынка зеленого инвестирования позволяют расширять спектр рассматриваемых проблем и как следствие, финансовых инструментов. По мере развития рынка ответственного инве-

¹² *Green Bonds Global State of the Market 2019*. URL <https://www.climatebonds.net/resources/reports/green-bonds-global-state-market-2019> (дата обращения: 02.03.2021).

¹³ *Our members — IGCC*. URL: <https://www.iigcc.org/about-us/our-members/> (дата обращения: 10.03.2021).

стирования в отдельных странах вводится в оборот понятие социальных облигаций, финансирующих социально значимые проекты по качеству воды, доступному жилью, строительству социальных объектов для улучшения качества жизни и решения проблем социального неравенства как цели устойчивого развития.

Также различают «голубые облигации», которые используются для финансирования восстановления береговых зон и морского биоразнообразия, устойчивого рыбного хозяйства и контроля над загрязнением окружающей среды¹⁴.

Эпидемиологическая ситуация 2020 года актуализировала «гуманитарные облигации», средства от которых направляются на борьбу с пандемическими болезнями и миграцией. Появились и специализированные эмитенты, такие как Международный финансовый механизм для иммунизации. Необходимо отметить, что сегодня устойчивое финансирование переживает золотой век инновационных ценных бумаг и новых инвестиционных структур [20, р. 39—41].

Становление рынка зеленого инвестирования связывают с первыми эмиссиями облигаций Европейского инвестиционного банка и Всемирного банка, которые состоялись в 2007 году и получили самый высокий рейтинг AAA [21].

Следующий всплеск рынок испытал в марте 2013 года, когда IFC продала первую зеленую облигацию на 1 млрд долл. США в течение часа после выпуска. Далее в конце 2014 года на рынок была выпущена первая корпоративная зеленая облигация, эмитентом которой выступила девелоперская шведская компания *Vasakronan*, что привлекло на биржу другие бизнес-компании, такие как *Apple*, *Engie*, *ICBC*, *Credit Agricole*, *Tesla*, впоследствии ставшие полноправными эмитентами и участниками рынка.

Сегодня эксперты отмечают достаточно динамичный рост рынка зеленого инвестирования. Так, если в 2018 году эмиссия зеленых облигаций была осуществлена на сумму 167,3 млрд долл. США, то в 2020 году *CBI* опубликовала отчет, в котором было заявлено об объеме рынка более 829 млрд долл. США. Наиболее приоритетными отраслями выступают электроэнергетика, строительство, транспорт и водные ресурсы (рис. 3).

Рис. 3. Отраслевое распределение зеленых облигаций в 2019 году

Источник: *Sustainable Debt: Global State of the Market 2020*. URL: <https://www.climatebonds.net/resources/reports/sustainable-debt-global-state-market-2020> (дата обращения: 21.12.2020).

¹⁴ *European Regional Development Fund // European Commission*. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/funding/erdf (дата обращения: 06.01.2021).

Таким образом, несмотря на недолгий срок существования рынка социального и зеленого инвестирования, темпы его роста достаточно внушительны и с каждым годом список стран-участников расширяется. Вместе с тем сегодня уже определились явные лидеры, к которым относятся Германия, Финляндия, Дания, Швеция, являющиеся странами Балтийского региона и демонстрирующие успешный опыт не только по достижению ЦУР, но и по привлечению финансирования экологических проектов со стороны как органов государственного управления, так и частных бизнес-структур.

Изучение обозначенной проблемы в региональном разрезе позволило прийти к выводу, что тенденции устойчивого развития и реализация концепции зеленого роста в странах Балтийского региона осуществляются неоднородно. В частности, Дания, Финляндия, Швеция, Германия и Эстония даже вошли в десятку стран — лидеров по достижению целей устойчивого развития в 2019 году (см. рис. 1, с. 69). Остальные же страны, такие как Литва Латвия, Польша и Россия, находятся на пути к созданию платформы устойчивого развития с позиции и институциональных основ обеспечения поступательного роста, и опыта его формирования¹⁵.

Обзор рынка зеленых облигаций в отдельных странах Балтийского региона позволил нам выявить ряд национальных особенностей его развития. В частности, на рынке зеленых облигаций Швеции преобладают корпоративные зеленые финансовые инструменты, что говорит о высокой социальной сознательности и ответственности бизнес-структур. Также на рынке Швеции наблюдается активное участие муниципалитетов, а именно органов местного самоуправления, которые выступают эмитентами зеленых облигаций. Так, шведский Гётеборг стал первым в мире городом-эмитентом, выпустив в 2013 году первые городские облигации. И нужно отметить, что Швеция демонстрирует самый успешный пример, занимая второе место (после Франции) в европейском рейтинге по выпуску среди эмитентов данного вида: на ее долю приходится более 40 % европейского выпуска. По данным *SBI*, по итогам 2019 года Швеция и Финляндия вошли в рейтинг топ-15 стран по выпуску зеленых облигаций, заняв 6-е и 14-е места соответственно.

В Финляндии рынок зеленых облигаций в большей степени развит на уровне сферы недвижимости и девелопмента, а также банковского сектора. Следующей особенностью развития рынка зеленого инвестирования стран Балтийского региона можно назвать преобладающий характер финансирования проектов государственного сектора в структуре финансовых институтов, превалирование финансовых учреждений, специализирующихся на финансировании государственного сектора. К примеру, это *Kommuninvest i Sverige* (Швеция), *MuniFin* (Финляндия) и *KommuneKredit* (Дания), на долю которых приходится выпуск более 23 % зеленых облигаций (на сумму более 4,5 млрд евро) общего объема выпуска в странах Северной Европы, который составляет более 19,2 млрд евро [22, с. 44—44].

Кроме того, Дания, Швеция, Германия, Финляндия и Эстония сегодня активно инвестируют через рынок зеленых облигаций низкоуглеродное строительство и возобновляемые источники энергии.

Шведская финансовая группа *SEB*, занимающаяся управлением активами и имеющая представительства в более чем 20 странах, в том числе в Литве, Латвии, Эстонии, Германии, России и др., начиная с 2017 года направляет поступающие от инвестиций в зеленые облигации денежные средства в страны Балтии, чтобы предложить предпрятиям Эстонии, Латвии и Литвы возможность ходатайствовать о получении кредитов для своих зеленых проектов¹⁶.

¹⁵ *Sustainable finance: Commission's Action Plan for a greener and cleaner economy*. Brussels, 8 March 2018 // European Commission. Press Release Database. URL: https://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-1404_en.htm?locale=en (дата обращения 27.12.2020).

¹⁶ *Sustainable finance: Commission's Action Plan for a greener and cleaner economy*. Brussels, 8 March 2018 // European Commission. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-1404_en.htm?locale=en (дата обращения: 04.01.2021).

Так, в мае 2018 года Литва стала пионером в развитии проектов энергоэффективного жилищного строительства посредством привлечения средств на рынке зеленых облигаций. В результате этого доля возобновляемых источников энергии в энергобалансе Литвы достигла четверти, превысив средний показатель по ЕС. Также достаточно успешным является деятельность правительства Литвы по выпуску зеленых облигаций, которые были осуществлены в апреле 2018 года. Международное рейтинговое агентство *Moody's Investors Service* оценило высшим баллом (GB1 Excellent) данную эмиссию, средства которой были направлены на модернизацию многоквартирных домов и повышение их энергетической эффективности.

В Латвии выпуск зеленых облигаций осуществляется крупнейшей компанией *Latvenergo*, которая заявляет о единой стратегии по достижению климатических целей с ЕС и сегодня является одним из самых зеленых производителей электроэнергии в Европе. В 2017 году *Latvenergo* в рамках двух предложений выпустила облигаций на сумму 205 млн евро.

В том же 2017 году латвийский финансовый институт развития *ALTUM* эмитировал зеленые облигации на общую сумму 20 млн евро со сроком погашения до 17 октября 2024 года. Интерес вызывает тот факт, что общий спрос на облигации в 6,5 раз превысил объем планируемой эмиссии со стороны таких инвесторов, как фонды по управлению активами, страховые общества и банки¹⁷. В страновом разрезе на долю Латвии пришлось 43,5 %, Литвы — 31 %, Эстонии — 19 %, Швеции — 3,4 % Германии — 3,1 % всего объема эмиссий [23, p. 759—771].

Отраслевая характеристика эмитированных ценных бумаг была следующая: энергоэффективность в области систем центрального отопления, возобновления энергии, сокращения энергозатрат, энергоэффективные здания, получение возобновляемых энергоресурсов с использованием ветра, солнца и биомассы и т. д. [24, с. 16—17].

Активную роль в развитии рынка зеленого финансирования играет ЕБРР, и одним из основных направлений его деятельности является поддержание экологически устойчивых экономик стран Прибалтики. При его поддержке в государствах Балтии был создан первый фонд финансирования зеленой недвижимости. ЕБРР вложил 30 млн евро для приобретения долевого участия в Фонде недвижимости *Usaldusfond EfTEN*, созданном для инвестирования в объекты коммерческой недвижимости в Латвии, Литве и Эстонии. Это первый фонд в государствах Балтии, ориентированный на решение климатических задач и достижение зеленых целей в качестве составной части своего операционного мандата. Кроме того, ЕБРР инвестировал 11,7 млн евро в польских злотых в выпуск зеленых ипотечных облигаций польского банка *PKO Bank Hipoteczny*, что позволило профинансировать строительство жилых домов, обеспечивающих снижение выброса парниковых газов, и выдачу зеленых ипотечных кредитов, а также диверсифицировать свою базу инвесторов¹⁸.

Еще одна отрасль, которую финансируют на основе принципов ответственного инвестирования, — это экологически чистый транспорт. В частности, предоставление кредита в сумме 250 млн евро позволит международной группе химических компаний *LG Chem* профинансировать строительство на западе Польши производственного предприятия, способного производить литий-ионные аккумуляторы для оснащения до одного миллиона электромобилей в год. Как ожидается, их примене-

¹⁷ Фонд *Modus Asset Management* в Польше приобрел солнечные электростанции // *The Baltic Course*. http://www.baltic-course.com/rus/good_for_business?doc=161288 (дата обращения: 10.01.2021).

¹⁸ *PKO Bank Hipoteczny* // *Climate Bonds Initiative*. URL: https://www.climatebonds.net/certification/pko_bank_hipoteczny (дата обращения: 15.12.2020).

ние уменьшит выбросы CO₂ примерно на 155 тыс. т в год. Кроме того, стоит упомянуть о том, что Польша стала первым эмитентом суверенных зеленых облигаций в декабре 2016 года, осуществив их эмиссию на 750 млн евро со сроком погашения 5 лет. Спрос в три раза превысил предложение¹⁹.

Эстония также демонстрирует устойчивое развитие, и в 2021 году второй по величине город Эстонии Тарту полностью перейдет на возобновляемую энергию, а именно энергию ветра, солнца и биотоплива. Все наружное освещение в городе уже питается «зеленой» энергией, а уличные лампы — энергосберегающие. Также на электричестве из возобновляемых источников работают все электровелосипеды городской службы проката. Кроме того, 85 % электроэнергии, используемой городскими зданиями, производится из возобновляемых источников. После перехода на «зеленое» электричество власти города планируют освоить «зеленый» транспорт. Городские автобусы уже работают на восстановленном биогазе, а вот машины коммунальных служб пока используют углеводородное топливо.

В сентябре 2020 года Германия анонсировала выход на рынок зеленых гособлигаций, осуществив их эмиссию на 6,5 млрд евро и сроком на 10 лет, что значительно превысило минимальный таргет в 4 млрд евро. К 2050 году Германия пообещала стать климатически нейтральной страной, сократив выбросы парниковых газов на 90 % по отношению к 1990 году [25, с. 16—17]. На рынке зеленых облигаций в 2019 году по объемам эмиссий немецкий государственный банк *Kreditanstalt für Wiederaufbau (KfW)* осуществил эмиссий на 9,02 млрд долл., заняв 2-е место после американской ипотечной компании *Fannie Mae* с объемом 22,4 млрд долл.²⁰

Таким образом, принципы устойчивого развития в перечисленных странах Балтийского региона закрепились прочно, часть из них является явными лидерами и демонстрирует высокие целевые показатели. Дания, Швеция, Финляндия и Германия — страны-лидеры как по достижению целевых показателей, так и по уровню развития рынка зеленых инвестиций.

Литва, Латвия, Эстония и Польша также придерживаются активной позиции в направлении ЦУР, но уровень развития финансовой экосистемы недостаточно развит, что вполне объясняется экономическим потенциалом этих стран и уровнем социальной сознательности бизнес-сектора.

Российская практика развития рынка зеленых облигаций и ответственного инвестирования, можно сказать, начала свой отсчет с открытия на Московской бирже отдельного сектора устойчивого развития 12 августа 2019 года²¹.

Первым российским эмитентом облигаций на принципах зеленого инвестирования стало ООО «Ресурсосбережение ХМАО», входящее в группу компаний в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами.

Эмитентом-первопроходцем в зеленых облигациях, подтвердившим свой статус в соответствии с требованиями климатической сертификации, стала компания «Российские железные дороги» (РЖД), выпустив в мае 2019 года зеленые евро-

¹⁹ *Promoting responsible lending in the banking sector: The next frontier for sustainable finance.* URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/d5c54bd6-en/index.html?itemId=/content/component/d5c54bd6-en> (дата обращения: 04.01.2021).

²⁰ *The European repo market at 2020 year-end An ICMA European Repo & Collateral Council (ERCC) briefing note.* URL <https://www.icmagroup.org/sustainable-finance/resource-centre/> (дата обращения: 10.01.2021).

²¹ *Russia green finance: Unlocking opportunities for green investments. Policy note.* URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/103531540924946297/pdf/131516-PN-P168296-P164837-PUBLIC-Green-finance-Note.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

бонды на 500 млн евро с доходностью 2,2 %, а в марте 2020 года разместив еще один выпуск зеленых евробондов на 250 млн швейцарских франков. Успех РЖД объясняется тем, что у компании более 85 % перевозок осуществляются на электрической тяге и ее услуги однозначно входят в зеленую таксономию.

Размещение зеленых бондов РЖД, направленное на привлечение финансирования для приобретения энергоэффективных локомотивов, оказалось очень успешным: объем заявок составил почти 1,8 млрд евро, а ставка купона стала самой низкой за всю историю размещения еврооблигаций российских эмитентов. В связи с выпуском облигаций РЖД получили официальное признание зеленого статуса своих проектов, что принципиально важно для российской госкомпании, находящейся в зоне санкционных рисков.

В ноябре 2019 года другой эмитент — коммерческий банк «Центр-Инвест» — выпустил зеленые облигации, являющиеся до сих пор единственными включенными в Сектор устойчивого развития Московской биржи, где кроме них обращаются еще бумаги компаний «Гарант-инвест» и «Солар-системс».

Таким образом, российский рынок зеленых инвестиций сегодня представлен более чем 50 компаниями из таких отраслей, как энергетика, нефтехимическая промышленность, строительство, металлургия, жилищно-коммунальное хозяйство и др., которые осуществили выпуск корпоративных или концессионных облигаций, допущенных к обращению на Московской бирже, на общую сумму более 7 трлн руб.

Отдельно остановимся на специфике российской практики зеленого финансирования, в том числе благодаря «Внешэкономбанку» (ВЭБ), которая сегодня реализуется путем комбинированной поддержки рынка и государства, а также включает сферу городского хозяйства и жилищно-коммунальную.

Наиболее активные участники рынка зеленого финансирования — «Сбербанк» и ВЭБ — активно продвигают инвестиционные проекты в сфере ЖКХ: в водоочистке, водоотведении, переработке и сортировке отходов. Достаточный потенциал зеленого финансирования определен в строительной отрасли, а именно в обеспечении энергоэффективности зданий и сооружений [26, с. 45—46]. Не менее интересны проекты, связанные с энергоэффективностью в области городского освещения. Согласно экспертным оценкам средний проект по повышению энергоэффективности городского освещения увеличивает ее на 50—75 %, в некоторых случаях — до 85 %, что означает 50—75 %-ное уменьшение потребления топлива, а значит, и вредных выбросов CO₂.

Актуальны проекты по повышению теплоэффективности домов стандартных серий за счет создания индивидуальных тепловых пунктов, утепления фасадов и крыш, что позволяет сократить теплопотери на треть. Важно то, что экономически данные проекты окупаются за 5—7 лет.

Сегодня «Сбербанк» принял зеленую повестку и достаточно активно поддерживает экологические и социально важные проекты. Так, к примеру, при поддержке «Сбербанка» иркутская компания ООО «ЭкоСтэп» с 2016 года занимается переработкой авторезины: из полученного сырья производит напольное покрытие для спортивных объектов и стадионов. В 2020 году компания переработала 3 тыс. т шин, план 2021 года — 6 тыс. т. ООО «ЭкоСтэп» ежегодно кредитуется в Байкальском банке Сбербанка. В настоящее время рассматривается инвестиционный кредит предприятию на сумму 20 млн руб.²²

²² Байкальский банк Сбербанка — о стратегии ESG на примерах «зеленого финансирования» предприятий Иркутской области // Sber Press. URL: <https://press.sber.ru/publications/baikalskii-bank-sberbanka-o-strategii-esg-na-primerakh-zelionogo-finansirovaniia-predpriatii-irkutskoi-oblasti> (дата обращения: 04.01.2021).

Необходимо отметить, что в 2019 году «Сбербанк» анонсировал готовность эмитировать зеленые облигации для внедрения наилучших доступных технологий (НДТ) в лесопромышленный комплекс, тем более что эмиссия зеленых облигаций — отличный инструмент привлечения недорогого долгосрочного финансирования. «Сбербанк» предлагает совместно с государством развивать экологическое направление в российской промышленности. Банк оценивает рынок «зеленого» финансирования в России в 3 трлн руб. Промышленная экология, по мнению аналитиков банка, составит не менее 1,8—2 трлн руб. В кредитном портфеле банка несколько сотен миллиардов рублей составляют кредиты и облигации, которые имеют отношение к зеленым технологиям²³.

Кроме того, на российском рынке зеленых облигаций сегодня можно выделить сегмент немаркированных ценных бумаг, эмитенты которых по факту относятся к зеленому сегменту, так как осуществляют финансирование концессионных проектов в коммунальной, транспортной и энергетической отраслях, но на сегменте зеленых облигаций не представлены [26, с. 46—47].

К не менее важному аспекту развития рынка российского зеленого финансирования можно отнести и процесс формирования его инфраструктуры. В 2020 году «Россельхозбанк» создал биржевой паевой инвестиционный фонд рыночных финансовых инструментов, привязанный к индексу Московской биржи, — «РСПП Вектор устойчивого развития», который стал первым фондом ответственного инвестирования, получившим рейтинг ESG. В середине 2020 года ВТБ организовал открытие двух фондов, ориентированных на российские компании с высокими показателями ESG.

«Sberbank Private Banking»²⁴ сегодня реализует уже третью инвестиционную стратегию, отвечающую принципам ESG, и, по его оценкам, потенциал сектора «зеленых» облигаций в России составляет 3 трлн руб. до 2023 года.

Таким образом, рынок российского зеленого инвестирования, как было уже отмечено выше развивается более чем динамично, но концептуальной модели развития, к сожалению, на данный момент не имеет, что требует серьезного научно-методологического анализа на основе обобщения уже имеющейся практики и систематизации теоретических подходов.

В свою очередь, мы можем утверждать, что формирование новой парадигмы управления экономикой на основе принципов зеленого экологичного роста затрагивает все экономические практики вне зависимости от уровня их развития и актуализирует необходимость единой концептуальной основы, способствующей полной трансляции всех тенденций и особенностей ее практической реализации в современных условиях [27, с. 143—144].

В связи с этим обратим внимание на то, что механизм ответственного инвестирования и зеленого финансирования, экосистема которого объединяет достаточно разнородные формы юрисдикций, требует разработки общего методологического подхода, в том числе и по уровню его обеспечения, к которым можно отнести международный уровень глобального статуса, регионального статуса и национальный уровень, опирающийся прежде всего на особенности уже сложившихся финансовых систем и определяет собственную систему координат зеленого финансирования.

На глобальном уровне система методического сопровождения ответственного инвестирования и зеленого финансирования состоит из представленных в таблице 1 организаций и их разработок.

²³ *Особый* подход. Как ESG меняет леспромхоз. URL: <https://sber.pro/publication/osobyi-podkhod-kak-esg-meniaet-lespromkhoz> (дата обращения: 04.01.2021).

²⁴ Подразделение «Сбербанка», занимающееся обслуживанием частных клиентов с активами от 100 млн руб.

Таблица 1

Международные организации глобального статуса в сфере ответственного инвестирования и зеленых финансовых инструментов

Наименование организации	Материалы, проекты, программы
Ассоциация ответственного инвестирования, Principles for Responsible Investment, PRI (https://www.unpri.org/pri)	Принципы ответственного инвестирования (Principles for Responsible Investment)
	Инициатива по включению факторов ESG в оценку кредитного риска и рейтинги (The ESG in Credit Risk and Ratings Initiative)
	Отчет «Изменения восприятия: ESG, кредитный риск и рейтинги» в трех частях (Shifting perceptions: ESG, credit risk and ratings in 3 parts)
Международная некоммерческая организация «Инициатива по климатическим облигациям», Climate Bonds Initiative, CBI (https://www.climatebonds.net/)	Стандарт климатических облигаций (Climate Bonds Standard)
	Реестр зеленых облигаций (Labelled Green Bonds Data)
Международная Ассоциация рынков капитала, International Capital Market Association, ICMA (https://www.icmagroup.org/)	Принципы зеленых облигаций (Green Bonds Principles — GBP)
	Показатели отчетности о предполагаемом воздействии для проектов в области устойчивого освоения водных ресурсов и сточных вод (Suggested Impact Reporting Metrics for Waste Management and Resource Efficiency Projects, Clean Transportation Projects, Green Building Projects)
	Руководство «Рамочная система отчетности о воздействии» (The Handbook — Harmonized Framework)
Организация экономического сотрудничества и развития, ОЭСР (https://www.oecd.org)	Рекомендации «Принцип — загрязнитель платит» (The polluter-pays principle)
	Центр зеленых финансов и инвестиций (Centre on Green Finance and Investment)
	Рабочие материалы ОЭСР по окружающей среде, включающие 147 документов с результатами исследований и практическими рекомендациями
Рабочая группа по раскрытию финансовой информации, связанной с климатом, Task Force on Climate-related Financial Disclosures, TCFD (https://www.fsb-tcf.org) Рабочая группа международной организации, созданной странами G20 — Совета по финансовой стабильности (Financial Stability Board)	Рекомендации по более эффективному и ответственному раскрытию информации, связанной с климатом (Recommendations of the Task Force on Climate-related Financial Disclosures)

Окончание табл. 2

Сеть центральных банков и надзорных органов для экологизации финансовой системы, Network of Central Banks and Supervisors for Greening the Financial System, NGFS. (https://www.banque-france.fr)	Доклад «Призыв к действию» (A call for action)
Инновационная лаборатория климатических финансов, The Global Innovation Lab for Climate Finance, GILCF (https://www.climatefinancelab.org/)	35 инновационных решений для проектов зеленого развития в различных странах. Например, Монетизация экономики воды (Monetizing Water Saving), Субнациональная инициатива по климатическому финансированию (Subnational Climate Finance Initiative, SCFI)

Источник: Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования / Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. Рабочая группа по вопросам ответственного финансирования (ESG-finance). М., 2019. С. 87.

Таким образом, сложившаяся архитектура методологического обеспечения принципов ответственного инвестирования предусматривает координацию национальных руководств и рекомендаций в области зеленых облигаций и других компонентов рынка с учетом местной специфики. Не менее важным аспектом методологического характера, как показало изучение успешного опыта вышеперечисленных стран, является национальная модель организации финансовой системы. Как известно, сегодня в мировой практике различают следующие финансовые модели, определяющие специфику и принципы формирования и распределения финансовых ресурсов в экономике: скандинавская, германская, средиземноморская и азиатская, также отмечают англосаксонскую и смешанную, которые, на наш взгляд, предопределяют и организацию рынка ответственного инвестирования, и механизм зеленого финансирования. Мы, учитывая объект нашего исследования — страны Балтийского региона — ограничились в рассмотрении англосаксонской, скандинавской, германской и смешанной моделями и смогли предложить систематизацию сложившихся моделей организации финансовой системы и отраслевой характеристики зеленого инвестирования (табл. 2) и прийти к выводу о том, что для скандинавской модели характерно зеленое финансирование в области социальных программ и улучшения качества жизни, для германской — сосредоточение на инфраструктурных проектах, для англосаксонской — на крупных предпринимательских проектах, в том числе в области энергоэффективности, а смешанная модель поддерживает ответственное инвестирование в разных областях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сложившийся тип финансовых взаимоотношений оказывает непосредственное влияние на отраслевую специфику в области ответственного инвестирования.

Не менее важным с методической точки зрения является вопрос определения экологически важных отраслей инвестиции, которые могут быть отнесены к ответственным. На этот вопрос отвечает процедура таксономии инвестиционной деятельности по отраслям экономики. Необходимо отметить, что созданная ЕС таксономия может быть взята за основу при ее разработке на национальном уровне, но принцип уважения национальных особенностей здесь превалирует.

Таксономия помогает инвесторам и компаниям определить экологически чистые виды деятельности. В настоящее время применяются таксономии, разработанные СБИ, ICMA, IDFC, и таксономия Евросоюза, в которых достаточно детально описаны критерии определения зеленого инвестиционного проекта [28, р. 25–26].

Таблица 2

Систематизация моделей финансовой системы и отраслевой ориентации практики ответственного инвестирования на примере стран Прибалтийского региона

Модель финансовой системы	Характеристика	Страны	Основные эмитенты	Основные отрасли ответственного инвестирования
Скандинавская («шведский социализм»)	Высокая социальная направленность распределения финансовых ресурсов и доля государственного сектора в экономике	Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия	Корпорации, органы муниципальной власти (города-эмитенты), специализированные финансовые институты, ипотечные компании, банковские институты	Низкоуглеродное строительство, городская инфраструктура
Германская (рейнская)	Сочетание государственного регулирования и социальной защищенности населения. Доминирующая роль банковской системы в финансировании экономики	Германия	Министерство финансов Германии, корпорации	Транспорт, международное сотрудничество в области развития, исследования и инновации, энергетика и промышленность, а также сельское и лесное хозяйство
Англосаксонская	Ориентация финансовой политики государства на стимулирование предпринимательской активности населения, преобладание акционерной и частной собственности	Литва, Латвия, Польша, Эстония	Предпринимательский сектор, корпорации	Жилищное хозяйство, энергетическая промышленность
Смешанная	Ориентация государственной политики на поддержку предпринимательской инициативы и активности	Россия	Финансовые институты, корпорации, предпринимательский сектор	Рыночная инфраструктура, жилищное хозяйство, энергетическая промышленность

В ноябре 2020 года Правительство Российской Федерации назначило «Внешэкономбанк» национальным методологом по зеленому финансированию, который также взял на себя ответственность по разработке механизма финансовой поддержки проектов по принципам зеленого финансирования, и на 2021 год в инвестиционном портфеле «Внешэкономбанка» заложено более 50 млрд руб. на проекты в области повышения энергоэффективности, водоснабжения и водоотведения, модернизации существующих производств с целью снижения их выбросов.

Предложенная ВЭБ таксономия включает в себя такие виды экономической деятельности, как утилизация и переработка отходов, электроэнергетика, в том числе повышение энергетической и экологической эффективности тепловой энергетики, снижение объемов вредных выбросов предприятиями тепловой энергетики. Также отмечены строительство зеленых зданий и сооружений, экологическое машиностроение, перевод городского общественного транспорта на электрический транспорт и транспорт на газомоторном топливе.

Водоснабжение и водоотведение, лесное хозяйство, сохранение природных ландшафтов и биоразнообразия, а также информационно-коммуникационные технологии (интеллектуальные транспортные системы с применением энергосберегающих технологий) обозначены как приоритетные отрасли, инфраструктурные проекты в которых повышают энергоэффективность экономики в целом.

Отметим, что со стороны ВЭБ методология зеленого финансирования была разработана как механизм, благодаря которому проекты, направленные на «озеленение» продукции смогут получить более доступное рыночное финансирование, позволяя тем самым российским компаниям адаптироваться к переходу на зеленые технологии, зарекомендовать себя на международном финансовом рынке и получить более широкие возможности для использования всех преимуществ зеленого финансирования.

Отдельно нужно остановиться на вопросах, связанных с санкционными мерами, введение которых усиливает риски зеленых инвестиций в силу ограничений по ввозу соответствующего уровня технологий и снижает их привлекательность в глазах отечественных инвесторов. Вместе с тем, по оценкам ВЭБ, разработанная отечественная таксономия как раз позволяет уменьшить эти риски через возможные дифференциации инвестиционных вложений. Кроме того, большая часть технологий, необходимых для зеленой модернизации производств, не находится под санкциями. Как известно, ограничения в основном распространяются на технологии по добыче углеводородов, а под нее в мире выпускается не более 5% зеленых долговых инструментов, которым западные рынки капитала ко всему прочему не дают «скидки за зеленость» [29]²⁵. Большая часть зеленых облигаций относится к таким секторам, как энергетика, транспорт и строительная отрасль, которые под санкционные меры не попали. При этом ставки по «зеленым» облигациям в России будут выше, чем в Европе, что должно заинтересовать западных инвесторов, которые вне зависимости от санкционного фактора ищут бумаги с повышенной доходностью. Более того, в сентябре 2020 года ВЭБ выступил с заявлением на международной встрече банков развития — членов IDFC о том, что политические ограничения не должны мешать экологическим проектам, и международное сообщество банков развития признало, что задачи решения экологических вызовов важнее, чем политические амбиции отдельных стран²⁶.

²⁵ *Green Investment Banks. Scaling up Private Investment in Low-carbon, Climate-resilient Infrastructure // Green Finance and Investment. P., 2016. doi: <https://doi.org/10.1787/9789264245129-en>.*

²⁶ *Во Внешэкономбанке состоялась рабочая встреча Международного клуба финансирования развития. URL: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/press-tsentr/10116/> (дата обращения: 04.01.2021).*

На наш взгляд, несмотря на недолгий срок опыта зеленого финансирования, Российская Федерация имеет достаточный потенциал для формирования национальной системы зеленого финансирования с точки зрения разработки как методологических аспектов, так и практических рекомендаций с учетом отечественной специфики (рис. 4).

Рис. 4. Результаты деятельности в направлении развития национальной системы зеленого финансирования и ответственного инвестирования

Таким образом, современная российская практика трансформации принципов экологического финансирования опирается в том числе на разработанные глобальные методологические рекомендации и осуществляет эффективные шаги в направлении построения своей национальной финансовой экосистемы.

В настоящее время наработана информационно-методическая база, позволяющая принимать обоснованные решения с учетом успешного мирового опыта и специфики национальной практики. В частности, проведены исследования Национально-исследовательским финансовым институтом, посвященные изучению принципов зеленого и устойчивого финансирования в мировой практике за период 2016—2018 годов, что позволило сформировать целостное представление об особенностях развития рынка зеленого финансирования и определить приоритетные направления на основе изучения зарубежного опыта. Рабочей группой Банка России была составлена диагностическая записка «Зеленые финансы: повестка дня для России», в том числе на английском языке — *The Diagnostic Overview «Green Finance: the Agenda for Russia»*²⁷.

Было проведено исследование опыта развития рынка зеленого финансирования в странах БРИКС, где были проанализированы основные драйверы рынка и изучена роль государства в его развитии.

В январе 2019 года опубликован глоссарий «Зеленая экономика: определения и понятия», подготовленный Всемирным фондом дикой природы (WWF) совместно с Национальной ассоциацией концессионеров и долгосрочных инвесторов в инфраструктуру (НАКДИ)²⁸. Наличие глоссария позволяет гармонизировать и унифици-

²⁷ *Зеленые финансы: повестка дня для России диагностическая записка. экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России.* URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/51270/diagnostic_note.pdf (дата обращения: 04.01.2021).

²⁸ *Зеленая экономика: определения и понятия.* URL: https://wwf.ru/upload/iblock/c56/zelenaya-ekonomika_opredeleniya_i_ponyatiya.pdf (дата обращения: 04.01.2021).

ровать теоретические аспекты обозначенной проблематики. Кроме того, НАКДИ публикует ежеквартальные обзоры «Устойчивое развитие: состояние и тенденции», транслируя тем самым последние тенденции рынка зеленого финансирования.

Экспертным советом при Банке России предложена структура управления национальной системой зеленого финансирования (рис. 5).

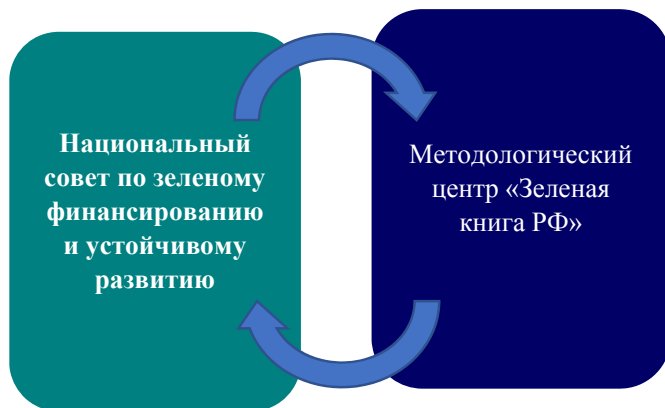

Рис. 5. Схема управления национальной системой зеленого финансирования

Рассмотрим меры поддержки рынка зеленых облигаций со стороны государства. В частности, Министерством промышленности и торговли разработана программа по субсидированию зеленой эмиссии в области перехода промышленного производства на наилучшие доступные технологии (НДТ) путем компенсации базовой ставки по купонному доходу²⁹. Кроме того, заинтересованность государства обеспечивает зеленые финансовые инструменты гарантированной доходностью и низким уровнем риска, что повышает их привлекательность в глазах потенциальных инвесторов.

Сложившаяся инфраструктура рынка зеленого финансирования позволяет осуществлять все мероприятия и процедуры по этапам подготовки, эмиссии и погашения зеленых облигаций. Мы уже упоминали выше, что между Московский биржей и РСПП (Российским союзом промышленников и предпринимателей) было заключено соглашение о расчете индексов устойчивого развития — «Индекс МосБиржи — РСПП Ответственность и открытость», а также «Индекс МосБиржи — РСПП Вектор устойчивого развития», кроме того, рейтинговое агентство *Rating-Agentur Expert RA* подготовило первый ESG-рейтинг регионов России — «Оценка ESG-рисков российских регионов: первые результаты»³⁰.

И наконец, RAEX опубликовал рейтинг «Лидеры российского бизнеса по расходам на экологию», который показал, что российские предприятия «Норникель», «Илим» и «Архангельский ЦБК» в 2017 году направляли в среднем 3,8 % своей выручки на охрану окружающей среды, что больше чем в 2 раза показателей по предприятиям Европы.³¹

Таким образом, анализ сложившихся тенденций в области мировой и отечественной практики зеленого инвестирования показал, что темпы роста данного сегмента достаточно высокие, привлекательность как для частного, так и государ-

²⁹ Субсидирование проектов внедрения НТД. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/projects/ndt/04/> (дата обращения: 04.01.2021).

³⁰ ESG-рейтинг российских регионов. 2020. URL: https://raex-a.ru/rankings/regions/ESG_raiting (дата обращения: 04.01.2021).

³¹ Зеленые финансы: повестка дня для России. Диагностическая записка / Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. Рабочая группа по вопросам ответственного финансирования (ESG-finance). М., 2018. С. 64—65.

ственного сектора однозначна, так как первому позволяет обеспечить себе социально подкрепленную деловую репутацию, а второму решать структурные проблемы, сохраняя природоохранные приоритеты.

Вопросы развития рынка зеленого финансирования для экономики Калининградской области, на наш взгляд, актуальны, что обусловлено и более тесным характером взаимоотношений со странами Балтийского региона, и необходимостью более активного участия в практике достижения ЦУР, особенно в отношении ЦУР-14 — «сохранение морских экосистем» и ЦУР-15 — «сохранение экосистем суши». Кроме того, развитие и поддержка предпринимательского сектора для Калининградской области — одно из наиболее важных направлений реализуемой государственной политики, и в этом контексте шесть системных преобразований, обозначенных Всемирным советом предпринимателей по вопросам устойчивого развития (WBCSD), могут найти свое практическое отражение в политике крупных предприятий и компаний и в деятельности отдельных предпринимателей. И наконец, возможности ответственного инвестирования и зеленого финансирования позволят решить ряд проблем области не только макроэкономического, инфраструктурного, но и гуманитарного и социально-культурного характера.

Заключение

Как показало исследование, сегодня в мировом сообществе задан вектор трансформации финансовой модели инвестирования и разработки новых принципов ответственного инвестирования, который предполагает формирование новой бизнес-идеологии, основанной на солидарности, социальной ответственности и экономической эффективности. Каждая экономическая практика в рамках отдельной страны должна самостоятельно определить те критерии, которые смогут удовлетворить интересы всех стейкхолдеров ответственного инвестирования.

Особенностью развития российского рынка зеленого финансирования и ответственного инвестирования является высокая заинтересованность со стороны государства в привлечении бизнеса на платформу ответственного инвестирования. Кроме того, опираясь на опыт стран Балтийского региона, данную тенденцию можно было бы продолжить на уровне муниципальных и городских властей, что однозначно будет способствовать решению многих важных социальных и экономических проблем на местном и региональном уровнях.

Не менее важным вопросом выступает распространение и транспарентность информации с акцентом на раскрытие особенностей самого механизма инвестиционного процесса, уточнения рейтинга по оценке качества эмиссионных ценных бумаг, прохождения процедуры листинга и сертификации, что, несомненно, актуализирует необходимость создания информационного центра, который в режиме реального времени будет обеспечивать доступ к самой актуальной информации о состоянии и тенденциях развития рынка ответственного инвестирования.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, отметим, что Россия достаточно уверенно включается в процесс формирования современной глобальной экосистемы и планомерно осуществляет переход на стандарты ESG в каждой из сфер жизни общества и формирование национальной модели ответственного инвестирования и зеленого финансирования выступает наиболее важной задачей современного этапа развития, решение которой позволит обеспечить все условия для устойчивого развития российского общества и зеленого роста отечественной экономики.

Список литературы

1. *Brundtland G. H.* Our common future: Report of the World Commission on Environment and Development. Oxford ; N.Y., 1987.
2. *Nordhaus W. D.* Economic growth and climate: The case of carbon dioxide // *The American Economic Review*. 1977. Vol. 67, № 1. P. 341 — 346.

3. *Anderson G. M.* The butcher, the baker, and the policy-maker: Adam Smith on public choice // *History of Political Economy*. 1989. Vol. 21, № 4. P. 641—659.
4. *Blaug M.* Great economists before Keynes: an introduction to the lives and works of one hundred great economists of the past. Brighton, 1986.
5. *Seidl I., Tisdell C. A.* Carrying capacity reconsidered: from Malthus' population theory to cultural carrying capacity // *Ecological Economics*. 1999. Vol. 31, № 3. P. 387—403.
6. *Victor P. A.* Growth, degrowth and climate change: A scenario analysis // *Ecological Economics*. 2012. Vol. 84. P. 206—212. doi.org/10.1016/.
7. *Блауг М.* Теория благосостояния Пигу // *Экономическая мысль в ретроспективе = Economic Theory in Retrospect*. М., 1994. С. 551—553.
8. *Coase R. H.* The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. 1960. № 3. P. 1—44.
9. *Buchanan J., Brennan G.* The Reason of Rules. Cambridge, 1985.
10. *Buchanan J., Tullock G.* The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor, 1962.
11. *Acemoglu D., Robinson J.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. N.Y., 2012.
12. *Яковлев И. А., Кабир Л. С., Никулина С. И., Раков И. Д.* Финансирование «зеленого» экономического роста: концепции, проблемы, подходы // *Финансовый журнал*. 2017. № 3 (37). С. 9—21.
13. *Шкиперова Г. Т., Курило А. Е., Прокопьев Е. А.* Развитие «зеленой» экономики: сравнительный анализ регионов Северо-Запада // *Экономика и социум: современные модели развития*. 2019. Т. 9, № 3. С. 344—364.
14. *Семенова Н. Н., Еремина О. И., Скворцова М. А.* «Зеленое» финансирование в России: современное состояние и перспективы развития. *Финансы: теория и практика*. 2020. № 24 (2). С. 39—49. doi: 10.26794/2587-5671-2020-24-2-39-49.
15. *Яковлев И. А., Кабир Л. С.* Механизм финансирования «зеленых» инвестиций как элемент национальной стратегии финансирования устойчивого развития // *Финансовый журнал*. 2018. № 3. С. 9—20.
16. *Яковлев И. А., Кабир Л. С., Раков И. Д.* «Зеленые» инвестиции в России: основные тенденции // *Экономика: теория и практика*. 2017. № 3 (47). С. 66—75.
17. *Bierman F., Kanie N., Kim R. E.* Global governance by goal-setting: The novel approach of the UN sustainable development goals // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2017. Vol. 2. P. 26—31. doi:10.1016/j.cosust.2017.01.010.
18. *Rinne J., Lyytimäki J., Kautto P.* From sustainability to well-being: Lessons learned from the use of sustainable development indicators at national and EU level // *Ecological Indicators*. 2013. Vol. 1. P. 35—42. doi:10.1016/j.ecolind.2012.09.023.
19. *Banga J.* The green bond market: A potential source of climate finance for developing countries // *Journal of Sustainable Finance and Investment*. 2019. Vol. 9, № 1. P. 17—32. doi: 10.1080/20430795.2018.1498617.
20. *Zimmerman R., Brenner R., Abella J. L.* Green infrastructure financing as an imperative to achieve green goals // *Climate*. 2019. Vol. 7, № 3. P. 39—52. doi: 10.3390/cli7030039.
21. *Environmental Risk Analysis by Financial Institutions — a Review of Global Practice. An Input Paper for the G20 Green Finance Study Group / UNEP*. 2016. URL: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2016/09/2_Environmental_Risk_Analysis_by_Financial_Institutions.pdf (дата обращения: 20.12.2020).
22. *Фролова Е. Е.* Зеленые облигации в странах Северной Европы: особенности развития и правового регулирования // *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2020. № 2. P. 43—48.
23. *Demirel P., Li Q. C., Rentocchini F., Tamvada J. P.* Born to be green: New insights into the economics and management of green entrepreneurship // *Small Business Economics*. 2019. Vol. 52, № 4. P. 759—771. doi: 10.1007/s11187-017-9933-z.
24. *Богачева О., Смородинов О.* Проблемы «зеленого» финансирования в странах G20 // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 61, № 10. С. 16—19. doi: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-16-24.

25. Худякова Л. С. Создание системы устойчивого финансирования в Европейском союзе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, Вып. № 7. С. 16–22. URL: <http://ras.jes.su/meimo/s013122270005643-8-1> (дата обращения: 27.01.2021). doi:10.20542/0131-2227-2019-63-7-16-22.

26. Бокарев А., Яковлев И., Кабир Л. «Зеленые» инвестиции в России: поиск приоритетных направлений // *Financial Journal*. 2017. № 6 (40). С. 40–49.

27. Persson T., Tabellini G. *Political Economics. Explaining Economic Policy*. Cambridge, 2000.

28. D’Orazio P., Popoyan L. Fostering green investments and tackling climate-related financial risks: Which role for macroprudential policies? // *Ecological Economics*. 2019. Vol. 160. P. 25–37. doi: 10.1016/j.ecolecon.2019.01.029.

29. Zademach H.-M., Dichtl J. Greening Finance and Financing the Green: Considerations and Observations on the Role of Finance in Energy Transitions // Jones A., Ström P., Hermelin B. et al. (eds.). *Services and the Green Economy*. L., 2016. https://doi.org/10.1057/978-1-137-52710-3_7.

Об авторах

Иноббат Акромовна Алиева, кандидат экономических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия

E-mail: inobbat@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1654-3371>

Варвара Викторовна Алтунина, доктор педагогических наук, профессор, Директор института экономики, управления и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия

E-mail: valtunina@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2167-5213>

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF A GREEN FINANCE SYSTEM: METHODOLOGY AND PRACTICE

V.V. Altunina

I.A. Alieva

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 13 January 2021
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-4
© Altunina, V. V., Alieva I. A., 2021

The concept of green growth and sustainable development is turning into a global ideology guiding the transformation of national economies. The focus is shifting from quantitative assessments of performance to rational choice conditions. Rationality is becoming the decisive factor behind sustainable green growth, and a change in the financial model that supports such growth may be needed. Therefore, the most urgent problems relating to sustainable growth are the transformation of the finance system, on the one hand, and the creation of a new financial paradigm based on the principles of responsible investment and corporate social responsibility, on the other. This study aims to consider the theoretical and practical aspects of creating a national green finance model ensuring sustainable growth in the Russian Federation. The development of a green finance mechanism and a green bond market in Baltic Sea countries is analysed to determine national features and explore the possibility of translating the Baltic experience into practice in Russia. The research uses methods such as economic observations, economic description, structural and logical analysis, and systems analysis. Perhaps the most significant finding is the description of a methodological framework for sustainable development theory, as seen by major schools of economic thought. Studying the experience of Baltic Sea countries in creating a new finance model of responsible investment helped detect national features and development priorities that can be used in Russia in devising the ideology, principles, and mechanism of green growth and sustainable growth financing.

Keywords:

sustainable development, green finance, responsible investment, socially responsible business, financial model for sustainable economy, green growth

References

1. Brundtland, G. H. 1987, *Our common future: Report of the World Commission on Environment and Development*, Oxford, New York, Oxford University Press, 383 p.
2. Nordhaus, W. D. 1977, Economic growth and climate: The case of carbon dioxide. *The American Economic Review*, vol. 67, no. 1, p. 341—346.
3. Anderson, G. M. 1989, The butcher, the baker, and the policy-maker: Adam Smith on public choice, *History of Political Economy*, vol. 21, no. 4, p. 641—659.
4. Blaug, M. 1986, *Great economists before Keynes: an introduction to the lives and works of one hundred great economists of the past*, Brighton, Wheatsheaf.
5. Seidl, I., Tisdell, C. A. 1999, Carrying capacity reconsidered: from Malthus' population theory to cultural carrying capacity, *Ecological Economics*, vol. 31, no. 3, p. 387—403.
6. Victor, P. A. 2012, Growth, degrowth and climate change: A scenario analysis, *Ecological Economics*, vol. 84. P. 206—212. doi: 10.1016/j.ecolecon.2011.04.013.
7. Blaug, M. 1994, Pigou's Welfare Theory, *Economic thought in Retrospect = Economic Theory in Retrospect*, Moscow, Delo, vol. XVII, p. 551—553.
8. Coase, R. H. 1960, The Problem of Social Cost, *Journal of Law and Economics*, no. 3, p. 1—44.
9. Buchanan, J., Brennan, G. 1985, *The Reason of Rules*, Cambridge, Cambridge University Press.
10. Buchanan, J., Tullock, G. 1962, *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*, Ann Arbor, University of Michigan Press, p. VII.
11. Acemoglu, D., Robinson, J. 2012, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, Crown Publishers, New York, 571 p.
12. Yakovlev, I. A., Kabir, L. S., Nikulina, S. I., Rakov, I. D. 2017, Financing “green” economic growth: concepts, problems, approaches, *Finansovyi zhurnal* [Financial Journal], vol. 3, no. 37, p. 9—21 (in Russ).

13. Shkiperova, G. T., Kurilo, A. E., Prokopyev, E. A. 2019, Development of the «green» economy: a comparative analysis of the regions of the North-West, *Ekonomika i sotsium: sovremennye modeli razvitiya* [Economy and society: modern models of development], vol. 9, no. 3, p. 344—364 (in Russ.).

14. Semenova, N. N., Eremina, O. I., Skvortsova, M. A. Green financing in Russia: Current status and development prospects, *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], vol. 24, no. 2, p. 39—49. doi: 10.26794/2587-5671-2020-24-2-39-49 (in Russ.).

15. Yakovlev, I. A., Kabir, L. S. 2018, Mechanism of financing «green» investments as an element of the national strategy for financing sustainable development, *Finansovyi zhurnal* [Financial Journal], no. 3, p. 9—20 (in Russ.).

16. Yakovlev, I. A., Kabir, L. S., Rakov, I. D. 2017, “Green” investments in Russia: main trends, *Ekonomika: teoriya i praktika* [Economy: theory and practice], vol. 3, no. 47, p. 66—75 (in Russ.).

17. Bierman, F., Kanie, N., Kim, R. E. 2017, Global governance by goal-setting: The novel approach of the UN sustainable development goals, *Current Opinion in Environmental Sustainability*, vol. 2, p. 26—31. doi:10.1016/j.cosust.2017.01.010

18. Rinne, J., Lyytimäki, J., Kautto, P. 2013, From sustainability to well-being: Lessons learned from the use of sustainable development indicators at national and EU level, *Ecological Indicators*, no. 35, p. 35—42. doi: 10.1016/j.ecolind.2012.09.023.

19. Banga, J. 2019, The green bond market: A potential source of climate finance for developing countries, *Journal of Sustainable Finance and Investment*, vol. 9, no. 1, p. 17—32. doi: 10.1080/20430795.2018.1498617.

20. Zimmerman, R., Brenner, R., Abella, J. L. 2019, Green infrastructure financing as an imperative to achieve green goals, *Climate*, vol. 7, no. 3, p. 39—52. doi: 10.3390/cli7030039.

21. *Environmental Risk Analysis by Financial Institutions — a Review of Global Practice*, 2016, An Input Paper for the G20 Green Finance Study Group, UNEP, available at: http://une-pinquiry.org/wp-content/uploads/2016/09/2_Environmental_Risk_Analysis_by_Financial_Institutions.pdf (accessed 20.12.2020).

22. Frolova, E. E. 2020, Green bonds in the Nordic countries: features of development and legal regulation, *Journal of the Belarusian State University. Law*, no. 4, p. 43—48. (in Russ.)

23. Demirel, P., Li, Q. C., Rentocchini, F., Tamvada, J. P. 2019, Born to be green: New insights into the economics and management of green entrepreneurship, *Small Business Economics*, vol. 52, no. 4, p. 759—771. doi: 10.1007/s11187-017-9933-z

24. Bogacheva, O., Smorodinov, O. 2018, Problems of “green” financing in the G20 countries, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], vol. 61, no. 10, p. 16—24. doi: 10.20542 / 0131-2227-2017-61-10-16-24 (in Russ.).

25. Khudyakova, L. S. 2019, Creation of a sustainable financing system in the European Union, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], vol. 63, no. 7, p. 16—22. DOI:10.20542/0131-2227-2019-63-7-16-22 (in Russ.).

26. Bokarev, A., Yakovlev, I., Kabir, L. 2017, “Green” investments in Russia: the search for priority areas, *Finansovyi zhurnal* [Financial Journal], vol. 6, no. 40, p. 40—49 (in Russ.).

27. Persson, T., Tabellini, G. 2000, *Political Economics. Explaining Economic Policy*, Cambridge, MIT Press, p. 564.

28. D’Orazio, P., Popoyan, L. 2019, Fostering green investments and tackling climate-related financial risks: Which role for macroprudential policies? *Ecological Economics*, no. 160, p. 25—37. doi: 10.1016/j.ecolecon.2019.01.029.

29. Zademach, H.-M., Dichtl, J. 2016, Greening Finance and Financing the Green: Considerations and Observations on the Role of Finance in Energy Transitions. In: Jones, A., Ström, P., Hermelin, B. et al. (eds.) *Services and the Green Economy*, London, Palgrave Macmillan. doi: https://doi.org/10.1057/978-1-137-52710-3_7.

The authors

Dr Inobbat A. Alieva, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: inobbat@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1654-3371>

Prof. Varvara V. Altunina, Director of the Institute of Economics, Management, and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: valtunina@kantiana.ru

ДЕПОПУЛЯЦИЯ ПРИБРЕЖНЫХ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ ЛИТВЫ – МОЖЕТ ЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СТАБИЛИЗИРОВАТЬСЯ БЛАГОДАРЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ ПАРКАМ?

Д. Веркулевичюте-Крюкене
А. Бучене
Э. Чепиене

Клайпедский университет,
LT-92227, Литва, Клайпеда, С. Нериес, 5

Поступила в редакцию 27.12.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-5
© Веркулевичюте-Крюкене Д., Бучене А.,
Чепиене Э., 2021

Региональные парки были созданы в Литве для сохранения наиболее ценных физических и культурных компонентов ландшафта и среды обитания согласно положениям сети «Натура 2000». Главным образом парки расположены в естественных или полустественных ландшафтах сельской местности, характеризующихся более высоким уровнем депопуляции по сравнению с другими более урбанизированными районами страны. Ожидалось, что приоритетные природоохранные территории смогут привлечь молодые семьи к проживанию на них, что должно было таким образом стабилизировать численность населения. Цель данного исследования — изучить населенные пункты и изменения в численности сельского населения в трех региональных парках Клайпедского уезда, чтобы определить количество исчезнувших деревень (с нулевым населением) и деревень, которые исчезнут (с населением < 5 человек), провести сравнение с численностью населения в населенных пунктах без природоохранного режима. В статье особое внимание уделено миграции как одной из детерминант депопуляции. Методы, использованные в исследовании — анализ национальной и местной статистики, институциональных документов и структурное интервью — позволили выявить различные ситуации, в которых режим сохранения, применяемый в региональных парках, не всегда является фактором, побуждающим местных жителей продолжать проживать в них или переезжать в них для проживания. Близость к морю и городам / местным городским центрам с развитой социальной инфраструктурой по-прежнему остается первоочередным фактором выбора места проживания в сельской местности.

Ключевые слова:

депопуляция, исчезнувшие населенные пункты, сельское население, региональные парки, природоохранный режим

Введение

Депопуляция зависит от многих факторов, таких как социально-экономические, политические, экологические, фактор культурных традиций и др., которые могут нарушить способность населения к воспроизводству и привести к исчезновению на-

Для цитирования: Веркулевичюте-Крюкене Д., Бучене А., Чепиене Э. Депопуляция прибрежных сельских районов Литвы – может ли демографическая ситуация стабилизироваться благодаря региональным паркам? // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 2. С. 90–111. doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-5.

селенных пунктов. Подобные ситуации отмечаются и отмечались в большинстве стран и регионов мира в разные периоды времени. Негативное влияние депопуляции на сельские поселения можно разделить на три группы: влияние на культуру, природу и население [1].

На заброшенных территориях произрастают леса, кустарники и восстанавливается природа [2]. Некоторые виды растений или животных, среда обитания которых зависит от деятельности человека, могут исчезнуть. Материальные объекты, которые не используются, разрушаются. В отсутствие населения состояние почвы ухудшается, и она постепенно становится непригодной для сельского хозяйства [3]. В более широком масштабе опустение деревень ведет к снижению экономической активности, что делает эти районы неконкурентоспособными. Сельские ландшафты меняются не только в результате процессов, происходящих в сельскохозяйственном производстве и на протяжении веков являющихся факторами, формирующими эти ландшафты (интенсификация / маргинализация, специализация, концентрация). Они также изменяются благодаря урбанизации, которая означает эмиграцию из сельских регионов, при этом другие факторы, такие как проживание в сельской местности, возможность отдыха на природе, туризм и осуществление охраны природы, также все более заметно влияют на динамику ландшафта, находясь во взаимодействии с изменениями, происходящими в сельском и лесном хозяйствах [4—12]. Охраняемые природные территории парков могут быть «притягивающими» или «привлекающими» факторами для местного населения, пользующегося преимуществами альтернативной экономики [13; 14]. С одной стороны, в сельской местности появляется больше услуг и возникает новая инфраструктура за счет развития рекреации, туризма и действий по защите окружающей среды, с другой — сокращаются численность местного населения, его концентрация, в результате чего сельская местность пустеет. В Литве и других странах Восточной Европы эти процессы ускорились после распада Советского Союза в 1991 году [15].

После восстановления независимости Литвы количество деревень разного размера сократилось, хотя изменения во внутренней структуре системы сельских поселений при этом были минимальными. Наименее негативные перемены произошли в поселках среднего размера (201—500 жителей). Более крупные сельские поселения, выполняющие различные служебные функции, сохраняют некоторую жизнеспособность, более мелкие исчезают¹ [16].

По данным, полученным от староств Литвы (самых мелких административных единиц уровня NUTS-4), только в Биржайском районе (Северная Литва) в настоящее время 133 деревни не имеют населения. В Западной Литве в течение последних 30 лет исчезли 14 деревень в старостве Картена Кретингского района². В Шилутском районе в 2001 году по сравнению с 1989 годом 12 деревень прекратили существование. В старостве Жемайчю Науместис в ближайшие годы могут исчезнуть 3 населенных пункта с численностью населения в 2011 году от 1 до 6 человек [17]. Если в Западной Литве численность сельского населения начала сокращаться начиная с 2000 года, то в других регионах Литвы сокращение началось после провозглашения независимости страны [16]. Миграция людей по экономическим и со-

¹ *Kretingos rajono Kartenos seniūnijos išnykę kaimai // 2016 metų etnografinės ekspedicijos medžiaga / Kretingos muziejus. 52 p. URL: https://issuu.com/kretingosmuziejus/docs/2016m_ekspedicija (дата обращения: 22.12.2017).*

² *Gyventojų skaičiaus pasiskirstymas pagal teritoriją, amžių ir lytį 2011, Lietuvos Respublikos 2011 metų visuotinio gyventojų ir būstų surašymo rezultatai, 2013. Lietuvos Statistikos Departamentas. Vilnius, URL: https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/Inform_gyv_sk_pasisk.pdf/cd1f3d45-ef4b-446f-af6a-f56e23c94519 (дата обращения: 22.12.2017).*

циальным причинам была определена исследователями из многих стран как один из основных факторов, вызывающих депопуляцию, которая в дальнейшем протекает как самовоспроизводящийся процесс. Обычно сначала мигрируют молодые, мобильные трудоспособные люди, затем молодые семьи со своими детьми. Это исключает возможность воспроизводства населения. Неоднородность процессов развития села и структуры поселений приводит к нехватке рабочих мест и возникновению социальных проблем в этих районах. Территории небольших деревень в европейских странах также характеризуются наиболее сильными миграционными тенденциями. Некоторые из этих населенных пунктов совершенно обезлюдели и превратились в мертвые или призрачные деревни [18].

Как отмечается в различных исследованиях, политика сохранения может создать условия для нового доминирования дикой природы над давно сложившейся человеческой культурой, что способно отрицательно повлиять на небольшие и уязвимые местные популяции [19; 20]. Даже социально-экономические перспективы, создаваемые в результате формирования охраняемых территорий, не могут компенсировать негативное влияние ограничений, налагаемых положениями об охране этих территорий [20].

В настоящее время в Литве существуют 30 региональных парков, которые составляют 54 % от общей площади охраняемых территорий Литвы и созданы на территориях возделываемых ландшафтов. Региональные парки в Литве выполняют множество задач и функций, но основная их функция заключается в сохранении наиболее ценных физических и культурных компонентов ландшафта, включая культурное наследие, среду обитания в сети «Натура 2000» и т.д. [21]. Согласно положению о региональных парках на их территории запрещена или ограничена деятельность, которая может нанести ущерб ландшафту, природным и недвижимым культурным ценностям, а также природным рекреационным ресурсам, запрещено строительство зданий, вызывающих визуальное загрязнение³.

Количество охраняемых территорий в Литве возрастает, что вызывает некоторое недовольство местного населения. Существуют различные причины конфликтов между местными жителями и администрацией региональных парков: стейкхолдеры жалуются на то, что они не входят в рабочие группы, жители особо охраняемых природных территорий на то, что они не могут участвовать в природоохранной деятельности, возникают разногласия по поводу запрещающих положений, действующих на охраняемых территориях, жесткие правила парков ограничивают хозяйственную деятельность и др. [22]. Еще одной проблемой является низкий уровень осведомленности местного населения, проживающего на территориях региональных парков. Жители не знают даже, какие охраняемые ценности находятся в районе их проживания и каковы меры их охраны. Необходимо укреплять контакт с местным населением, уделять больше внимания информированию и обеспечению доступа к информации [23]. Жители региональных парков Клайпедского уезда сталкиваются с этими проблемами в большей или меньшей степени.

Согласно различным исследованиям каждая заброшенная деревня или район требуют особого вмешательства, учитывая сложность ситуации [24; 25]. Согласно К. Гюлеру и Й. Какхья (2019) одним из способов решения проблемы является возвращение прежних и переселение новых жителей. Часть населения может также периодически приезжать в свои вторые дома, созданные в этих селах [1].

³ Republic of Lithuania Law on Protected Areas, 9 November 1993, No I-301. As last amended on 11 June 2015–No XII-1784. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/t/TAD/cf9f9132b60d11e6a3e9de0fc8d85cd8?jfwid=rivwzvvpvq> (дата обращения: 08.08.2020).

Несмотря на то, что литовские исследователи занимаются изучением процесса сокращения численности сельских жителей в географическом аспекте [26; 27], исследования того, как этот процесс протекает на охраняемых территориях и, особенно, в региональных парках, по-прежнему отсутствуют. До проведения настоящего исследования предполагалось, что масштабы уменьшения размеров поселков и численности населения на территориях региональных парков с преобладающим природоохранным режимом будут значительно меньше по сравнению с ситуацией, наблюдаемой в других районах, поскольку парки должны привлекать людей, особенно молодых, обновлением сферы услуг и возможностью работы в гармонии с природой. Целью данного исследования было изучение трех региональных парков Клайпедского уезда и их населенных пунктов (сел), численности сельского населения и его вариаций во времени и пространстве с целью определения количества исчезнувших деревень (с нулевым населением) и деревень, которые исчезнут (с населением < 5), путем проведения сравнения с численностью населения в населенных пунктах без режима охраны для выявления причин депопуляции и разработки мер совершенствования региональной политики и управления.

Объектами исследования являются населенные пункты (села) и сельское население 3 региональных парков, 4 районных самоуправлений и их 12 староств Клайпедского уезда в 2001, 2011 и 2019 годах.

Область и географические локации исследования

Все региональные парки различаются по своему географическому положению, истории, охраняемым объектам, населению, развитию поселений и хозяйственной деятельности. Их объединяет один природный элемент — гидрография. Так, региональный парк Паюрис расположен на берегу Балтийского моря, региональный парк дельты Немана находится на берегу Куршского залива, а региональный парк Салантай изрезан реками и ручьями. С административной точки зрения все региональные парки принадлежат Клайпедскому уезду.

Региональный парк дельты Немана. Парк расположен в месте разветвления реки Неман на несколько ручьев на границе с Калининградской областью Российской Федерации. Регион изрезан многочисленными водоемами: реками, польдерами и каналами. Здесь обитают более 300 видов птиц. Уникальность парка заключается в том, что весной, а иногда зимой и осенью большая его часть бывает затоплена. Поймы в основном используются как луга и пастбища. Обилие дешевых кормовых ресурсов создает особенно благоприятные условия для животноводства.

Региональный парк Паюрис. Парк занимает полосу материкового побережья Литвы и около 30 км² акватории Балтийского моря. В парке сосредоточены уникальные прибрежные ландшафты, природные и культурные ценности, а также представлено биологическое разнообразие Балтийского моря. Парк привлекателен песчаными пляжами, сочетающимися с подмытыми берегами и сосновыми лесами, благоприятными для отдыха.

Региональный парк Салантай. Парк расположен на северо-западе Литвы, на территории трех районных самоуправлений. Большую часть составляют земли сельскохозяйственного назначения — 67% площади парка. Четверть площади покрыта лесами. Уникальной ценностью регионального парка являются валуны, образованные последним ледником и не пострадавшие от хозяйственной деятельности до сих пор. Парк призван сохранить ландшафт, природную экосистему и ценности культурного наследия речных долин и их окрестностей (рис. 1).

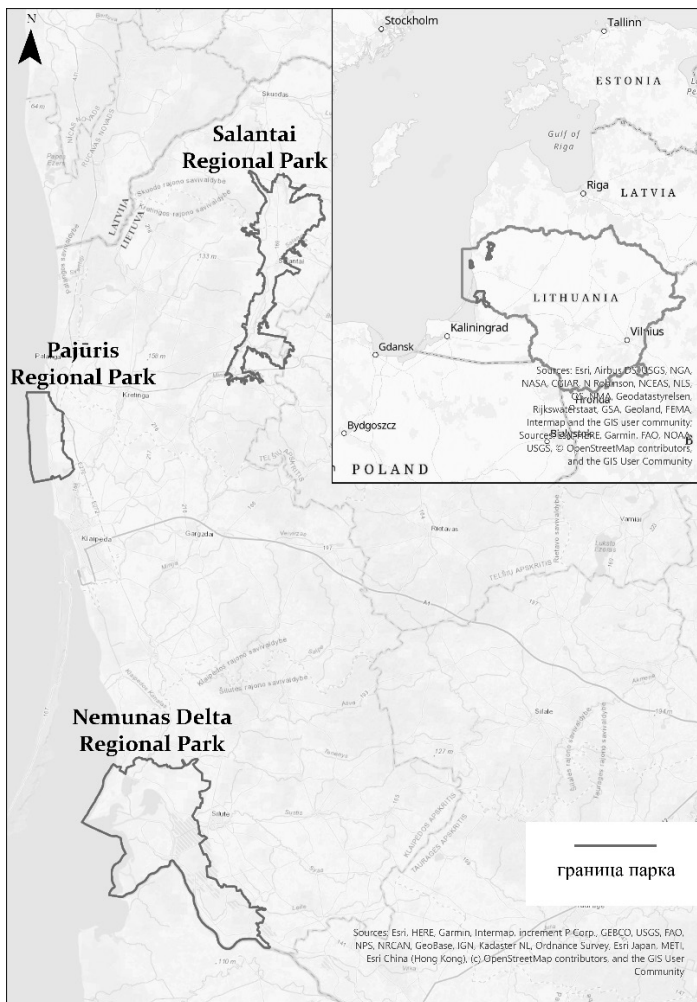

Рис. 1. Расположение исследуемых парков в Западной Литве

Источник: на основе статистики, представленной староствами за 2019 год.

По размеру сельского поселения и численности населения литовские населенные пункты представляется возможным разделить на следующие группы: очень малые (1—4, 5—9, 10—24, 25—49 человек), малые (50—99), средние (100—199, 200—499), большие (500—1000) и очень большие (1001+) [27]. В прибрежной части страны преобладают в основном села среднего размера [28].

Исследуемые региональные парки различаются по площади и численности населения: самым большим по площади является региональный парк дельты Немана, а самым маленьким — региональный парк Паюрис. Региональный парк Салантай, занимающий среднее положение по площади, — самый большой по численности населения и населенных пунктов, а также по плотности населения. Самые большие поселения находятся в региональном парке Паюрис, за ним следуют региональные парки Салантай и дельта Немана. Три поселка расположены в региональном парке Салантай и один в региональном парке дельты Немана, при этом большинство населенных пунктов представляют собой села разного размера (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика населения анализируемых региональных парков в 2019 г.

Региональный парк	Площадь, км ²	Численность населения, чел.	Плотность населения на км ²	Общее число поселений	Средняя численность населения в поселениях, чел.	Площадь поселений, % от общей площади
Паюрис	58,65	1789	30,5	7	255,6	0,9
Салантай	132,65	5526	41,7	29	190,6	4,2
Парк дельты Немана	288,7	2293	7,9	26	88,2	1,0

Источник: разработано авторами на основе статистики, представленной старостами в 2019 году.

В соответствии с историко-архитектурными особенностями, функциями и расположением поселения региональных парков делятся на три группы, как это показано на рисунке 2.

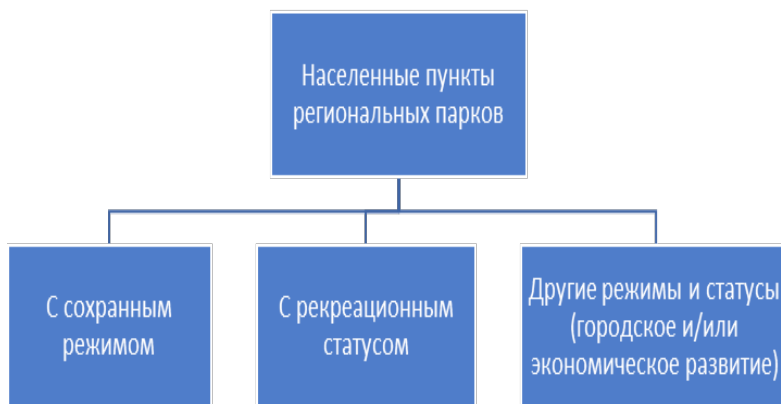

Рис. 2. Классификация населенных пунктов региональных парков Литвы в соответствии с их основными приоритетами

Источник: составлено авторами на основе: *Pajūrio regioninis parkas* // Tvarkymo planas. URL: https://www.pajuris.info/index.php?option=com_content&view=article&id=58&Itemid=65&lang=en (дата обращения: 08.08.2020).

Первую группу составляют поселения с охраняемым режимом — города, поселки и села или их части, которые должны охраняться как ценные образцы культурного наследия. Регламент для их сохранения формируется на основе принятых принципов сбережения архитектурного наследия: консервация, реставрация, регенерация, имитация, обновление, преобразование. В соответствии с применением одного или нескольких принципов могут возникнуть разные результаты деятельности по сохранению объектов — аутентичные объекты, копии, имитации, гибриды, инновации и др. Управление ландшафтами поселений первой группы осуществляется в соответствии с общими принципами пространственного формирования и пространственных отношений.

Вторую группу составляют поселки с приоритетом рекреационных интересов — в основном территории летних дач, современные и будущие, основная задача которых — обеспечить рекреационную функцию их ландшафтного менеджмента. Третью группу составляют поселения, расположенные в основном в буферных зонах парка, они не отличаются большим количеством объектов культурного насле-

дия или природоохранной деятельности, но благодаря их существованию происходит охрана других, более ценных территорий. В этой группе могут иметь приоритет экологическая защита, городское и/или экономическое развитие⁴.

Методы исследования

С целью изучения процесса вымирания поселений в выбранных региональных парках, староствах и районах были использованы методы структурного интервью, анализа литературы, карт, статистических данных и правовых документов, ГИС и классификации. Всего в 2018 и 2020 годах мы провели два полуструктурированных интервью с 12 руководителями староств и ландшафтными специалистами в трех региональных парках (по телефону и через интернет). Были опрошены представители следующих староств: Моседис, Скуодас, Имбаре, Каргена, Кулупенай, Кретингале, Кинтай, Русне, Юкнайчай, Шилуте, Саугос, Салантай. Качественный анализ трех тематических исследований был направлен на выявление причин депопуляции населенных пунктов и способов различных заинтересованных сторон или местных властей объяснить эти причины, а также разработку мер по прекращению депопуляции.

Результаты исследования были нанесены на карту с помощью программно-го обеспечения Arcgis PRO. Процентное изменение населения староств в 2001—2019 годах представлено в виде хороплет-карты, где области староств представлены разными цветами в зависимости от интенсивности процесса. Поселения были классифицированы в соответствии с изменением численности населения (без изменений, отрицательное изменение, положительное изменение, отсутствие населения), каждому классу был присвоен соответствующий символ для нанесения поселения на карте. Распределение населенных пунктов и изменений их численности классифицировано и проанализировано с учетом основных приоритетов региональных парков, изменения численности населения, с уделением особого внимания исчезнувшим и исчезающим населенным пунктам.

Результаты исследования

В Литве наблюдается быстрый рост крайне малонаселенных территорий. Это вызвано не только высоким уровнем миграции, но и низкой рождаемостью. Литовские ученые делят малонаселенные территории на три класса: I — менее 5 чел./км²; II — 5—10 чел./км²; III — 10—12,5 чел./км². Выявлены также районы с плотностью населения до 15 чел./км². Районы с плотностью населения менее 12,5 чел./км² считаются малонаселенными [27].

Средняя плотность населения староств, расположенных в исследуемых региональных парках, составляет 63,5 чел./км². При этом два города также попадают в эту группу. После исключения городского населения из статистики средняя плотность населения в пригородах достигает 21,3 чел./км², таким образом, плотность населения поселений в большинстве староств превышает 12,5 чел./км². Только в одном старостве (Нотенай) плотность населения в 2019 году составляла всего 9,54 чел./км².

Согласно классификации литовских староств на подтипы [29] поселения, расположенные в региональных парках, имеют разный уровень урбанизации. Большинство обследованных районов относятся к негородским территориям, которые характеризуются большой удаленностью от городов, сокращением численности населения и отрицательной естественной изменчивостью населения. Из них уезжает больше жителей, чем прибывает. Староства Салантай и Скуодас (территория регионального парка Салантай) классифицируются как менее урбанизированные. Они находятся далеко от г. Клайпеды, а также от морской зоны отдыха и не очень привлекательны для жителей. Шилутское староство — это смешанная городская территория, находящаяся-

⁴ *Pajūrio regioninio parko tvarkymo planas: sprendiniai // Valstybinė saugomų teritorijų tarnyba prie Aplinkos ministerijos. Vilnius, 2014.*

ся под влиянием районного центра Шилуте. Кретингальское староство (территория Паюрисского регионального парка) считается пригородной зоной, входящей в зону влияния двух городов — Клайпедского портового города и курорта Паланга.

Помимо природных элементов в исследуемых региональных парках охраняются следующие объекты: урбанизированные территории (этнографические деревни Миния (Минге) и Русне (бывшая Скирвителе) в региональном парке дельты Немана), а также строительные комплексы: этнографическая усадьба, фрагменты бывшей усадьбы и многие другие объекты регионального парка Салантай).

Качественное состояние объектов наследия зависит от функциональной площади парка. В заповедных зонах комплекс зданий и сооружений находится в хорошем физическом состоянии, а статусы их подлинности, культурной ценности или значимости практически не изменились. Однако физическое состояние и культурная ценность других объектов ухудшились [30].

Причин депопуляции / опустения разных поселений выделяется много, однако в основном они носят политический (войны, ссылки советского периода, административное деление, эмиграция, партизанское движение, советская коллективизация и т. д.), экономический (индустриализация, мелиорация или восстановление земель, эмиграция в другие страны, в том числе в страны ЕС, внутренняя миграция в более крупные города и т. д.), и естественный (стихийные бедствия, такие как землетрясения, наводнения, оползни и др.) характер. Таким образом, географическая мобильность людей может быть объяснена факторами макро- и микроуровня, одним из которых является миграция из сельской местности в города. В Литве, как и в других развивающихся странах, этот тип миграции также породил международную миграцию [31]. Например, когда Литва в 1990 году провозгласила независимость, население страны проживало в 19 541 населенном пункте (села, отдельные усадьбы, города или городки), тогда как в 2011 году, согласно последней переписи населения, граждане Литвы проживали в 18 461 населенном пункте — на 6 % меньше [32].

Процесс депопуляции в Литве имеет явные региональные различия. В Западной Литве, где расположены анализируемые территории, эмиграция оказывает большее влияние на убыль населения, чем естественные изменения [26].

В 2001—2011 годах количество сельских поселений в Литве уменьшилось на 1638 населенных пунктов, или на 4,13 %. В исследуемых районах, где расположены региональные парки, за 2001—2020 годы исчезло 46 сел, или 9,4 % (табл. 2). Этот процесс сокращения численности ускорился в 2001—2011 годах и стабилизировался в последующие годы.

Таблица 2

Общее количество сельских поселений и количество исчезнувших поселений в муниципалитетах Клайпедского уезда в 2001, 2011 и 2020 годах

Муниципалитет	Общее число населенных пунктов			Количество исчезнувших населенных пунктов (0 жителей)	
	2001	2011	2020	2001	2011
Скуодасский район	171	169	169	5	10
Кретингский район	194	189	189	23	26
Клайпедский район	302	290	284	11	12
Шилутский район	310	288	289	12	15
<i>Всего</i>	977	936	931	51	63

Источники: Lietuvos gyventojų ir būstų surašymas 2001 m. Surrašymo rezultatai, informacinis pranešimas // Lietuvos Statistikos Departamentas. Vilnius, 2002. P. 5; *Valstybės įmonė Registrų centras*. URL: https://www.registrucentras.lt/ibi_apps/WFServlet?IBIF_webapp=/ibi_apps&IBIC_server=EDASERVE&IBIWF_msgviewer=OFF&IBIF_ex=ar-a1-savivaldybes.fex&CLICKED_ON=&ADM_PAV=Klaip%EBdos%20apskr.&APSKR=3.00&LENT_NR=160.00&PERIODAS_N=0000020009&PERIODAS_I=0&skirt=0&adm_vien=1&dat_laik=1&LAIK=1 (дата обращения: 15.07.2020).

Данный отрицательный демографический процесс наиболее затронул отдаленный Шилутский район Клайпедского уезда [33], где количество сельских поселений сократилось более чем на 6%. Относительно крупные сельские поселения в Западной Литве в настоящий момент могут поддерживать уровень численности населения, поэтому в этом регионе отмечается меньшее количество опустевших населенных пунктов (без жителей), чем в других областях. Процесс изменения числа жителей в районах Клайпедского уезда значительно отличается от аналогичного в других районах — в пригородном районе Клайпеды количество жителей увеличилось, а в остальных районах уменьшилось [34].

В районах, где расположены региональные парки, в период 2001—2011 годов полностью обезлюдели 12 сельских поселений (исчезнувшие населенные пункты), этот процесс еще не завершен. Количество крайне малонаселенных сельских поселений в региональных парках возрастает (рис. 3). В настоящее время на исследуемой территории находятся 7 деревень с населением менее 5 человек (6 в региональном парке дельты Немана и региональном парке Салантай (по 3 деревни в каждом) и 1 деревня в региональном парке Паюрис). Данные за последние почти двадцать лет демонстрируют перспективу роста количества таких деревень в будущем. В региональном парке Салантай расположены 3 исчезнувшие деревни.

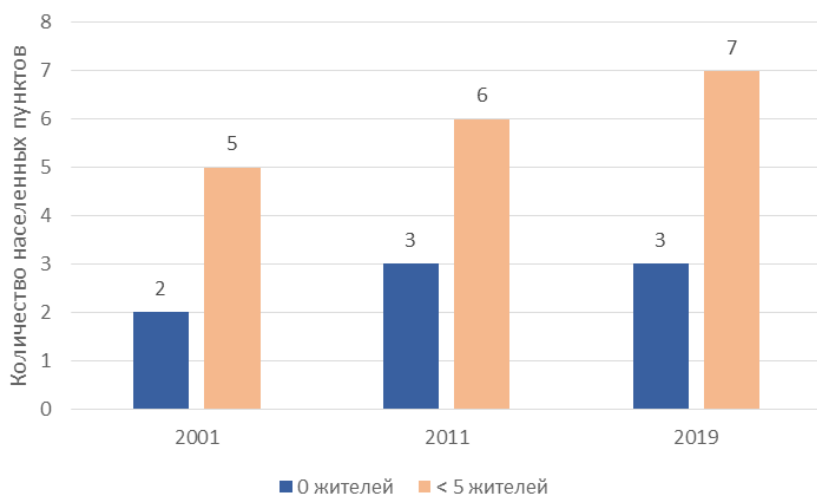

Рис. 3. Количество исчезнувших деревень (0 человек) и деревень с населением менее 5 человек в трех исследованных региональных парках в 2001, 2011 и 2019 годах.

Источник: составлено авторами на основе данных, предоставленных администрацией староств за 2019 год.

В региональных парках преобладают небольшие поселения. Численность населения превышает 1000 жителей только в поселках. Несмотря на то, что во многие региональные парки прибыло больше жителей, чем убыло за последний год, за более длительный период (2001—2020) тенденция к сокращению численности наглядно прослеживается.

Изменение численности населения в региональных парках может быть объяснено следующими причинами:

1. Общие демографические тенденции, характерные для территории всей Литвы и западного региона в частности.
2. Конкретные причины, связанные с осуществляемой деятельностью и ограничениями, накладываемыми в связи с функционированием региональных парков.

Определить, какой именно фактор в большей степени повлиял на изменение численности населения исчезнувших деревень, представляется сложной задачей. Эти населенные пункты расположены недалеко от административных границ муниципальных образований, удалены от районных центров и в силу этого не привлекательны для жителей. Два из трех поселков в 2019 году относились к зоне охранного режима, поэтому хозяйственная деятельность в них ограничена и в них могут создаваться только усадьбы, предназначенные для сельского туризма. Таким образом, существует вероятность, что со временем в процессе развития сельского туризма может произойти заселение некоторых исчезнувших деревень.

Изменения в распределении численности населения и в миграционных настроениях как в целом по стране, так и в Западной Литве в большей степени определяются географическим положением (привлекательность г. Клайпеды и близость к морю). Клайпеда как крупнейший город Западной Литвы, портовый город, промышленный, сервисный, научный и культурный центр привлекательна не только для литовцев, но и для приезжающих из-за границы. Однако, как и другие крупнейшие города Литвы, Клайпеда переживает процесс субурбанизации. Многие молодые семьи покупают жилье в пригороде и поселяются там. По мере удаления от побережья и от города плотность населения снижается, строения располагаются реже, средний возраст населения возрастает. В Клайпедском уезде демографическая ситуация характеризуется более положительно, чем в среднем по стране — в 2019 году коэффициент демографического возраста (количество людей в возрасте 65 лет и старше на 100 детей в возрасте до 15 лет) в Литве достиг 130, а в Клайпедском уезде — 119. Хотя значения естественного изменения отрицательны по всей Литве (на 1000 жителей — -3,8), в Клайпедском уезде естественная динамика населения несколько лучше — -2,2.

В 2001 — 2019 годах численность населения в региональном парке дельты реки Неман уменьшилась на 24,7 %, а в региональном парке Салантай — на 19,9 %. Выявлено только 9 населенных пунктов, в которых численность населения увеличилась за этот период: 4 села в региональном парке Паюрис, 3 села в региональном парке Салантай и 2 села в региональном парке дельты реки Неман (рис. 4).

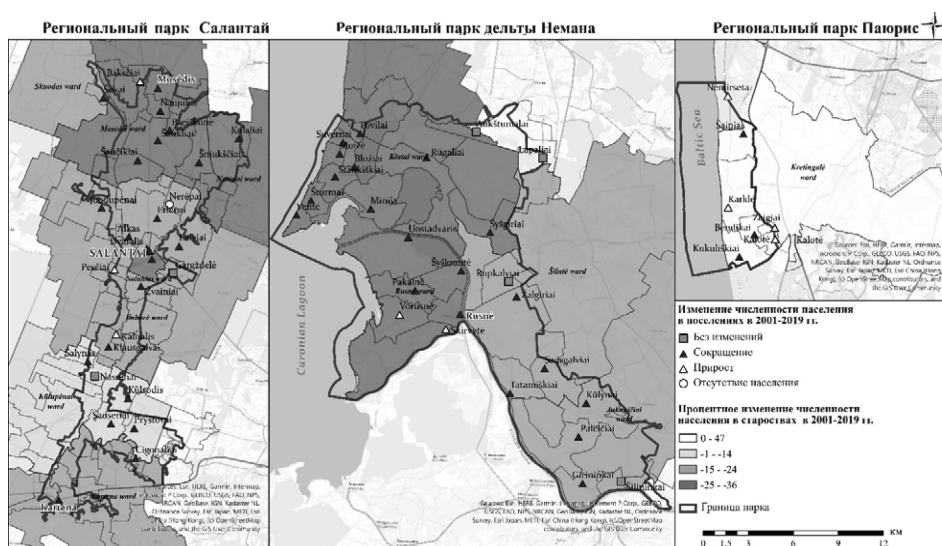

Рис. 4. Пространственное изменение численности населения исследуемых региональных парков в 2019 году по сравнению с 2001 годом

Источник: разработано авторами на основе статистики, предоставленной старостами за 2019 год.

В отличие от региональных парков Салантай и Неманского парка население регионального парка Паюрис за 2001—2019 годы увеличилось в 3,25 раза. Этот парк уникален тем, что расположен в приморской зоне недалеко от портового города Клайпеда. Географическая привлекательность и лучшие перспективы трудоустройства побуждают молодые семьи покупать жилье на его территории. Большинство прибывающего населения — молодые люди, ищущие чистую, тихую среду проживания для себя и своих семей. В последние годы количество молодых людей, приезжающих в пригород Клайпеды, растет. Однако для повышения привлекательности территории важно, чтобы в селах были хорошо развиты сеть дорог и социальная инфраструктура (школа, детский сад и т. д.).

Таким образом, в региональном парке Паюрис отмечается быстрый рост численности населения, в то время как в других региональных парках населенные пункты увеличились лишь на несколько жителей (рис. 4). В целом на территориях, прилегающих к г. Клайпед, рост количества крупных (более 500 жителей) поселений был наиболее быстрым, рост числа небольших поселений (до 9 жителей) также отмечен, но число поселений с 10—99 жителями за период 2001—2011 годов сократилось [35].

Особенности изменений численности населения в селах с разными приоритетными интересами за почти 20 лет представлены на рисунке 5.

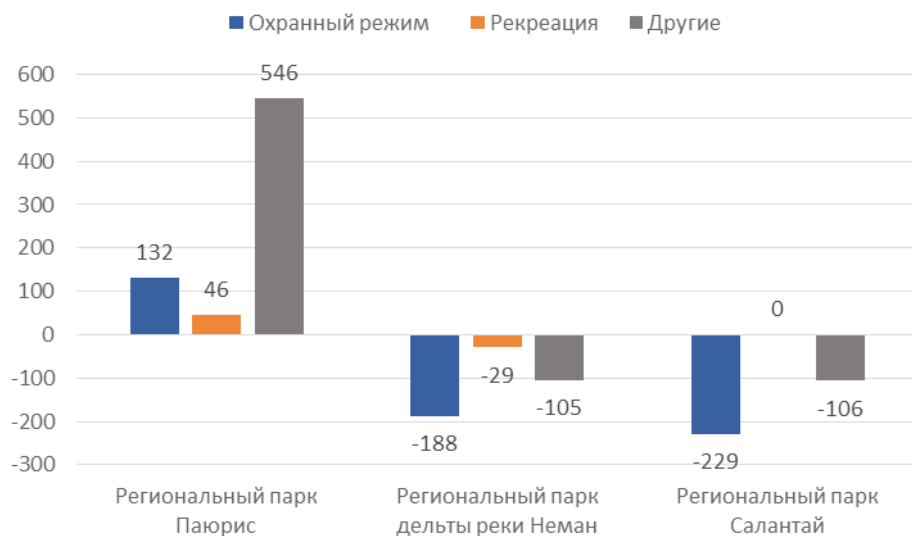

Рис. 5. Изменение численности населения в 2019 году по сравнению с 2001 годом в селах с разными приоритетными интересами в исследуемых региональных парках, %

Источник: составлено на основе данных, предоставленных старостами за 2019 год, и данных переписи населения 2001 года, а также на основе классификации населенных пунктов в соответствии с их функциональной приоритетностью.

Исходя из представленных данных, очевидно, что средние показатели произошедших изменений значительно разнятся, в частности в региональном парке Паюрис по сравнению с двумя другими наблюдается увеличение численности населения — в деревнях, имеющих природоохранное, рекреационное назначение и другие статусы, количество жителей возрастало, при этом в региональном парке Салантай и Неманском парке в деревнях с природоохранным статусом отмечено наибольшее

сокращение численности населения. Поселения в региональных парках Паюрис и дельты реки Неман получили рекреационный статус, что оказало наибольшее положительное воздействие на численность населения в них, поскольку ее сокращение в этих населенных пунктах было наименьшим. Рекреационная функция поселений в анализируемых парках требует внимания и дальнейшего развития, в особенности в региональном парке Салантай, где рекреационная инфраструктура не развита вообще. В населенных пунктах, обладающих другими статусами, уменьшение численности населения было аналогичным в течение исследуемого периода как в региональном парке дельты Немана, так и в региональном парке Салантай. В сельское хозяйство в основном вовлечены жители территории регионального парка дельты Немана (от 30 до 70 % населения трудоспособного возраста в разных районах), при этом самая большая площадь сельскохозяйственных угодий простирается на территории Салантайского регионального парка. На территории регионального парка Паюрис нет традиционного сельскохозяйственного производства, так как он в основном покрыт лесами и прибрежными лугами.

В результате анализа интервью можно выделить некоторые факторы, которые могут быть охарактеризованы и как причины и / или как последствия ситуации, сложившейся в исследуемых региональных парках, что показано на рисунке 6.

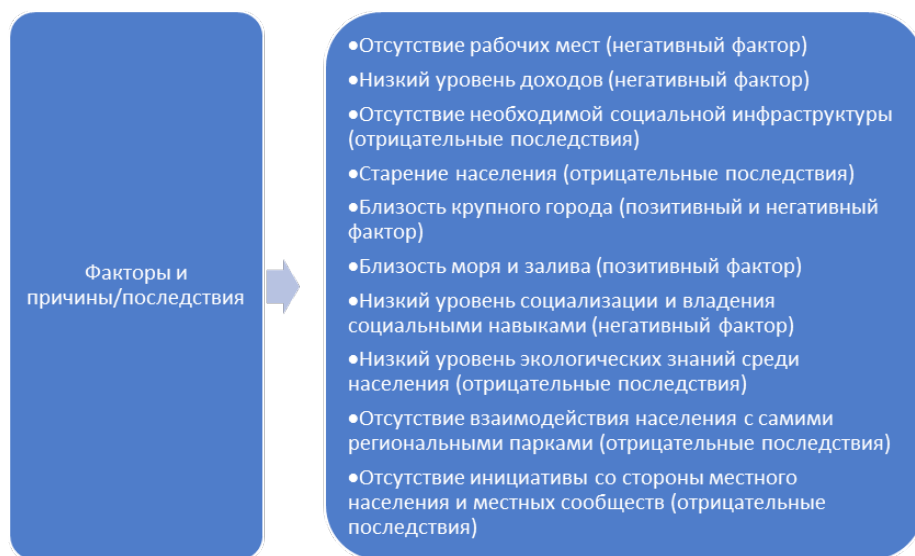

Рис. 6. Выявленные факторы и причины / последствия текущей ситуации с численностью населения сельских поселений в исследуемых региональных парках

Источник: по результатам интервью 2018 и 2020 годов.

Наиболее благоприятная ситуация сложилась в поселениях регионального парка Паюрис, где небольшое сокращение численности населения произошло только в двух поселениях, обладающих рекреационным статусом, а также в одном поселении с природоохранным статусом, при этом в остальных поселениях с аналогичными статусами был зарегистрирован незначительный рост населения. Прирост может быть обусловлен совместными действиями и активным сотрудничеством между региональным парком и местным сообществом деревни Каркле, которая является одной из крупнейших на территории и обладает природоохранным и рекреационным статусом. Необходимо, чтобы в деятельность регионального парка была

также вовлечена деревня Немирсета с населением почти 300 человек, большинство из которых — молодые семьи, что обеспечит лучшее понимание жителями парков миссии и функции этого парка. Региональным парком Паюрис должны быть инициированы мероприятия по экологическому просвещению в других населенных пунктах парка. В парке уже проложена экологическая природная тропа «Литорина», а также имеются спортивные и оздоровительные маршруты.

Более сложная ситуация сложилась в двух других региональных парках. Есть надежда, что в региональном парке Салантай взаимодействие руководства парков и местных жителей будет развиваться в том случае, если парк организует больше инициатив, вовлекая местных жителей, школы и общины в различные мероприятия.

Региональный парк дельты реки Неман приглашает местные сообщества принять участие в мероприятиях по охране окружающей среды, но такое сотрудничество, вероятно, является недостаточным, так как многие жители не понимают задач регионального парка даже в населенных пунктах, в которых установлен рекреационный режим.

Эти парки имеют возможность осуществлять образовательную функцию. Для студентов и преподавателей, а также для широкой аудитории, посещающей региональные парки Неманский и Салантай, были созданы познавательные путеводители. Разработаны три тематических обучающих урока (задания) для активного отдыха. В визит-центрах оборудованы экспозиции экологического просвещения, а во всех парках есть учебные тропы. Однако сотрудничество между администрациями региональных парков и образовательными учреждениями должно быть более ориентировано на совершенствование экологического образования.

По мнению администраторов 12 староств и согласно опыту исследований, перечень мер по улучшению существующей демографической ситуации в населенных пунктах региональных парков Клайпедского уезда может быть разработан как на уровне государства, так и на уровне муниципалитета / староства (рис. 7).

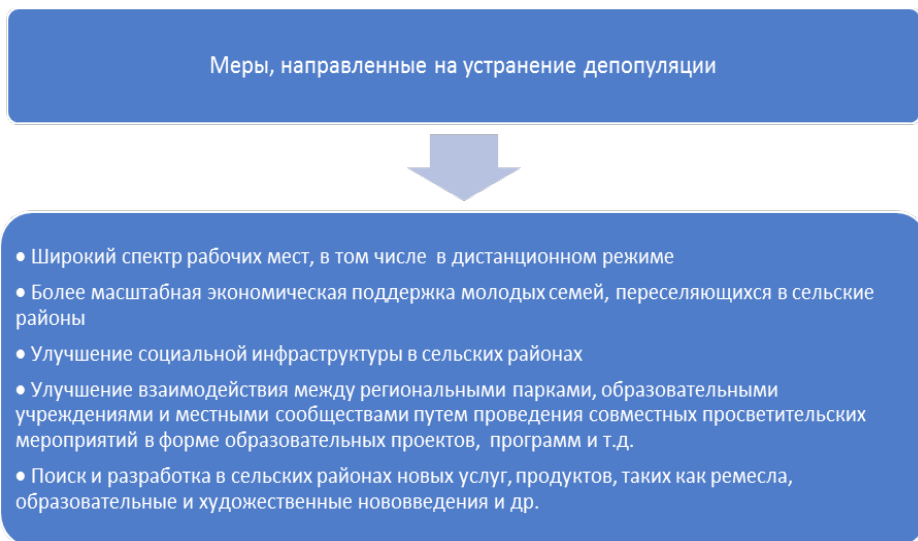

Рис. 7. Перечень мер, которые необходимо реализовать для улучшения текущей ситуации с депопуляцией в сельских районах трех исследуемых региональных парков

Источник: по результатам интервью, проведенных в 2018 и 2020 годах, и на основе эмпирической части исследований.

Устойчивые сельские ландшафты должны предоставлять посетителям комплексные услуги высокого экологического качества в сочетании с экономической и социальной выгодой для их жителей. С. Мюллер продемонстрировал разнообразие

зие оптимальных методов ведения сельского хозяйства, необходимых для обеспечения соответствующего природоохранного статуса различных типов местообитаний [36]. Можно считать развитие органического земледелия успешной мерой [37]. В исследуемых региональных парках находятся 5 органических фермерских хозяйств: 1 — в региональном парке Салантай, 4 — в региональном парке дельты Немана. В региональном парке Паюрис нет органических ферм, но существует устойчивое лесное хозяйство⁵, что также является фактором улучшения ситуации.

Развитие экотуризма дает путешественникам возможность ознакомиться с устойчивыми практиками и позволяет делиться этим опытом с согражданами, а также способствует защите окружающей среды, сохранению биоразнообразия и т.д. [38—42]. Образовательная функция, осуществляемая охраняемыми территориями, также имеет большое значение [43]. Таким образом, региональные парки выполняют не только сохраняющую функцию, приоритетным также является достижение целей, определенных Законом об охраняемых территориях Литвы, — создание условий для отдыха, в первую очередь для познавательного и экологического туризма, развитие экологического образования, продвижение органического земледелия или устойчивого лесного хозяйства и осуществление других функций для комплексного сохранения ландшафта и его ценностей. С другой стороны, меры по защите окружающей среды скорее оказали бы положительное влияние на местные рынки труда, если бы правила ведения бизнеса были смягчены [44].

Улучшение демографической ситуации — сложный и ресурсоемкий процесс. Его реализация не должна быть исключительной ответственностью правительства государства. Роль местных сообществ в возрождении населенных пунктов, находящихся под угрозой исчезновения, также имеет решающее значение. Авторы в исследовании [45] подчеркивают важность неформального планирования, проводимого институциональными агентами, такими как сельские сообщества, спортивные клубы, общественные организации и др. Неформальное планирование включает улучшение инфраструктуры и активизацию культурной жизни территории. Географическое расположение сельских поселений на территории страны или региона должно быть равномерным, а создание комплексной инфраструктуры должно сократить различия между сельскими и городскими территориями [46; 47]. Также важно, чтобы реальная финансовая поддержка местного населения дополняла меры стратегического планирования (снижение налогов, введение льгот или аналогичные меры) [35]. Таким образом, участие жителей в процессе управления укрепит их привязанность к месту, а в целом стремление осуществлять природоохранную деятельность, что будет стимулировать их вовлеченность в этот процесс [48].

Дискуссия и перспективы дальнейших исследований

Сравнение результатов двух переписей населения (1989-го и 2011 годов) позволяет сделать небольшой, но важный вывод: появилось несколько поселений или индивидуальных хозяйств с приростом населения, однако по всей Литве их всего около 130 [32]. На анализируемых территориях имеются две деревни с нулевым населением, которые некоторое время назад были вновь заселены, — Ворусне и Тамишкес в региональном парке дельты Немана.

Анализируя конкретные причины настоящего результата, стоит отметить прежде всего неэффективность или отсутствие взаимодействия между региональными парками, населением и местными сообществами. На изученных нами территориях зарегистрировано лишь несколько положительных примеров такого взаимодействия, в основном в региональном парке Паюрис. Возможно, что более тесное

⁵ Lietuvos erdvinės informacijos portalas. VĮ „GIS-Centras. URL: <http://www.geoportal.lt/lvi/> (дата обращения: 08.08.2020).

сотрудничество между региональными парками и местными сообществами, совместные проекты в области образования и развития сподвигнут людей, особенно молодые семьи, выбирать среду обитания в непосредственной близости от различных региональных парков. Руководство регионального парка играет решающую роль в представлении интересов участников взаимодействия и в налаживании этого взаимодействия [2]. Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется изучение ожиданий местных жителей, особенно молодежи, и анализ общественного мнения.

Выводы

1. В исследуемых региональных парках преобладают небольшие поселения. Основной поток приезжающих в эти населенные пункты — молодежь, однако они селятся там, где развита социальная инфраструктура — детские сады и школы. Такие учреждения есть не во всех поселках или деревнях с населением более 100 человек.

2. Региональный парк Паюрис уникален с демографической точки зрения, так как расположен в прибрежной зоне недалеко от портового города Клайпеды. Географическая привлекательность места и большие возможности для работы побуждают молодые семьи покупать жилье здесь, даже в условиях ограничения строительства жилья на территории с природоохранным статусом. Так, в 2001—2019 годах население регионального парка Паюрис увеличилось в 3,25 раза.

3. В региональном парке Салантай исчезающие деревни расположены недалеко от границ района, они удалены от его центра или от моря и поэтому не привлекательны для жителей. В 2019 году в сравнении с 2001 годом на территории этого парка были выявлены три опустевших населенных пункта. Кроме того, региональный парк Салантай потерял больше всего жителей, проживавших в заповедной зоне, по сравнению с другими региональными парками. Убыль населения может быть связана с ограничениями, налагаемыми статусом регионального парка на строительную и производственную деятельность.

4. В региональном парке дельты реки Неман сельскохозяйственная деятельность населения ограничена по причине затопления лугов. В результате фермеры могут вести на этой территории лишь ограниченную животноводческую деятельность. Такая ситуация непривлекательна для жителей, которые постепенно покидают села. С другой стороны, сфера рекреационных услуг в этом районе развивается, что может положительно сказаться на численности населения в будущем.

5. Отсутствие рабочих мест, низкий уровень доходов, отсутствие соответствующей социальной инфраструктуры и действие законодательных ограничений, связанных с деятельностью региональных парков, — главные отрицательные факторы, влияющие на сокращение численности населения во многих населенных пунктах. Ситуация представляется неудовлетворительной и по причине неразвитого взаимодействия местных сообществ и администраций региональных парков. Поэтому в целях ее улучшения необходимо стимулировать экологическое земледелие, устойчивое лесоводство и другие виды деятельности, более активно привлекать сотрудников региональных парков к взаимодействию со старостами, проводить большее число общественных мероприятий, а также осуществлять разработку различных совместных проектов, в особенности по экологическому просвещению, и организовывать экологические туры. Необходимо предпринимать соответствующие меры экономической поддержки в целях удержания местного населения в сельской местности.

Выражаем благодарность специалистам по ландшафту из региональных парков Салантай, Паюрис и дельты реки Неман, а также администрациям 12 староств Клайпедского уезда (Моседис, Кинтай, Кретингале, Русне, Имбаре, Юкнайчай, Картена, Скуодас, Кулупенай, Саугос, Салантай, Шилуте) за время, потраченное ими на заполнение наших анкет, и предоставление новейших данных о численности населенных пунктов и сельского населения.

Список литературы

1. Güler K., Kâhya Y. Developing an Approach for Conservation of Abandoned Rural Settlements in Turkey // *ITU A|Z Journal of Faculty of Architecture*. 2019. Vol. 16, № 1. P. 97—115. <https://doi.org/10.5505/itujfa.2019.48991>.
2. Martínez-Abraín A., Jiménez J., Jiménez I. et al. Ecological Consequences of Human Depopulation of Rural Areas on Wildlife: A Unifying Perspective // *Biological Conservation*. 2020. Vol. 252. P. 108860. <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2020.108860>.
3. Aleknavičius P., Aleknavičius M., Akelaitytė S. Lietuvos kaimo gyvenamųjų vietovių pokyčių tyrimai // *Journal of Architecture and Urbanism*. 2014. Vol. 38, № 2. P. 161—172. <https://doi.org/10.3846/20297955.2014.924284>.
4. Anokhin A., Kropinova E. G. Scientific and Practical Aspects of Organizing week-end Routes in the Natural Environment Using Technologies of Active tourism // *Service and Tourism: Current Challenges*. 2020. Vol. 14, № 2. P. 50—63. <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2020-10205>.
5. Bodesmo M., Pacicco L., Romano B., Ranfa A. The role of environmental and socio-demographic indicators in the analysis of land use changes in a protected area of the Natura 2000 Network: the case study of Lake Trasimeno, Umbria, Central Italy // *Environmental Monitoring and Assessment*. 2012. Vol. 184, № 2. P. 831—843. <https://doi.org/10.1007/s10661-011-2004-z>.
6. Grigsby M. Rural People and Communities in the 21st Century: Resilience and Transformation. By David L. Brown and Kai A. Schafft Polity. 2011. 224 pages // *Social Forces*. 2014. Vol. 93, № 2. P. e59. <https://doi.org/10.1093/sf/sos042>.
7. Karlsson L., Rydén I., Sepp K. Introduction // *Rural Development and Land Use* / eds.: I. Karlsson, L. Rydén. Uppsala University, 2012. P. 11—20. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:603529/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).
8. Pedrolí B., Correia T. P., Primdahl J. Challenges for a Shared European Countryside of Uncertain Future. Towards a Modern Community-based Landscape Perspective // *Landscape Research*. 2016. Vol. 41, № 4. P. 450—460. <https://doi.org/10.1080/01426397.2016.1156072>.
9. Primdahl J., Andersen E., Swaffield S., Kristensen L. Intersecting Dynamics of Agricultural Structural Change and Urbanisation within European Rural Landscapes: Change Patterns and Policy Implications // *Landscape Research*. 2013. Vol. 38, № 6. P. 799—817. <https://doi.org/10.1080/01426397.2013.772959>.
10. van Vliet J., de Groot H. L. F., Rietveld P., Verburg P. H. Manifestations and Underlying Drivers of Agricultural Land use Change in Europe // *Landscape and Urban Planning*. 2015. № 133. P. 24—36. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2014.09.001>.
11. Woods M. Rural geography: Processes, responses and experiences in rural restructuring. SAGE Publications Ltd, 2011. <https://doi.org/10.4135/9781446216415>.
12. Zariņa A., Vinogradovs I., Šķiņķis P. Towards (dis)continuity of Agricultural Wetlands: Latvia's Polder Landscapes after Soviet Productivism // *Landscape Research*. 2018. Vol. 43, № 3. P. 455—469. <https://doi.org/10.1080/01426397.2017.1316367>.
13. Hoffman D. M. Parks, Proxies, and People Ideology, Epistemology, and the Measurement of Human Population Growth on Protected Area Edges // *Environment and Society: Advances in Research*. 2017. Vol. 8, № 1. P. 161—179. <https://doi.org/10.3167/ares.2017.080108>.
14. Joppa L. Population Change in and around Protected Areas // *Journal of Ecological Anthropology*. 2012. Vol. 15, № 1. P. 58—64. <http://dx.doi.org/10.5038/2162-4593.15.1.4>.
15. Anokhin A., Kropinova E. Principles of Sustainable Development for Rural Tourism Synergy // *E3S Web of Conferences*. Vol. 208, № 05017. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020805017>.
16. Kriaučiūnas E. Lietuvos kaimo gyvenviečių tinklo kaitos ypatumai 1989—2011 metais // *Kaimo raidos kryptys žinių visuomenėje*. 2013. № 1. P. 53—60. URL: <https://talpykla.elaba.lt/elaba-fedora/objects/elaba:6228361/datastreams/MAIN/content> (дата обращения: 07.08.2020).

17. *Bučienė A., Gadal S., Galinienė J., Gailius V.* The geographic-retrospective analysis of landscape in Žemaičių Naumiestis ward // *Geologija Geografija*. 2017. T. 3 (1). P. 25–36.
18. *Csapó T., Balogh A.* Development of the Settlement Network in the Central European Countries: Past, Present, and Future. Springer Science & Business Media, 2011.
19. *Paniagua A.* Local people unprotected by protected (depopulated) natural areas: the case of Sierra Norte Guadalajara, Spain // *GeoJournal*. 2018. Vol. 83, № 5. P. 993–1004. <https://doi.org/10.1007/s10708-017-9813-8>.
20. *Rodríguez-Rodríguez D., Larrubia R., Sinoga J.D.* Are Protected Areas Good for the Human Species? Effects of Protected Areas on Rural Depopulation in Spain // *Science of the Total Environment*. 2021. Vol. 763. P. 144399. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.144399>.
21. *Baškytė R.* Saugomų teritorijų būklė ir jų ateitis // *Lietuvos saugomos teritorijos*. Vilnius, 2006. P. 320–325.
22. *Juknevičiūtė A., Mierauskas P.* Saugomų teritorijų plėtra Lietuvoje: valdymo iššūkiai // *Darna* vystymosi strategija ir praktika. 2012. № 1(6). P. 78–92. URL: https://www.mruni.eu/upload/iblock/9f9/006_juknevičiute_mierauskas.pdf (дата обращения: 08.08.2020).
23. *Mierauskas P.* Suinteresuotų asmenų dalyvavimas Lietuvos saugomų teritorijų valdyme // *Socialinių mokslų studijos*. 2010. № 3 (7). P. 125–143. URL: <https://www.mruni.eu/upload/iblock/3f9/8mierauskas.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).
24. *Filipe M., de Mascarenhas J.M.* Abandoned Villages and Related Geographic and Landscape Context: Guidelines to Natural and Cultural Heritage Conservation and Multifunctional Valorization // *European Countryside*. 2011. Vol. 3, № 1. P. 21–45. <https://doi.org/10.2478/v10091-011-0002-3>.
25. *Jaszczak A., Kristianova K., Vaznonienė G., Žukovskis J.* Phenomenon of Abandoned Villages and its Impact on Transformation of Rural Landscapes // *Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development*. 2018. Vol 40, № 4. P. 467–480. <https://doi.org/10.15544/mts.2018.43>.
26. *Daugirdas V., Burneika D., Kriaučiūnas E. et al.* Lietuvos retai apgyvendintos teritorijos. Vilnius, 2013.
27. *Kriaučiūnas E., Ribokas G.* Šiaulių apskrities retai apgyvendintų teritorijų pokyčiai ir demografinės raidos ypatumai // *Ekonomika ir vadyba: aktualijos ir perspektyvos*. 2012. № 3 (27). P. 135–143. URL: <https://vb.mab.lt/object/elaba:6227695/> (дата обращения: 08.08.2020).
28. *Vaitekūnas S., Čepienė E.* Lietuvos kaimų sistema: koncepcija, skaičius, dydis, tankumas, kaita // 2014. № 2. P. 53–74. <http://dx.doi.org/10.15181/tbb.v67i2.846>.
29. *Baranauskienė V.* Kaimiškų teritorijų identifikavimo problema: Lietuvos seniūnijų atvejis // *Geografijos metraštis*. 2019. № 52. P. 5–72. <https://doi.org/10.5200/GM.2019.4>.
30. *Mlinkauskienė A.* Saugomų kaimo gyvenamųjų vietovių būklės pokyčiai regioniniuose parkuose // *Urbanistinė drieka: miesto ir kaimo sandūra*. Mokslo straipsnių rinkinys. IV Lietuvos urbanistinis forumas. 2010. P. 46–54. URL: <http://dpakademija.lt/stor/uploads/2013/07/2010-UF-leidiny.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).
31. *Carter G. L.* Population and society: an introduction. Cambridge, UK, 2016. P. 179–190.
32. *Kavoliūtė F.* Lietuvos gyvenamųjų vietovių vardų kaitos apžvalga (XX a. II pusė), ataskaita / Vilniaus Universitetas. Vilnius, 2017.
33. *Verkulevičiūtė-Kriukienė D., Bučienė A., Beteika L.* Changes in rural landscape status, functions and human factor: the case of transboundary Nemunas delta region // *Area*. 2017. Vol. 50, № 3. P. 353–363. <https://doi.org/10.1111/area.12383>.
34. *Butkutė J.* Kaimo gyvenviečių ir gyventojų skaičiaus, lytinės sudėties kaita 2001–2011 metais // *Geografija ir edukacija: mokslo almanachas*. 2014. № 2. P. 21–34.
35. *Jurevičienė J.* Kaimo kultūrinio kraštovaizdžio vertė // *Journal of Architecture and Urbanism*. 2010. Vol. 34, № 3. P. 113–119. <https://doi.org/10.3846/tpa.2010.11>.
36. *Muller S.* Appropriate Agricultural Management Practices Required to Ensure Conservation, Biodiversity of Environmentally Sensitive Grassland Sites Designated under Natura 2000 // *Agriculture, Agriculture Ecosystems & Environment*. 2002. Vol. 89. P. 261–266. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167880901002353> (дата обращения: 26.08.2020).

37. Halada L., Evans D., Carlos Romão C., Petersen J-E. Which Habitats of European Importance Depend on Agricultural Practices? // Biodiversity and Conservation. 2011. Vol. 20, № 11. P. 2365—2378. <https://doi.org/10.1007/s10531-011-9989-z>.

38. Lanier P. The positive impacts of ecotourism in protected areas // WIT Transactions on Ecology and The Environment. 2014. Vol. 187. P. 199—209. <https://doi.org/10.2495/ST140161>.

39. Minciu R., Pădurean M., Popescu D., Hornoiu R. Demand for Vacations / Travel in Protected Areas — Dimension of Tourists' Ecological Behavior // Amfiteatru Economic Journal. 2012. Vol. 14, № 31. P. 99—113. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/168749/1/aej-v14-i31-p099.pdf> (дата обращения: 26.01.2021).

40. Ristića D., Vukoičića D., Milinčić M. Tourism and sustainable development of rural settlements in protected areas — Example NP Kopaonik (Serbia) // Land Use Policy. 2019. Vol. 89, P. 104231. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.104231> (дата обращения: 30.03.2021).

41. Stronza A. L., Hunt C. A., Fitzgerald L. A. Ecotourism for Conservation? // Annual Review of Environment and Resources. 2019. Vol. 44, № 1. P. 229—53. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-101718-033046>.

42. Zolfani S. H., Sedaghat M., Maknoon R., Zavadskas E. K. Sustainable tourism: a comprehensive literature review on frameworks and applications // Economic Research-Ekonomiska Istraživanja. 2015. Vol. 28, № 1. P. 1—30. <https://doi.org/10.1080/1531677X.2014.995895>.

43. Abduganiev O. I., Abdurakhmanov G. Z. Ecological Education for the Purposes Sustainable Development // The American Journal of Social Science and Education Innovations. 2020. Vol. 2, № 8. P. 280—284. <https://doi.org/10.37547/tajssei/Volume02Issue08-45>.

44. Byström J., Müller D. K. Tourism labor market impacts of national parks. The case of Swedish Lapland // Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie. 2014. Vol. 58, № 2—3. P. 115—126.

45. Sysner J., Meijer M. Informal Planning in Depopulating Rural Areas. A Resource-based View on Informal Planning Practices // European Countryside. 2017. Vol. 9, № 3. P. 458—472. <https://doi.org/10.1515/euco-2017-0027>.

46. Burinskienė M., Lazauskaitė D. Mažų miestelių, bažnytkaimių, kaimo gyvenviečių perspektyvos // Urbanistinė drieka: miesto ir kaimo sandūra. IV Lietuvos urbanistinis forumas. 2010. P. 34—39. URL: <http://dpakademija.lt/stor/uploads/2013/07/2010-UF-leidiny.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).

47. Mickovic B., Mijanovic D., Spalevic V. et al. Contribution to the Analysis of Depopulation in Rural Areas of the Balkans: Case Study of the Municipality of Niksic, Montenegro // Sustainability. 2020. Vol. 12, № 8. P. 1—23. <https://doi.org/10.3390/su12083328>.

48. Mehnen N., Mose I., Strijker D. Governance and Sense of Place: Half a Century of a German Nature Park // Environmental Policy and Governance. 2013. Vol. 23. P. 46—62. <https://doi.org/10.1002/eet.1592>.

Об авторах

Даива Веркулевичюте-Крюкене, доктор наук, факультет социальных и гуманитарных наук, Клайпедский университет, Литва.

E-mail: verkuleviciute.daiva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0675-1879>

Ангелия Бучене, доктор наук, профессор, факультет социальных и гуманитарных наук, Клайпедский университет, Литва.

E-mail: angelijab@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5700-5820>

Эрика Чепиене, аспирант, факультет социальных и гуманитарных наук, Клайпедский университет, Литва.

E-mail: erikacepiene@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1536-2595>

DEPOPULATION OF COASTAL RURAL LITHUANIA: DO REGIONAL PARKS STABILISE THE SITUATION?

D. Verkulevičiūtė-Kriukienė

A. Bučienė

E. Čepienė

Klaipėda University
S. Neries g. 5, Klaipėda, LT-92227, Lithuania

Received 27 December 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-5
© Verkulevičiūtė-Kriukienė, D., Bučienė, A.,
Čepienė, E. 2021

Regional parks in Lithuania preserve the most valuable physical and cultural components of the landscape, NATURA 2000 habitats, etc. They are usually located in natural or semi-natural landscapes of rural areas. These territories, however, have a higher depopulation rate than urbanised districts. Still, conservation priority areas were expected to attract young families as permanent residents and make their population more stable. This study aims to investigate changes in the rural population in three regional parks of the Klaipėda county to determine the number of abandoned villages (with no residents) and vanishing ones (with a population < 5), as compared to territories with no conservation regime. The article examines migration as one of the determinants of depopulation. The analysis of national and local statistics, institutional documents, and structured interviews revealed that the conservation regime applied in regional parks did not necessarily encourage local people to stay or newcomers to arrive. Proximity to the sea and towns with developed social infrastructure remains a priority when looking for a residence in the countryside.

Keywords:

depopulation, disappeared villages, rural population, regional parks, conservation priority

References

1. Güler, K., Kâhya, Y. 2019, Developing an Approach for Conservation of Abandoned Rural Settlements in Turkey, *ITU A|Z Journal of Faculty of Architecture*, vol. 16, no. 1, p. 97–115, doi: <https://doi.org/10.5505/ituja.2019.48991>.
2. Martínez-Abraín, A., Jiménez, J., Jiménez, I., Ferrer, X., Llana, L., Ferrer, M., Palomero, G., Ballesteros, F., Galán, P., Oro, D. 2020, Ecological Consequences of Human Depopulation of Rural Areas on Wildlife: A Unifying Perspective, *Biological Conservation*, no. 252. doi: <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2020.108860>.
3. Aleknavičius, P., Aleknavičius, M., Akelaitytė, S. 2014, Lietuvos kaimo gyvenamųjų vietovių pokyčių tyrimai [Research of Changes of Rural Residential areas in Lithuania], *Journal of Architecture and Urbanism*, vol. 38, no. 2, p. 161–172. doi: 10.3846/20297955.2014.924284 (in Lithuanian).
4. Anokhin, A., Kropinova, E. G. 2020, Scientific and Practical Aspects of Organizing week-end Routes in the Natural Environment Using Technologies of Active tourism, *Service and Tourism: Current Challenges*, vol. 14, no. 2, p. 50–63. doi: 10.24411/1995-0411-2020-10205.
5. Bodesmo, M., Pacicco, L., Romano B., Ranfa, A. 2011, The role of environmental and socio-demographic indicators in the analysis of land use changes in a protected area of the Natura 2000 Network: the case study of Lake Trasimeno, Umbria, Central Italy, *Environmental Monitoring and Assessment*, 184. doi:10.1007/s10661-011-2004-z.

To cite this article: Verkulevičiūtė-Kriukienė, D., Bučienė, A., Čepienė, E. 2021, Depopulation of coastal rural Lithuania: do regional parks stabilise the situation?, *Balt. Reg.*, Vol.13, no 1, p. 90–111. doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-5.

6. Brown, D. L., Schafft, K. A. 2011, *Rural People and Communities in the 21st Century: Resilience and Transformation*, Cambridge, Polity, 224 p. doi: <https://doi.org/10.1093/sf/sos042>.
7. Karlsson, I., Rydén, L., Sepp, K. 2012, Introduction. In: Karlsson, I., Rydén, L. *Rural Development and Land Use*, The Baltic University Programme, Uppsala University, p. 11 – 20, available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:603529/FULLTEXT01.pdf> (accessed 25 January 2021).
8. Pedroli, B., Correia, T. P., Primdahl, J. 2016, Challenges for a Shared European Countryside of Uncertain Future. Towards a Modern Community-based Landscape Perspective, *Landscape Research*, vol. 41, no. 4, p. 450 – 460. doi: 10.1080/01426397.2016.1156072.
9. Primdahl, J., Andersen, E., Swaffield, S., Kristensen, L. 2013, Intersecting Dynamics of Agricultural Structural Change and Urbanisation within European Rural Landscapes: Change Patterns and Policy Implications, *Landscape Research*, no. 38, p. 799 – 817.
10. van Vliet, J., de Groot, H. L. F., Rietveld, P., Verburg, P. H. 2015, Manifestations and Underlying Drivers of Agricultural Land use Change in Europe, *Landscape and Urban Planning*, no. 133, p. 24 – 36. doi: 10.1016/j.landurbplan.2014.09.001.
11. Woods, M. 2011, *Rural geography: Processes, responses and experiences in rural restructuring*, SAGE Publications Ltd. doi: <https://www.doi.org/10.4135/9781446216415>.
12. Zariņa, A., Vinogradovs, I., Šķiņķis, P. 2018, Towards (dis)continuity of Agricultural Wetlands: Latvia's Polder Landscapes after Soviet Productivism, *Landscape Research*, vol. 43, no. 3, p. 455 – 469. doi: 10.1080/01426397.2017.1316367.
13. Hoffman, D. M. 2017, Parks, Proxies, and People Ideology, Epistemology, and the Measurement of Human Population Growth on Protected Area Edges. Environment and Society, *Advances in Research*, vol. 8, no 1., p. 161 – 179. doi: 10.3167/ares.2017.080108.
14. Joppa, L. 2012, Population Change in and around Protected Areas, *Journal of Ecological Anthropology*, vol. 15, no. 1, p. 58 – 64. doi: <http://dx.doi.org/10.5038/2162-4593.15.1.4>.
15. Anokhin, A., Kropinova, E. 2020, Principles of Sustainable Development for Rural Tourism Synergy, *E3S Web of Conferences*, vol. 208, no. 05017. doi: <https://doi.org/10.1051/e3s-conf/202020805017>.
16. Kriaučiūnas, E. 2013, Lietuvos kaimo gyvenviečių tinklo kaitos ypatumai 1989–2011 metais, *Kaimo raidos kryptys žinių visuomenėje* [The Particularities of Lithuanian Rural Settlement Network Alternations during the Period 1989–2011. Trends of Rural Development in the Knowledge Society], no. 1, p. 53 – 60, available at: <https://talpykla.elaba.lt/elaba-fedora/objects/elaba:6228361/datastreams/MAIN/content> (accessed 7 August 2020) (in Lithuanian).
17. Bučienė, A., Gadal, S., Galinienė, J., Gailius, V. 2017, The geographic-retrospective analysis of landscape in Zemaičių Naumiestis ward, *Geologija Geografija* [Geology Geography], vol. 3, no. 1, p. 25 – 36.
18. Csapó, T., Balogh, A. 2011, *Development of the Settlement Network in the Central European Countries: Past, Present, and Future*, Springer Science & Business Media, 105 p.
19. Paniagua, A. 2018, Local people unprotected by protected (depopulated) natural areas: the case of Sierra Norte Guadalajara, Spain, *GeoJournal*, no. 83, p. 993 – 1004. doi: <https://doi.org/10.1007/s10708-017-9813-8>.
20. Rodríguez-Rodríguez, D., Larrubia, R., Sinoga, J. D. 2021, Are Protected Areas Good for the Human Species? Effects of Protected Areas on Rural Depopulation in Spain, *Science of the Total Environment*, vol. 763, p. 1 – 9. doi: <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.144399>.
21. Baškytė, R. 2006, Saugomų teritorijų būklė ir jų ateitis, *Lietuvos saugomos teritorijos* [Status and future of protected territories, The protected territories of Lithuania], Vilnius, p. 320 – 325 (in Lithuanian).
22. Juknevičiūtė, A., Mierauskas, P. 2012, Saugomų teritorijų plėtra Lietuvoje: valdymo iššūkiai, *Darna vystymosi strategija ir praktika* [Development of protected areas in Lithuania: management challenges. Sustainable development strategy and practice], no. 1 (6), p. 78 – 92, available at: https://www.mruni.eu/upload/iblock/9f9/006_juknevičiute_mierauskas.pdf (accessed 8 August 2020) (in Lithuanian).
23. Mierauskas, P. 2010, Sinteresuotų asmenų dalyvavimas Lietuvos saugomų teritorijų valdyme, *Socialinių mokslų studijos* [Stakeholder Participation in the Management of Lithuanian Protected Areas, Societal studies], no. 3 (7). p. 125 – 143, available at: <https://www.mruni.eu/upload/iblock/3f9/8mierauskas.pdf> (accessed 8 August 2020) (in Lithuanian).
24. Filipe, M., de Mascarenhas, J. M. 2011, Abandoned Villages and Related Geographic and Landscape Context: Guidelines to Natural and Cultural Heritage Conservation and Multifunctional Valorization, *European Countryside*, vol. 3, no. 1, p. 21 – 45. doi: <https://doi.org/10.2478/v10091-011-0002-3>.

25. Jaszczak, A., Kristianova, K., Vaznonienė, G., Žukovskis, J. 2018, Phenomenon of Abandoned Villages and its Impact on Transformation of Rural Landscapes, *Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development*, vol. 40, no. 4, p. 467—480. doi: 10.15544/mts.2018.43.
26. Daugirdas, V., Burneika, D., Kriaučiūnas E., Ribokas G., Stanaitis A., Ubarevičienė R. 2013, *Lietuvos retai apgyvendintos teritorijos* [Sparsely populated territories in Lithuania], Vilnius (in Lithuanian).
27. Kriaučiūnas, E., Ribokas, G. 2012, Šiaulių apskrities retai apgyvendintų teritorijų pokyčiai ir demografinės raidos ypatumai, *Ekonomika ir vadyba: aktualijos ir perspektyvos* [Peculiarities of changes and demographic development of sparsely populated territories in Šiauliai county. Economics and Management: Current Issues and Perspectives], no. 3 (27), p. 135—143, available at: <https://vb.mab.lt/object/elaba:6227695/> (accessed 8 August 2020) (in Lithuanian).
28. Vaitekūnas, S., Čepienė, E. 2014, Lietuvos kaimų sistema: koncepcija, skaičius, dydis, tankumas, kaita, Tiltai [Lithuanian rural settlements system: conception, the number, size, density, location, changes, *Bridges*, no. 2, p. 53—74. doi: <http://dx.doi.org/10.15181/tbb.v67i2.846> (in Lithuanian).
29. Baranauskienė, V. 2019, Kaimiškų teritorijų identifikavimo problema: Lietuvos seniūnijų atvejis, *Geografijos metraštis* [The Problem of Identification of Rural Areas: The Case of Lithuanian Elderships, The Geographical Yearbook], no. 52, p. 5—72. doi: <https://doi.org/10.5200/GM.2019.4> (in Lithuanian).
30. Mlinkauskienė, A. 2010, Saugomų kaimo gyvenamųjų vietovių būklės pokyčiai regioniniuose parkuose. In: *IV Lietuvos urbanistinis forumas, Urbanistinė drieka: miesto ir kaimo sandūra* [Changes in the condition of protected rural settlements in regional parks. 4th Lithuanian Urban Forum. Urban sprawl: the junction of urban and rural], p. 46—54, available at: <http://dpakademija.lt/stor/uploads/2013/07/2010-UF-leidiny.pdf> (accessed 7 August 2020) (in Lithuanian).
31. Carter, G. L. 2016, *Population and society: an introduction*, Cambridge, UK, Polity Press, p. 179—190.
32. Kavolūtė, F. 2017, *Lietuvos gyvenamųjų vietovių vardų kaitos apžvalga (XX a. II pusė), ataskaita*, Vilniaus Universitetas, Geomokslų institutas, Geografijos ir kraštotvarkos katedra, Vilnius [Overview of change of names of residential settlements of Lithuania in the II part of XX c., report, Department of Geography and Landscape management, Institute of Geosciences, Vilnius university], 42 p. (in Lithuanian).
33. Verkulevičiūtė-Kriukienė, D., Bučienė, A., Beteika, L. 2017, Changes in rural landscape status, functions and human factor: the case of transboundary Nemunas delta region, *Area*, Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers). doi: <https://doi.org/10.1111/area.12383>.
34. Butkutė, J. 2014, Kaimo gyvenviečių ir gyventojų skaičiaus, lytinės sudėties kaita 2001—2011 metais, *Geografija ir edukacija: mokslo almanachas* [The variation of rural settlements and the number of residents as well as their composition by gender in 2001—2011, Geography and education: science almanac], no. 2, Vilnius, Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, p. 21—34 (in Lithuanian).
35. Jurevičienė, J. 2010, Kaimo kultūrinio kraštovaizdžio vertė, *Urbanistika ir architektūra* [Cultural Value of Agrarian Landscape, Town Planning and Architecture], vol. 34. no. 3, p. 113—119. doi: <https://doi.org/10.3846/tpa.2010.11> (in Lithuanian).
36. Muller, S. 2002, Appropriate Agricultural Management Practices Required to Ensure Conservation, Biodiversity of Environmentally Sensitive Grassland Sites Designated under Natura 2000, *Agriculture, Agriculture Ecosystems & Environment*, no. 89, p. 261—266, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167880901002353> (accessed 25 August 2021).
37. Halada, L., Evans, D., Carlos Romão, C., Petersen, J-E. 2011, Which Habitats of European Importance Depend on Agricultural Practices? *Biodiversity and Conservation*, no. 20, p. 2365—2378. doi: 10.1007/s10531-011-9989-z.
38. Lanier, P. 2014, The positive impacts of ecotourism in protected areas, *WIT Transactions on Ecology and The Environment*, no. 187, p. 199—209. doi:10.2495/ST140161.
39. Minciu, R., Pădurean, M., Popescu, D., Hornoiu, R. 2012, Demand for Vacations / Travel in Protected Areas — Dimension of Tourists' Ecological Behavior, *Amfiteatru Economic Journal*, no. 14 (31), p. 99—113, available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/168749/1/aej-v14-i31-p099.pdf> (accessed 26 January 2021).

40. Ristića, D., Vukoičića, D., Milinčić, M. 2019, Tourism and sustainable development of rural settlements in protected areas — Example NP Kopaonik (Serbia), *Land Use Policy*, no. 89, 104231, available at: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.104231> (accessed 30 March 2021).

41. Stronza, A. L., Hunt, C. A., Fitzgerald, L. A. 2019, Ecotourism for Conservation?, *Annual Review of Environment and Resources*, no. 44, p. 229—5. doi: <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-101718-033046>.

42. Zolfani, S. H., Sedaghat, M., Maknoon, R., Zavadskas, E. K. 2015, Sustainable tourism: a comprehensive literature review on frameworks and applications, *Economic Research-Ekonomika Istraživanja*, vol. 28, no. 1, p. 1—30. doi: <https://doi.org/10.1080/1531677X.2014.995895>.

43. Abduganiev, O. I., Abdurakhmanov, G. Z. 2020, Ecological Education for the Purposes Sustainable Development, *The American Journal of Social Science and Education Innovations*, no. 2 (8), p. 280—284. doi: <https://doi.org/10.37547/tajssei/Volume02Issue08-45>.

44. Byström, J., Müller, D. K. 2014, Tourism labor market impacts of national parks. The case of Swedish Lapland, *Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie*, vol. 58, no. 2—3, p. 115—126.

45. Syssner, J., Meijer, M. 2017, Informal Planning in Depopulating Rural Areas. A Resource-based View on Informal Planning Practices, *European Countryside*, vol. 9, no. 3, p. 458—472. doi: 10.1515/euco-2017-0027.

46. Burinskienė, M., Lazauskaitė, D. 2010, Mažų miestelių, bažnytkaimių, kaimo gyvenviečių perspektyvos. In: *IV Lietuvos urbanistinis forumas, Urbanistinė driekia: miesto ir kaimo sandūra* [Perspectives of small towns, church villages and rural settlements. 4th Lithuanian Urban Forum. Urban sprawl: the junction of urban and rural], p. 34—39, available at: <http://dpakademija.lt/stor/uploads/2013/07/2010-UF-leidinys.pdf> (accessed 7 August 2020) (in Lithuanian).

47. Mickovic, B., Mijanovic, D., Spalevic, V., Skataric, G., Dudic, B. 2020, Contribution to the Analysis of Depopulation in Rural Areas of the Balkans: Case Study of the Municipality of Niksic, Montenegro, *Sustainability*, no. 12(8), p. 1—23. doi: 10.3390/su12083328.

48. Mehnen, N., Mose, I., Strijker, D. 2013, Governance and Sense of Place: Half a Century of a German Nature Park, *Environmental Policy and Governance*, no. 23, p. 46—62. doi: <https://doi.org/10.1002/eet.1592>.

The authors

Dr Daiva Verkulevičiūtė-Kriukienė, Klaipėda University, Faculty of Social Sciences and Humanities, Lithuania.

E-mail: verkuleviciute.daiva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0675-1879>

Prof. Dr Angelija Bučienė, Klaipėda University, Faculty of Social Sciences and Humanities, Lithuania.

E-mail: angelijab@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5700-5820>

Erika Čepienė, PhD student, Klaipėda University, Faculty of Social Sciences and Humanities, Lithuania.

E-mail: erikacepiene@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1536-2595>

РАЗВИТИЕ ГЕОТУРИЗМА В ТРАНСГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕОНАСЛЕДИЯ (ПРИМЕР КУРШСКОЙ КОСЫ – ОБЪЕКТА ЮНЕСКО)

А.Ю. Анохин ¹

Е.Г. Кропинова ¹

Э. Спиряевас ²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Клайпедский университет, 92294, Литва, Клайпеда

Поступила в редакцию 15.03.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-6

© Анохин А. Ю., Кропинова Е. Г.,
Спиряевас Э., 2021

Рекреационная деятельность на особо охраняемых природных территориях (ООПТ) приобрела особую актуальность в эпоху ограничительных мер на международные туристические поездки. В результате еще больше обостряются требующие разрешения противоречия между задачами охраны и хозяйственного использования таких территорий. Цель работы — выявление путей оптимизации и модернизации рекреационной и просветительской деятельности применительно к национальным паркам как одной из форм ООПТ. Геотуризм рассматривается при этом как одна из устойчивых форм туризма, позволяющая сочетать природоохранную и рекреационную деятельность. Для достижения поставленной цели в исследовании решены следующие задачи: изучены наилучшие практики развития геотуризма на охраняемых природных территориях; выделен ресурсный потенциал для диверсификации мероприятий для экотуризма в ООПТ; разработан алгоритм создания экотура на основе геологического наследия как пример инновационной рекреационной деятельности, направленной на экообразование и просвещение. В качестве примера сохранения геонаследия авторами рассмотрена методика разработки геотура и предложен новый туристический маршрут «Геолого-геоморфологическая летопись Балтики», дающий возможность познакомиться с природой уникального геолого-геоморфологического образования, ландшафты которого были созданы в ходе долгих лет сосуществования человека и природы. Полевые исследования были проведены в рамках проекта программы приграничного сотрудничества Россия — Литва 2014—2020 годы «Экотуризм как инструмент сохранения природного и культурного наследия». Полученный алгоритм проектирования экологического маршрута (тропы) может быть использован другими национальными парками.

Ключевые слова:

геотуризм, геонаследие, экологический туризм, устойчивое развитие, методика разработки турмаршрута, Куршская коса, особо охраняемые природные территории, геолого-геоморфологические ресурсы Калининградской области, трансграничные исследования

Для цитирования: Анохин А. Ю., Кропинова Е. Г., Спиряевас Э. Развитие геотуризма в трансграничном регионе на основе использования геонаследия (пример Куршской косы – объекта ЮНЕСКО) // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 2. С. 112–128. doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-6.

Введение

В условиях пандемии коронавируса COVID-19 резко вырос спрос на внутренний туризм, что привело к массовому посещению туристами особо охраняемых природных территорий, особенно расположенных вблизи крупных городских агломераций или курортных местностей. Это обуславливает риски возникновения конфликта между природоохранной деятельностью, лежащей в основе функционирования территорий, подведомственных Министерству природы, и рекреационной деятельностью предприятий туризма. При этом в процессе поиска инноваций, сохраняющих природоохранные функции территории и удовлетворяющих возросшие запросы туристических организаций (и самостоятельных/неорганизованных туристов), оказываются необоснованно забытыми объекты, появившиеся много веков и даже тысячелетий назад, которые могут рассматриваться в качестве туристических. В научной литературе с 1980-х годов идут споры, имеет ли название «геотуризм» отношение к геологии, или все же речь должна идти о географии. В данной статье авторами показано, что геотуризм — это понятие как минимум трехкомпонентное. С одной стороны, речь идет о ресурсах, созданных самой природой, с другой — реализация этих маршрутов напрямую связана с географией (в том числе геоморфологией), исследованием живой и неживой природы, сохранением через развитие, исследование и рекреационное использование. Национальные парки являются наиболее универсальными особо охраняемыми природными территориями (ООПТ), где возможно сочетание функций образования, просвещения, изучения, рекреации и туризма. Геотуризм при этом может и должен выступать нишевым направлением природоориентированного туризма, нацеленного на устойчивое развитие туризма на ООПТ.

Одной из важнейших задач существования и деятельности ООПТ является экологическое образование и просвещение — трансляция накопленной изученной информации посетителям в рамках познавательных туристских мероприятий. Сегодня географические пространства особо охраняемых природных территорий представляют собой сложные многокомпонентные биогеоценозы, одной из неотъемлемых частей которых являются геологические структуры. Существуют различные представления о принципах функционирования ООПТ. В зарубежной литературе в последние годы активно используется термин «геотуризм», включающий географические и геологические аспекты. Наряду с ними, как нам видится, необходимо выделить рекреационный компонент, как целевой ориентир управленческой и деятельностиной подсистем в рамках функционирования ООПТ. Принимая во внимание исторически сформировавшийся сложный комплекс флористических и фаунистических компонентов, привязанных к определенным геологическим и геоморфологическим структурам и ландшафтам, а также историко-культурный потенциал и наследие территории, можно сформулировать представление о неразрывном единстве содержательного пространства ООПТ. В нормативных документах закреплено, что ключевыми задачами функционирования национальных парков как разновидности ООПТ являются сохранение, изучение природы и ограниченная рекреационная деятельность. Именно в указанной последовательности.

Национальный парк «Куршская коса» выбран в качестве объекта изучения не случайно. На протяжении продолжительного времени, как показывает анализ данных, посещаемость НП «Куршская коса» непрерывно растет. Этот рост сопровождается нарушением правил природопользования, превышением рекреационной емкости существующих туристических маршрутов. Все это снижает рекреационную и туристическую ценность посещения национального парка и практически исключает возможность экологического образования и просвещения, смещая фокус внимания на сам факт посещения объектов. Превышение рекреационной емкости оказывает влияние не только на туристическую привлекательность Куршской косы, но и на сохранность ландшафтов, природных объектов, а также на их функционирование.

Таким образом, возникает противоречие между основными задачами и принципами деятельности национального парка: высокая посещаемость, которая должна вести к повышению эффективности рекреационного эффекта, угрожает сохранности ценных биогеоценозов и вторично снижает рекреационный эффект. Дополнительной проблемой стало искажение самого рекреационного эффекта — фиксация на «посещении» вместо «экологического образования и ощущений». Одним из вариантов разрешения этого противоречия, как будет показано в статье, является изменение модели деятельности туриста на территории ООПТ и связанных с ней элементов информационного и инфраструктурного обеспечения.

Вопросам совершенствования рекреационной и просветительской деятельности через развитие на территории ООПТ новых видов туризма посвящена наша работа. Мировой опыт показывает, что геотуризм рассматривается при этом как одна из устойчивых форм туризма. Однако существование направления туризма возможно лишь на территориях, обладающих определенным потенциалом (в зарубежной литературе широкое распространение получили понятия «георесурсы» и «геонаследие»). Эти природные ресурсы (объекты) следует должным образом изучить, описать и адаптировать для широкой публики. Кроме того, необходимо разработать определенный маршрут. И здесь уже важно, чтобы это маршрут не затронул заповедные территории, что предполагает его сертификацию научными сотрудниками ООПТ, а также в ряде случаев и согласование Министерством природных ресурсов (в случае для Российской Федерации).

Поскольку перечисленные выше виды деятельности во многом совпадают с направлениями эколого-просветительской деятельности национальных парков, считаем целесообразным рассмотреть возможности для развития геотуризма на территории Куршской косы — объекта ЮНЕСКО. Соответственно, в качестве еще одной задачи в статье выступает разработка алгоритма создания такого туристического маршрута на примере национального парка «Куршская коса».

Геотуризм как актуальное направление использования природного наследия территории (геонаследия)

Концепция геотуризма прошла путь эволюции от способа вовлечения в туристическую деятельность природных территорий до создания сети геопарков — территорий с уникальными географическими объектами.

Геотуризм как отдельное направление туризма получил развитие в 1980—1990-е годы. Изначально он был связан в первую очередь с вовлечением в качестве объектов туризма рекультивированных территорий горных разработок. Английские истоки возникновения этого направления обозначил в своей работе Т. Хоз [1; 2]. Ему же, а также целому ряду других европейских ученых принадлежит обоснование связи между сохранением природного наследия и развитием геотуризма. Несмотря на то, что в Европе за последние пятнадцать лет различные ученые по разному трактовали понятие геотуризма, почти всегда это определение включало в себя изучение физических основ, средств интерпретации и продвижение геообъектов и геонаследия [3]. Например, М. Грей, говоря о природном наследии, использует термин георазнообразие, включая в это понятие разнообразие в живой и неживой природе. При выделении различных видов ценности георазнообразия (культурной, экономической, функциональной, научно-образовательной) геотуризм и рекреационную деятельность М. Грей относит к эстетической ценности [4]. Схожей позиции придерживается и Дж. Э. Гордон, отмечая, что оценка активов, ценностей и выгод геонаследия в рамках структуры услуг культурной экосистемы может способствовать более целостному подходу к геотуризму и указывая на связи между людьми, геонаследием и ландшафтом. Помимо результатов геоконсервации и экономической

отдачи для сообществ более широкие выгоды для участников включают улучшение здоровья и благополучия за счет эстетического и духовного обогащения, возможности для отдыха, физической активности, вдохновения, размышлений, приобретения научных знаний и подтверждения культурной самобытности [5, р. 14]. Ряд ученых посвятил свои работы обоснованию развития этого вида туризма как устойчивого направления [6; 7].

Начиная в 2001 года после создания под эгидой ЮНЕСКО сети глобальных геопарков¹ (UNESCO Global Geoparks) интерес исследователей в основном связан с изучением геотуризма как одной из форм их продвижения. Так, работа С. Юстис посвящена геопарку Шабли во Франции [8], а статья Р. Бесерра-Рамиреса и соавт. представляет собой характеристику геотуристических ресурсов геопарка вулканического региона Кампо-де-Калатрава в Испании [9]. Польские исследователи не только описывают существующие на территории их страны геопарки, но и обосновывают создание новых, например геопарк Каменный лес [10]. Румынские ученые предлагают развивать городской геотуризм на основе природного (река) и историко-культурного (крепость) наследия г. Орадя [11]. Оценка природного ресурсного потенциала и на ее основе зонирование территории Западного Казахстана для целей рекреации и туризма представляют собой актуальный подход к изучению развития геотуризма на особо охраняемых природных территориях в работе [12].

На примере геопарка ЮНЕСКО Торатау Ф. Р. Ардисламов формулирует понятие геопарка: «Геопарк — это управляемая территория, содержащая охраняемые объекты природного и историко-культурного наследия, уникальные геологические объекты и ландшафт и приспособленная под рекреационные, социальные и другие функции» [13]. Как видно из данного определения, целевой установкой существования геопарка являются уже не только изучение и охрана, но и рекреационные процессы.

В России тема, рассматриваемая в статье, изучена не столь основательно. Исследования о природном наследии и геотуризме в основном привязаны к горным местностям. Так, Н. П. Соболева рассматривает георесурсы туризма и обосновывает актуальность их использования для обеспечения устойчивого развития Республики Алтай [14]. Для этой же горной системы А. Г. Редькин и О. В. Отто предложили создание геопарка как нового направления туризма [15]. Основные работы российского теоретика геотуризма проф. Д. Рубана большей частью выполнены на примере Северного Кавказа [16; 17]. Особый интерес для нашего исследования представляет его статья «Геоконсервационные организации и управленческое обеспечение их эффективной деятельности в контексте парадигмы использования особо охраняемых природных территорий», где обозначены приоритеты геоконсервационной деятельности и сформулированы необходимые управленческие решения по ее реализации [18].

На территории Калининградской области научные исследования в основном направлены на геоэкологические аспекты природопользования и проблемы берегозащиты. Это во многом связано со сложившейся научной школой геоэкологов и географов БФУ им. И. Канта [19—21].

В Литве Закон о туризме был введен в действие в 1998 году, а последнее обновление было внесено в 2015 году². До настоящего времени понятие «геотуризм» законодательно не определено. Существовали его разные интерпретации, связан-

¹ *Unesco Global Geoparks: celebrating earth heritage, sustaining local communities*. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247511> (дата обращения: 10.02.2021).

² *Lietuvos Respublikos Turizmo įstatymas*. 1998 m. kovo 19 d. Nr. VIII-667. Vilnius. 2015. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.52605/UcYTjnXOfo> (дата обращения: 10.02.2021).

ные с процессами развития туризма в природных парках, прибрежных зонах, на ландшафтах с различными геоморфологическими и геологическими формациями. Определение геотуризма содержится в технико-экономическом обосновании «Развитие водного туризма и устранение навигационных препятствий на водосборе Куршского залива» [22], в котором говорится, что геотуризм — путешествия с целью наблюдения за визуально и научно интересными ландшафтными формами, за морфологическими, климатическими и гидрографическими процессами, а также привлекательными объектами культурного наследия, подвергшимися влиянию физических процессов.

В Литве определения и концепции геотуризма тесно связаны с экотуризмом и природным туризмом, но отдельная концепция геотуризма все еще не получила должного обоснования ни в прикладных туристических исследованиях, ни в стратегиях развития туризма.

В развитие идей географии как комплексной науки, а также вслед за Географическим обществом под геотуризмом авторы понимают туризм, который поддерживает или усиливает отличительный географический характер места — его окружающую среду, наследие, эстетику, культуру и благополучие жителей³.

Задачами геотуризма в зависимости от формы его организации могут быть повышение экологической культуры, углубление и систематизация знаний о геологии и геоморфологии в рамках школьной программы, реализация собственных исследований школьников по краеведению, оздоровление и организованная рекреация [23, р. 2].

В качестве ключевых объектов показа в предлагаемом нами геотуре из имеющейся научной литературы были выбраны перечисленные ниже ландшафты косы и их исторические и геоморфологические аспекты. Основное содержание информации следующее.

Важные вехи геолого-геоморфологической истории. После окончания Валдайского оледенения на данной территории сформировалась моренная волнистая равнина, которую пересекала холмистая гряда. На месте нынешнего Балтийского моря последовательно располагались следующие водоемы: холодное Балтийское Ледниковое озеро, затем соленое Иольдиево море, после него — теплое Анциловое озеро, а после открытия проливов между ним и Мировым океаном — Литоринное море. Формирование тела Куршской косы определяется последовавшей 6 тыс. лет назад трансгрессией Литоринного моря⁴. Около 5 тыс. лет назад, после затопления, плато в районе пос. Рыбачьего приобретает современную форму и местоположение. Составляющие его острова меняли свои очертания и увеличивались; между ними образовывались песчаные отмели, которые постепенно закрывали морены. На островах сформировалась песчаная равнина, а на ней — дюны, движимые ветром. Их рост и перемещение, а также неравномерная нагрузка на основание косы привели к уникальному геологическому феномену — выдавливанию из-под дюнных песков лагунных осадочных пород с древними моллюсками. Отмирание и накопление растительности привели к образованию лесной почвы, в которой археологи находят следы пребывания древних людей.

³ *Geotourism* // National Geographic. URL: <https://www.nationalgeographic.com/maps/topic/geotourism> (дата обращения: 10.02.2021).

⁴ *Материалы* комплексного экологического обследования участков акватории Балтийского моря, обосновывающие придание этой акватории статуса охранной зоны национального парка «Куршская коса». Проект BASE «Выполнение Россией Плана действий ХЕЛКОМ по Балтийскому морю». URL: <https://helcom.fi/media/publications/Extension-of-the-marine-protected-zone-of-the-Curonian-Spit-Final-Report-in-Russian.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).

Методы и методология

При изучении наилучших практик развития геотуризма на охраняемых природных территориях авторы использовали библиографический метод, позволивший проследить эволюцию концепции геотуризма от зарождения этого понятия за рубежом до его использования российскими исследователями. Целеполагание как метод было применено при выявлении потенциала экотуризма в пределах особо охраняемых природных территорий. Для оптимизации процесса инновационной рекреационной деятельности, направленной на экообразование и просвещение, был использован метод моделирования, с помощью которого разработан алгоритм, позволяющий предусмотреть стадии (этапы) создания экомаршрута. Новый маршрут прошел апробацию в ходе реализации активной части проекта Экотур4Натур (Экотуризм как инструмент для сохранения природного и культурного наследия). Для разработки маршрута было организовано несколько мини-экспедиций (метод полевых исследований) в 2020—2021 годах, во время которых на российской территории Куршской косы были изучены 10 природных и 10 культурно-исторических объектов (35—40-й километры нацпарка) и 20 объектов на территории Литвы в окрестностях Ниды. Кроме того, были использованы архивные и исторические материалы. Оценка территории и проложение маршрута (маршрутирование) проводились на основе общедоступных Google-карт с использованием ГИС-технологий.

Результаты исследования

Основной формой организации экологического просвещения и знакомства с природными и культурными достопримечательностями ООПТ является экологическая тропа. Экотропа представляет собой оборудованный маршрут для передвижения туристов, их знакомства с уникальными природными объектами и достопримечательностями. Инфраструктурное оборудование тропы снижает нагрузку на экосистему, а информационное (щиты и аудиогиды) позволяет более полно ознакомиться с объектами показа. Содержание троп может быть ландшафтным, ботаническим, зоологическим, гидрологическим, а также комплексным.

В ходе реализации международного проекта «Экотуризм как инструмент сохранения природного и культурного наследия» нами показано, что на многочисленных экскурсиях по национальному парку «Куршская коса» слабо освещаются вопросы геоморфологии Куршской косы, чрезвычайно важные для обеспечения ее экологической безопасности. Кроме того, в туристических потоках на территории национального парка «Куршская коса» преобладают неорганизованные туристы. Так, по информации пресс-службы парка⁵, за 3 летних месяца 2020 года на его территорию прибыло 844 автобуса с 20 тыс. туристов, составивших организованные группы, а всего национальный парк ежегодно посещают более 500 тыс. человек, и большая их часть — самодельные (неорганизованные) туристы. Несмотря на планомерную работу администрации парка по разработке и обустройству новых экологических маршрутов, сотрудники национального парка ежегодно выявляют сотни нарушений природоохранного режима ООПТ.

В проведенном нами исследовании по геоморфологии Куршской косы был разработан алгоритм создания экологической тропы «Геолого-геоморфологическая летопись Балтики», всесторонне обеспечивающей защиту этого уязвимого к механическим нарушениям рельефа уникального памятника природы (рис. 1).

⁵ *Посещение нацпарка «Куршская коса» подорожает до 300 рублей // Интерфакс. 2020. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/75028/> (дата обращения: 10.04.2021).*

Рис. 1. Алгоритм создания маршрута геотура в ООПТ

Прежде всего определяются цели и задачи конкретного экомаршрута. Ориентирами при этом являются особенности экосистемы, набор достопримечательностей, а также социальный заказ. Цели и задачи нашего маршрута определялись с учетом основной природной ценности Куршской косы — уникального геоморфологического образования, созданного отступающим ледником, ветрами, течениями. Привлечение внимания к этим особенностям косы позволит, на наш взгляд, во-первых, создать представление о косе как об уникальном и уязвимом ландшафте, нуждающемся в защите и бережном обращении, а во-вторых, посетителям более глубоко познакомиться с научными данными по геоморфологии косы и в ряде случаев реализовать свои несложные исследовательские проекты.

Виды туризма в пределах рассматриваемой территории. Авторами были выделены виды туризма на Куршской косе, получившие распространение (или перспективные для развития) в пределах населенных пунктов и прилегающих к ним территорий (табл. 1), исходя из имеющихся ресурсов.

Как видно из таблицы 1, геотуризм является одним из наиболее перспективных в пределах ООПТ. Его развитие возможно в 6 из 8 населенных пунктов.

В ходе проведенного исследования для включения в трансграничный маршрут «Геолого-геоморфологическая летопись Балтики» были выбраны наиболее интересные с точки зрения геологии и геоморфологии объекты.

Объекты геотуризма на литовской части Куршской косы. Литовская часть национального парка «Куршская коса» (лит. Kurši nerijos nacionalinis parkas) — хороший образец для проведения исследований и наблюдений за геотуристическими образованиями и процессами. Наиболее важные объекты — дюна Парнидис в Ниде (недалеко от границы с Калининградской областью), территориальный комплекс «Мертвые дюны», расположенный в заповеднике Нагляй недалеко от Юодкранте, «Холм ведьм» в Юодкранте, песчаные холмы в Смильгине (в северной части Куршской косы)⁶.

⁶ Lietuvos gamtinė geografija // Eidukevičienė / ed. M. Sudarytoja. Klaipėda, 2013. P. 331.

Таблица 1

Виды туризма в пределах туристических зон Куршской косы

Ареал	Природный туризм	Экологический туризм	Культурный туризм	Прибрежный туризм	Водный туризм	Любительское рыболовство	Историческое наследие	Геотуризм
Литва								
Алкснине (Alksnynė)	-	+	-	-	-	-	+	-
Юодкранте (Juodkrantė)	+	+	+	+	+	+	+	+
Первалка (Pervalka)	-	-	-	+	+	+	-	+
Прейла (Preila)	-	-	-	+	+	+	-	+
Нида (Nida)	+	+	+	+	+	+	+	+
Россия								
Морское	+	-	-	+	+	+	-	+
Рыбачий	+	+	+	+	+	+	+	+
Лесное	-	-	-	+	+	+	+	-
Визит-центр, 14-й км косы	+	+	+	+	+	-	+	-

Миграция песчаных дюн — это длительный геоморфологический процесс, который происходит в основном вдоль побережья Куршского залива. Формы различных вершин дюн, естественно сформированные склоны и песчаные долины, эндемичная и эфемерная флора привлекают внимание экотуристов и других посетителей, которые стремятся познакомиться с ландшафтом и самыми уникальными геоморфологическими образованиями в Северной Европе⁷ [24]. Отметим, что из-за естественных геоморфологических процессов многие поселки были занесены песком и их приходилось переносить на другое место, например Нида.

Другой привлекательный ландшафт, представляющий интерес для геотуризма, — это профиль дна и водный пейзаж Куршского залива. В литовской части лагуны преобладают отмели и водные ландшафты с разной глубиной, что неудобно для судоходства, поскольку формирование отмелей — это постоянный процесс, на который влияет ветровой перенос песков в акваторию Куршского залива [25]. Вдоль берегов лагуны в непосредственной близости от природного заповедника Нагляй расположены скопления сапропеля.

Самое широкое место литовской части Куршской косы находится у рога Бульвикиса — 3,8 км, а самое узкое место — в пос. Лесном — 380 м.

Объекты геотуризма на российской части Куршской косы. В соответствии с разработанным авторами алгоритмом создания экологического маршрута (рис. 1) в рамках международного проекта «Перекрестное наследие» было осуществлено проектирование геоморфологического экомаршрута в окрестностях пос. Рыбачьево. В ходе апробации и прохождения маршрута были отобраны различные объекты.

Важным объектом разработанного экомаршрута на российской части является озеро Чайка. Это самое крупное из озер Куршской косы, его площадь составляет 0,22 км². Ранее на озере располагалась крупная колония чаек — более 800 пар. Озе-

⁷ Lietuvos saugomos teritorijos. Lututė, 2006. P. 325.

ро вытянуто с запада на восток на 1420 м. Средняя его глубина — 0,4 м, максимальная — 1,5 м. Флора озера Чайка представлена 105 видами сосудистых растений. Видовой состав ихтиофауны относительно беден. Преобладают карась, линь, щука, вьюн, колюшка.

Следующий объект экомаршрута — пальве (с прусск. — пустошь). По происхождению пальве представляет собой эолово-морскую аккумулятивную равнину. Вероятно, она образовалась из регрессивной морской террасы, включающей серию береговых валов, которые впоследствии надстраивались авандюнами [26].

Важным элементом любой природной экосистемы является почвенный покров. Основные почвообразующие породы на косе — это эоловые кварцевые пески различного гранулометрического состава. Мощность песчаных отложений колеблется в широких пределах — от полуметра до десятков метров. Другим источником формирования почв стали валунные карбонатные суглинки, образующие на косе бурые лесные почвы⁸. Важная особенность косы — наличие наряду с полнопрофильными неполноразвитых почв. Полнопрофильные почвы располагаются в начальной части экомаршрута. Это бурые лесные оподзоленные, культурные почвы в окрестностях пос. Рыбачево. Их площадь в пределах всей косы не превышает 5 %. Сформировались эти почвы на моренных карбонатных суглинках, историческим растительным покровом которых были дубравы. Освоенные с XIII века под пашню, сенокосы и пастбища, благодаря деятельности человека они получили мощный пахотный слой. Значительную территорию косы — около 15 % — слагают неполноразвитые почвы, представленные полужакрытыми песками. Эти почвы располагаются на авандюнах и дюнных грядах. Их растительный покров представлен травами-псаммофитами, ксерофитами, ивняками с пятнами мхов и лишайников. Эти почвы маломощные — до 20 см. Почти на 20 % площади НП «Куршская коса» почвенный покров не сформирован.

Наиболее уникальным и значимым компонентом ландшафта Куршской косы является авандюна, которая была создана человеком в XIX веке. Авандюна представляет собой природно-антропогенную зону современной эоловой аккумуляции. На Куршской косе авандюны представлены двумя формами. Первая — узкая полоса песчаных холмов с равнокрутыми склонами, обращенными к суше и к морю. Вторая — плоские песчаные террасы, прислоненными к мористому склону более древнего дюнного вала. Ширина авандюны составляет 10—20 м, высота — 4—6 м. Специфика авандюн проявляется и в видовом составе растительности. Здесь в основном произрастают злаки и псаммофиты, тогда как для более древних эоловых образований характерны древесные и кустарниковые растения. Вследствие создавшегося в настоящее время дефицита наносов на отдельных участках происходит деградация авандюн в форме дефляционных коридоров. При этом пляжные пески затягиваются в глубь суши в форме крупных языков, длина которых достигает 50—100 м. В литературе они описываются под термином «дефляционные котловины» [27]. Е.М. Бурнашов и К.В. Карманов, исследовав 333 котловины, классифицировали их на 6 групп. Иногда котловины изгибаются, что связано с наличием на поверхности авандюны участков, закрепленных густой кустарниковой или травянистой растительностью, которые менее подвержены выдуванию, чем незакрепленные. В этом случае ветер, двигаясь в котловине по наименьшему сопротивлению, обгибает препятствия, создавая изогнутые формы (крючки, полумесяцы и др.) [27]. На авандюне нами был обнаружен и предложен к включению в маршрут редкий вид вытянутой поверхностной дефляционной котловины (рис. 2).

⁸ *Материалы* комплексного экологического обследования участков акватории Балтийского моря, обосновывающие придание этой акватории статуса охранной зоны национального парка «Куршская коса». Проект BASE «Выполнение Россией Плана действий ХЕЛКОМ по Балтийскому морю». URL: <https://helcom.fi/media/publications/Extension-of-the-marine-protected-zone-of-the-Curonian-Spit-Final-Report-in-Russian.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).

Рис. 2. Поверхностная дефляционная котловина (фото А.Ю. Анохина)

Планирование маршрута. На следующем этапе с учетом расположения целевых объектов, а также природоохранных требований осуществляется планирование трассы маршрута. При возможности использования разных способов передвижения уточняются маршруты для каждого из них.

В ходе первого этапа проекта было проведено планирование российской трассы маршрута и предложен его вариант (рис. 3).

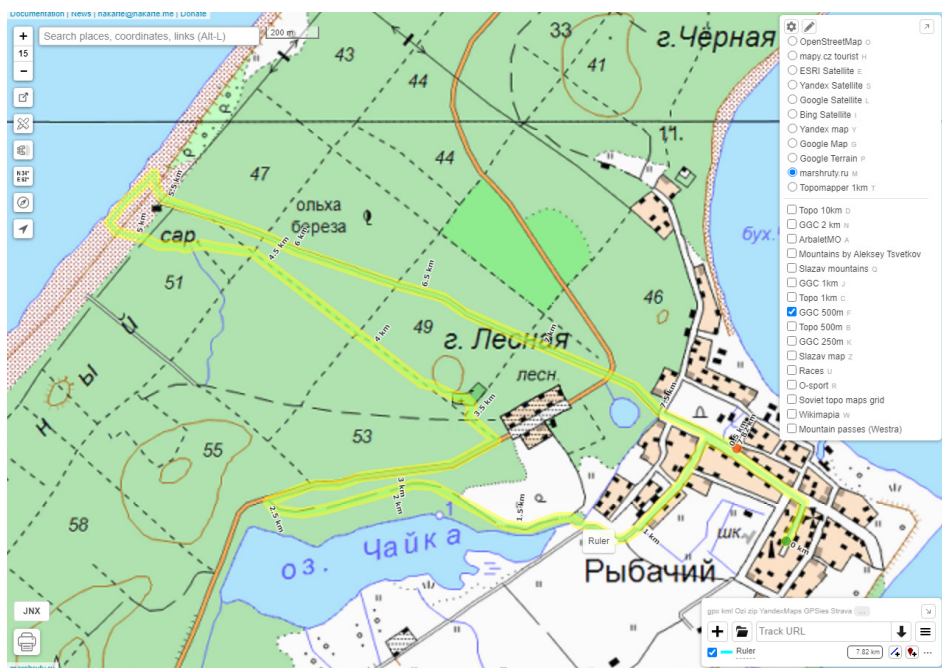

Рис. 3. Трасса экомаршрута по НП «Куршская коса»

Маршрут начинается в пос. Рыбачьем от здания музея, который создается в рамках данного проекта. Далее маршрут по имеющейся грунтовой дороге идет вдоль северной оконечности озера Чайка, затем вдоль шоссе, по лесным дорогам сквозь пальме до авантюны. Далее по морскому пляжу маршрут выходит к грунтовой дороге и возвращается в пос. Рыбачий.

Научная новизна маршрута, его качественное отличие от имеющихся маршрутов на косе предполагают более точный выбор целевой группы. Психология и педагогика оперируют таким понятием, как сензитивный период развития. Для базовых психических функций (восприятие, мышление, рефлексия, речь) это, как правило, 1—5-й годы жизни. В этом же возрасте через механизм интериоризации внешних социальных установок и правил формируются простые поведенческие проявления. Сложные поведенческие проявления, в число которых входит отношение к природе, формируются в младшем и среднем школьном возрасте. Потому главной целевой аудиторией форм экологического образования и воспитания на ООПТ будут школьники младших и средних классов, а также взрослые туристы, у которых структура ценностных ориентаций уже сформирована в достаточной степени и готова к когнитивным процессам взаимодействия с экосистемой. Информационное сопровождение маршрута планируется организовать в виде QR-кодов на имеющихся стендах, а также оффлайн-аудиогида, который можно будет скачать на сайте национального парка и других ресурсах.

Поскольку отдельные отрезки маршрута проходят по уязвимым элементам ландшафта (авандюна), параллельно проектируется инфраструктурное обеспечение — деревянные настилы.

Следующим этапом должно быть согласование инфраструктурного обеспечения маршрута с соответствующими службами ООПТ (Научно-техническим советом национального парка «Куршская коса»), их реализация и последующая апробация на целевой группе. Инструментами контроля качества маршрута могут быть методы анкетирования, тестирования или фокус-группового интервью. После апробации при необходимости проводится корректировка маршрута.

Следующий этап работы по проекту предполагает проработку литовской составляющей маршрута и объединение в единый туристический маршрут.

Дискуссия

Таким образом, основная задача или цель нашего исследования состояла в оценке соотношения природоохранных и рекреационных составляющих геотуризма как перспективного направления туристической деятельности на ООПТ. Выявление этих задач с учетом параметров конкретной ООПТ составляет важный научно-практический результат исследования, представленный в виде соотношения позитивных и негативных сторон развития геотуризма в ООПТ (табл. 2).

Дискуссионным по сей день остается и вопрос развития инфраструктуры в ООПТ. Как показано в таблице 2, развитие инфраструктуры и сервиса обладает определенной степенью негативного влияния на компоненты экосистемы. С другой стороны, оно стимулирует высокий уровень взаимодействия посетителей с экосистемой ООПТ — рекреацию с низким антропогенным воздействием, прогрессивные формы экологического образования и просвещения. Отсутствие инфраструктуры и сервиса определяют варварское, потребительское отношение к природным и иным ресурсам. Таким образом, развитие инфраструктуры познавательного и экологического туризма на ООПТ является оптимальным направлением использования этих территорий при условии соблюдения взвешенных и обоснованных критериев сохранения и использования конкретной экосистемы. По нашему мнению, не система запретов и ограничений, а трансляция природоохранных ценностей через методически и инфраструктурно опосредованные формы экологического образования и просвещения позволит в максимальной степени сохранить и развивать экосистему ООПТ. Внедрение новых туристических маршрутов, в том числе базирующихся на геонаследии, представляет собой значимую составляющую сохранения и устойчивого развития территорий с особым природоохранным статусом.

Таблица 2

Достоинства и недостатки развития геотуризма в ООПТ

Позитивные следствия развития	Негативные следствия развития
Сохранение природного и историко-культурного наследия территории, формирование инфраструктуры для знакомства с ним	Влияние инфраструктуры туристских маршрутов и обслуживающих процессов (транспорт) на компоненты природной среды
Сохранение и развитие культурного и туристского потенциала территории	Загрязнение окружающей среды отходами, производимыми туристами
Экологическое образование и просвещение, трансляция содержательных компонентов ООПТ через туризм	Превышение допустимой рекреационной нагрузки на экосистему с угрозой ее деградации или исчезновения
Развитие экономических показателей территории (рабочие места, генерация финансовых потоков, налоги в местные бюджеты)	Негативная динамика экосистемы ООПТ вследствие привнесения инвазивных видов растений, грибов, бактерий в результате туризма
Повышение уровня экологического образования местного населения через осознание экологического потенциала как ценности	Увеличение рисков пожаров, вандализма, уничтожения уникальных элементов экосистемы и других негативных видов антропогенного воздействия
Повышение культурно-образовательного уровня местного населения через его интеграцию в процессы туристско-экскурсионного обслуживания	Изменение уклада жизни местных сообществ, если он аутентичен или представляет собой культурную ценность

Выводы

Вслед за М.В. Зотовой и А.Б. Себенцовым, поднявшими рассматриваемый вопрос в 2017 году в сборнике трудов «В фокусе наследия», следует отметить противоречия между природоохранной и рекреационной деятельностью, возникающие на ООПТ. «Туризм и сохранение наследия часто считаются взаимодополняющими видами деятельности, так как именно наследие является одним из основных ресурсов развития туризма» [28, с. 479]. Вместе с тем современные ООПТ являются не просто территориями с охраняемыми биогеоценозами, а должны представлять собой сложный технологический комплекс, в котором синергетически, усиливая друг друга в тесном взаимодействии реализуются процессы охраны и изучения природного наследия, с одной стороны, и экологического образования и просвещения, рекреации — с другой. При отсутствии взаимодействия между этими процессами они представляют собой взаимоисключающие категории.

Указанное противоречие, по нашему мнению, можно разрешить методом проектирования инновационных, технологических, экологических средств и форм рекреации. Проведенное в рамках исследования изучение лучших практик развития геотуризма на охраняемых природных территориях позволило выявить основные методики трансляции экологического знания. На примере национального парка «Куршская коса» был изучен и проанализирован природный потенциал территории как базы развития технологий геотуризма. На его основе были созданы «точки роста», обеспечившие пространственную децентрализацию и содержательную дифференциацию форм и технологий рекреации. Также были сформулированы принципы и алгоритм создания качественно новых технологий рекреации и экологического образования. С помощью детального изучения и анализа природного потенциала нами был разработан алгоритм проектирования экологического маршрута (тропы). Его содержание включает аксиологический, когнитивный и воспи-

тательный аспекты экологического образования, интегрированные в аттрактивную рекреационную форму. Выявленные в ходе исследования ресурсный потенциал и деятельность других ООПТ позволяют говорить о возможности экстраполяции предложенной технологии на большинство национальных парков. Именно это позволяет на качественно новом уровне разрешить обнаруженное противоречие средствами инновационной модернизации рекреационной и просветительской деятельности национальных парков.

Список литературы

1. *Hose T. A.* The English Origins of Geotourism (as a Vehicle for Geoconservation) and Their Relevance to Current Studies // *Acta geographica Slovenica*. 2011. Vol. 51, № 2. P. 343—359.
2. *Hose T. A.* Editorial: Geotourism and Geoconservation // *Geoheritage*. 2012. 4 (1). P. 1—5.
3. *Hose T. A., Marković S. B., Komac B., Zorn M.* Geotourism — a short introduction // *Acta geographica Slovenica*. 2011. Vol. 51, № 2. P. 339—342.
4. *Gray M.* Geodiversity. Valuing and Conserving Abiotic Nature. Chichester, UK, 2004. URL: <https://geoduma.files.wordpress.com/2010/02/geodiversity.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
5. *Gordon J. E.* Geoheritage, Geotourism and the Cultural Landscape: Enhancing the Visitor Experience and Promoting Geoconservation // *Geosciences*. 2018. Vol. 8, № 4. doi.org/10.3390/geosciences8040136.
6. *Dowling R. K.* Global Geotourism — An Emerging Form of Sustainable Tourism // *Czech journal of tourism*. 2013. Vol. 2, № 2. doi:10.2478/cjot-2013-0004.
7. *Santangelo N., Valente E.* Geoheritage and Geotourism Resources // *Resources*. 2020. Vol. 9, № 7. doi: <https://doi.org/10.3390/resources9070080>.
8. *Justice S. C.* UNESCO Global Geoparks, Geotourism and Communication of the Earth Sciences: A Case Study in the Chablais UNESCO Global Geopark, France // *Geosciences*. 2018. 8 (5). doi.org/10.3390/geosciences8050149.
9. *Becerra-Ramírez R, Gosálvez R. U., Escobar E. et al.* Characterization and Geotourist Resources of the Campo de Calatrava Volcanic Region (Ciudad Real, Castilla-La Mancha, Spain) to Develop a UNESCO Global Geopark Project // *Geosciences*. 2020. Vol. 10, № 11. doi.org/10.3390/geosciences10110441.
10. *Zgłobicki W., Kukietka S., Baran-Zgłobicka B.* Regional Geotourist Resources — Assessment and Management (A Case Study in SE Poland) // *Resources*. 2020. Vol. 9, № 2. doi.org/10.3390/resources9020018.
11. *Badiali F., Ilieş D., Castaldini D.* A tale of a city, through its urban landscape and cultural heritage in the heart of Europe: the case study of Oradea city (Romania) // *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 2018. Vol. 21, № 1. P. 88—102.
12. *Chashina B., Ramazanova N., Atasoy E., Berdenov Zh., Ilieş D. C.* Natural recreation potential of the West Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan // *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 2020. Vol. 32, № 4. P. 1355—1361. doi.org/10.30892/gtg.32424-580.
13. *Ардисламов Ф. Р.* Геопарк «Торатау»: геологическое наследие как объект экологического туризма / под ред. Ф. Р. Ардисламова, Н. А. Лукашина, Е. А. Третьякова // *Труды Кольского научного центра РАН*. 2019. Т. 106, № 6—1. С. 25—32. doi: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.6.003.
14. *Соболева Н. П.* Комплексная оценка природных и социально-экономических условий Республики Алтай для целей геотуризма // *География и природные ресурсы*. 2006. № 2. С. 131—136.
15. *Редькин А. Г., Отто О. В.* Геопарк как новое направление развития туризма в горных районах Алтайского края // *Наука и туризм: стратегии взаимодействия*. 2015. № 4 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopark-kak-novoe-napravlenie-razvitiya-turizma-v-gornyh-rayonah-altayskogo-kraja> (дата обращения: 03.06.2021).
16. *Рубан Д. А.* Уникальные центры георазнообразия в России: некоторые организационно-правовые вопросы // *Современные проблемы права, экономики и управления*. 2017. № 1(4). С. 126—130.
17. *Ruban D. A.* Real and Promoted Aesthetic Properties of Geosites: New Empirical Evidence from SW Russia // *Heritage* / eds. D. A. Ruban, N. N. Yashalova. 2021. Vol. 4, № 1. P. 160—170. doi 10.3390/heritage4010009.

18. Рубан Д. А. Геоконсервационные организации и управленческое обеспечение их эффективной деятельности в контексте парадигмы использования особо охраняемых природный территорий // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2012. № 1. С. 19—24.

19. Шаплыгина Т. В., Волкова И. И. Природная и антропогенная трансформация ландшафтов и рельефа Куршской и Вислинской кос // Геоморфология. 2013. № 1. С. 95—103.

20. Шаплыгина Т. В., Волкова И. И. Геоэкологические аспекты рекреационного природопользования в национальном парке «Куршская коса» // Проблемы природопользования, сохранения биоразнообразия и культурного наследия на особо охраняемых природных территориях России : сб. матер. всерос. науч.-практ. юбилейной конф., посвященной 30-летию национального парка «Куршская коса». Калининград, 2017. С. 128—134.

21. Kropinova E. G. The Reduction in the Beach Area as the Main Limiting Factor for Sustainable Tourism Development (Case for the Kaliningrad Oblast) // Terrestrial and Inland Water Environment of the Kaliningrad Region. The Handbook of Environmental Chemistry / eds. V. A. Gritsenko, V. V. Sivkov, A. V. Yurov, A. G. Kostianoy. Springer, Cham, 2017. Vol. 65. doi.org/10.1007/698_2017_113.

22. Spiriajevas E., Perminas K., Locaitienė V. Laivybos kliūčių šalinimo Kuršių mariose galimybių studija. Klaipėdos, 2020. URL: <https://www.klaipedos-r.lt/index.php?2285236220> (дата обращения: 10.02.2021).

23. Gutak J. M. Regional Geological Heritage // Encyclopedia of Mineral and Energy Policy / eds. G. Tiess, T. Majumder, P. Cameron. Berlin ; Heidelberg, 2014. doi.org/10.1007/978-3-642-40871-7_10-1.

24. Vaitkevičius V., Baltrūnas V. Lietuva: 101 įdomiausia vieta. Alma littera, 2009.

25. Kilkus K., Stonevičius E. Lietuvos vandenų geografija. Vilnius, 2011.

26. Жуковская И. П., Харин Г. С. Куршская коса — геологический феномен // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2009. Т. 18, № 4. С. 60—69. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18075030_69281899.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

27. Бурнашов Е. М., Карманов К. В. Дефляционные процессы на морском побережье Куршской косы // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2016. № 45. С. 180—191. URL: <http://www.rshu.ru/university/notes/archive/issue45/uz45-180-191.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).

28. Зотова М. В., Себенцов А. Б. Туризм и культурное наследие Калининградской области: пути и перспективы развития // В фокусе наследия : сб. ст., посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. М., 2017. С. 478—488.

Об авторах

Алексей Юрьевич Анохин, кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса, географии и пространственного планирования Института экономики, управления и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: edel_veis@rambler.ru

Елена Геннадиевна Кропинова, доктор географических наук, профессор кафедры туристического бизнеса, географии и пространственного планирования Института экономики, управления и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EKropinova@kantiana.ru

Эдуардас Спиряевас, доктор географических наук, руководитель Центра социальной географии и регионоведения, Клайпедский университет, Литва.

E-mail: eduardas.spiriajevas@ku.lt

DEVELOPING GEOTOURISM WITH A FOCUS ON GEOHERITAGE IN A TRANSBOUNDARY REGION: THE CASE OF THE CURONIAN SPIT, A UNESCO SITE

A. Yu. Anokhin¹

E. G. Kropinova¹

E. Spiriajevas²

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236016, Russia

² Klaipėda University
84 Herkaus Manto, Klaipėda, 92294, Lithuania

Received 15 March 2021

doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-6

© Anokhin, A. Yu., Kropinova, E. G.,
Spiriajevas, E., 2021

Recreation in conservation areas has compelled special attention amid international travel restrictions. The tension between the conservation and economic use of these territories is increasing. This work aims to find ways to optimise and modernise environmental outreach and recreation in national parks — one of the conservation area types. Geotourism is a sustainable form of tourism, which bridges the gap between conservation and recreation. Several objectives have been attained to fulfil this aim. Firstly, best practices of geotourism development in conservation areas have been analysed. Secondly, the resource potential for diversifying ecotourism events in conservation areas has been measured. Thirdly, an algorithm for a geological heritage-focused ecotour — an innovative recreation product aimed at eco-education and community outreach — has been designed. The authors view the methodology for geotour design as an instance of heritage preservation and propose a new tourist route — the Geological and Geomorphological Chronicle of the Baltic Sea. This tour acquaints sightseers with the nature of the Curonian Spit national park, a unique geological and geomorphological feature whose landscapes are a product of centuries-long human-nature interactions. Twenty years ago, in 2000, the conservation area was listed by UNESCO as a place of considerable natural significance. The field studies were carried out as part of the international project Ecotour4Natur: Ecotourism as a Tool for the Preservation of Natural and Cultural Heritage within the Lithuania-Russia cross-border cooperation programme 2014–2020. The obtained algorithm for ecological route design may benefit other national parks as well.

Keywords:

geotourism, geoheritage, ecotourism, sustainable development, tourist route design methodology, Curonian Spit, conservation areas, geological and geomorphological resources of Kaliningrad region, transboundary studies

References

1. Hose, T. A. 2011, The English Origins of Geotourism (as a Vehicle for Geoconservation) and Their Relevance to Current Studies, *Acta geographica Slovenica*, vol. 51, no. 2, p. 343–359.
2. Hose, T. A. 2012, Editorial: Geotourism and Geoconservation, *Geoheritage*, vol. 4, no. 1, p. 1–5.
3. Hose, T. A., Marković, S. B., Komac, B., Zorn, M. 2011, Geotourism — a short introduction, *Acta geographica Slovenica*, vol. 51, no. 2, p. 339–342.

4. Gray, M. 2004, *Geodiversity. Valuing and Conserving Abiotic Nature*, John Wiley & Sons, Chichester, UK, available at: <https://geoduma.files.wordpress.com/2010/02/geodiversity.pdf> (accessed 10 March 2021).
5. Gordon, J. E. 2018, Geoheritage, Geotourism and the Cultural Landscape: Enhancing the Visitor Experience and Promoting Geoconservation, *Geosciences*, vol. 8, no. 4, p.136. doi: <https://doi.org/10.3390/geosciences8040136>.
6. Dowling, R. K. 2013, Global Geotourism — An Emerging Form of Sustainable Tourism, *Czech journal of tourism*, vol. 2, no. 2. doi: <https://doi.org/10.2478/cjot-2013-0004>.
7. Santangelo, N., Valente, E., 2020, Geoheritage and Geotourism Resources, *Resources*, vol. 9, no. 7, art. 80. doi: <https://doi.org/10.3390/resources9070080>.
8. Justice, S. C. 2018, UNESCO Global Geoparks, Geotourism and Communication of the Earth Sciences: A Case Study in the Chablais UNESCO Global Geopark, France, *Geosciences*, vol. 8, no. 5, art. 149. doi: <https://doi.org/10.3390/geosciences8050149>.
9. Becerra-Ramírez, R., Gosálvez, R. U., Escobar, E., González, E., Serrano-Patón, M., Guevara, D. 2020, Characterization and Geotourist Resources of the Campo de Calatrava Volcanic Region (Ciudad Real, Castilla-La Mancha, Spain) to Develop a UNESCO Global Geopark Project, *Geosciences*, vol. 10, no. 11, art. 441. doi: [doi: 10.3390/geosciences10110441](https://doi.org/10.3390/geosciences10110441).
10. Zgłobicki, W., Kukielka, S., Baran-Zgłobicka, B. 2020, Regional Geotourist Resources— Assessment and Management (A Case Study in SE Poland), *Resources*, vol. 9, no. 2, art. 18. doi: [doi: 10.3390/resources9020018](https://doi.org/10.3390/resources9020018).
11. Badiali, F., Ilieș, D., Castaldini, D. 2018, A tale of a city, through its urban landscape and cultural heritage in the heart of Europe: the case study of Oradea city (Romania), *GeoJournal of Tourism and Geosites*, Year XI, no. 1, vol. 21, p.88—102.
12. Chashina, B., Ramazanova, N., Atasoy, E., Berdenov, Zh., Ilieș, D. C. 2020, Natural recreation potential of the West Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan, *GeoJournal of Tourism and Geosites*, vol. 32, no. 4, p. 1355—1361. doi: <https://doi.org/10.30892/gtg.32424-580>.
13. Ardislamov, F. R. 2019, Geopark “Toratau”: geological heritage as an object of ecological tourism. In: Ardislamov, F. R., Lukashina, N. A., Tretyakova, E. A. (eds.) *Trudy Kolskogo Nauchnogo Zentra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 10. no. 6—1, p. 25—32. doi: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.6.003 (In Russ.).
14. Soboleva, N. P. 2006, Comprehensive assessment of natural and socio-economic conditions of the Altai Republic for the purposes of geotourism, *Geographia i prirodnye resursy* [Geography and nature, resources], no. 2, p. 131—136 (In Russ.).
15. Redkin, A. G., Otto, O. V. 2015, Geopark as a new direction of tourism development in the mountainous regions of the Altai Territory, *Nauka i turizm: strategii vzaimodeistvija* [Science and tourism: interaction strategies], no. 4 (2), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopark-kak-novoe-napravlenie-razvitiya-turizma-v-gornyh-rayonah-altayskogo-kрая> (accessed 10 April 2021) (In Russ.).
16. Ruban, D. A. 2017, Unique centers of geodiversity in Russia: some organizational and legal issues. In: Ruban, D. A. (ed.) *Sovremennye problemy prava, ekonomiki i upravlenij*, no. 1 (4), p. 126—130 (In Russ.).
17. Ruban, D. A. 2021, Real and Promoted Aesthetic Properties of Geosites: New Empirical Evidence from SW Russia. In: Ruban, D. A., Yashalova, N. N. (eds.) *Heritage*, vol. 4, no 1. p. 160—170. doi 10.3390/heritage4010009.
18. Ruban, D. A. 2012, Geoconservation organizations and management support for their effective activities in the context of the paradigm of the use of specially protected natural areas, *Vestnik Taganrogskego instituta upravlenija i ekonomiki* [Bulletin of the Taganrog Institute on management and economics], no. 1, p. 19—24 (In Russ.).
19. Shaplygina, T. V., Volkova, I. I. 2013, Natural and anthropogenic transformation of landscapes and relief of the Curonian and Vistula spits, *Geomorphologia* [Geomorphology], no. 1, p. 95—103 (In Russ.).
20. Shaplygina, T. V., Volkova I. I. 2017, Geoeological aspects of recreational nature management in the Curonian Spit National Park. In: *Problemy prirodnopolsovanija, sokhraneniya bi-oraznoobrazija i kulturnogo nasledija na osobo okhranjaemykh prirodnykh territorijakh Rossii*, Materials of the Russian Scientific and Practical Jubilee conference, devoted to the 30th yeas Jubilee of the National park “Kurshskaja kosa/Curonian spit”, p. 128—134 (In Russ.).

21. Kropinova, E. G. 2017, The Reduction in the Beach Area as the Main Limiting Factor for Sustainable Tourism Development (Case for the Kaliningrad Oblast). In: Gritsenko, V. A., Sivkov, V. V., Yurov, A. V., Kostianoy, A. G. (eds.) *Terrestrial and Inland Water Environment of the Kaliningrad Region. The Handbook of Environmental Chemistry*, vol 65, Springer, Cham. doi: doi.org/10.1007/978-3-642-40871-7_113.
22. Spiriajevas, E., Perminas, K., Locaitienė, V. 2020, *Laivybos kliūčių šalinimo Kuršių mariose galimybių studija* [Feasibility study for the removal of shipping barriers in the Curonian Lagoon], p. 190, available at: <https://www.klaipedos-r.lt/index.php?2285236220> (accessed 10 April 2021) (In Lithuanian).
23. Gutak, J. M. 2014, Regional Geological Heritage. In: Tiess, G., Majumder, T., Cameron, P. (eds.) *Encyclopedia of Mineral and Energy Policy*, Springer, Berlin, Heidelberg. doi: doi.org/10.1007/978-3-642-40871-7_10-1.
24. Vaitkevičius, V., Baltrūnas, V. 2009, *Lietuva: 101 įdomiausia vieta*, [Lithuania: 101 most interesting places], Alma littera, p.313.
25. Kilkus, K., Stonevičius, E. 2011, Lietuvos vandenų geografija [Geography of Lithuanian waters], VU, p. 184.
26. Zhukovskaya, I. P., Kharin, G. S. Curonian spit — geological phenomena, *Samarskaja Luka: problem regionalnoj i globalnoj ekologii*, vol. 18, no. 4, p. 60—69, available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18075030_69281899.pdf (accessed 10 April 2021) (In Russ.).
27. Burnashov, E. M., Karmanov, K. B. 2016, Deflation processes at the marine coast of the Curonian spit, *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo gidrometeo university* [Scientific Notes of the Russian State Hydrometeorological University], no. 45, p. 180—191, available at: <http://www.rshu.ru/university/notes/archive/issue45/uz45-180-191.pdf> (accessed 10 April 2021) (In Russ.).
28. Zotova, M. V., Sebentsov, A. B. 2017, Tourism and cultural heritage of the Kaliningrad region: ways and prospects of development. In: *V focuse naslediyz* [Focus on heritage], Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Yu. A. Vedenin and the 25th anniversary of the creation of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev, Moscow, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, p. 478—488.

The authors

Dr Aleksei Yu. Anokhin, Associate professor, Institute of Economics, Management and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: edel_veis@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5928-8051>

Prof. Elena G. Kropinova, Institute of Economics, Management and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: EKropinova@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6971-7275>

Dr Eduardas Spiriajevas, Head of the Center for Social Geography and Regional studies,

Klaipeda University, Lithuania.

E-mail: eduardas.spiriajevas@ku.lt

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ИММИГРАЦИЮ: ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРВЕЖСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ИЩУЩИХ УБЕЖИЩА, И ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Я. Скробанек ¹

С. Йобст ²

---

¹ Университет г. Бергена,
5020, Берген, Норвегия

² Университет прикладных наук Западной Норвегии,
5020, Берген, Норвегия

Поступила в редакцию 18.11.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-7

© Скробанек Я., Йобст С., 2021

Еще недавно никто не мог предположить, что стремительный рост мобильности может быть так внезапно прерван радикальной имобилизацией больших групп населения в глобальном масштабе. Ни исследования мобильности, ни другие области исследований не предусматривали такого сценария в представленных в них моделях мобильности и миграции. В последние десятилетия уверенность в неограниченной свободе перемещений и сама практика мобильности, а также ее научное моделирование основывались на идее неограниченного роста мобильности на субнациональном, национальном и наднациональном уровнях. Настоящая статья посвящена анализу примера иммиграции в Норвегию, который демонстрирует, как институциональные ограничения были изменены в целях борьбы с распространением COVID-19 и какие последствия это имело для иммиграции в Норвегию. В силу сложности этого феномена мы уделяем особое внимание лицам, ищущим убежища, особенно несовершеннолетним без сопровождения взрослых, предполагая, что особый миграционный статус этих групп делает их особенно уязвимыми для недавно введенных иммиграционных мер. Основываясь на совокупности данных о миграционных правилах и статистике заявлений о предоставлении убежища, мы анализируем, какое влияние меры ограничения мобильности в период пандемии COVID-19, реализованные в Норвегии с января 2020 года, оказали на процедуры предоставления убежища, мобильность и статистику подачи заявлений о предоставлении убежища в Норвегии.

Ключевые слова:

COVID-19, иммиграция, соискатели убежища, Норвегия, политика

Отправная точка исследования

До недавнего времени уверенность в стабильном росте мобильности и миграции доминировала в общественных, политических и научных дебатах. Более двадцати лет назад Джон Урри написал: «Создается впечатление, что все в мире перемеща-

---

Для цитирования: Скробанек Я., Йобст С. Влияние пандемии COVID-19 на иммиграцию: трансформация норвежской миграционной политики в отношении лиц, ищущих убежища, и последствия этой трансформации // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 2. С. 129–145. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-7.

ются» [1, р. 3]. Объектом исследований, прогнозов и научных дискуссий последних десятилетий все чаще становились растущие пассажиропотоки. Предполагалось, что мобильность не только будет, но и должна расти — все больше студентов должны иметь возможность учиться в зарубежных университетах, работники — перемещаться с меньшими ограничениями через международные экономические зоны в соответствии с требованиями рынка труда, и все люди — проводить отпуск, отмечать праздники или организовывать семейные встречи там, где они хотят, даже если эти места разбросаны по всему миру.

В исследованиях выделяют три основные причины роста мобильности: «С 1980-х годов международная мобильность стала проще благодаря политическим реформам, снижению транспортных расходов, а также революции в области коммуникаций, открывшей доступ к той информации, идеям и сетям, которые до сих пор были прерогативой немногих» [2, р. 7].

Параллельно с увеличением в последние десятилетия форм мобильности или миграции, которые в основном рассматриваются как позитивные и функциональные, также возрастает мобильность и миграция, вызванные такими причинами, как бедность, войны, политические преследования или изменения климата [3; 4]¹. Одним из недавних пиков этой последней формы миграции стал так называемый миграционный кризис 2015—2016 годов, когда более миллиона мигрантов за короткий период времени попросили убежища в странах Европы в надежде получить защиту и перспективы благополучной дальнейшей жизни. Однако пандемия COVID-19, а также угроза, создаваемая вирусом и его последствиями, привели к ограничениям мобильности подавляющего большинства населения, масштабы и интенсивность которых оказались беспрецедентными в послевоенной Европе [5—7].

«Многие люди перестали ходить на работу (кроме случаев необходимости), некоторых отправили в загородные дома или в деревню; детей не выпускали из дома, и они пытались усердно учиться посредством интернета; многие предприятия закрылись, а некоторым пришлось реорганизовать свои рабочие процессы; самолеты перестали летать, аэропорты опустели, а круизные лайнеры отказывались принимать в портах из-за закрытия границ; производство товаров не первой необходимости приостановилось, и глобальные потоки транспортировки товаров превратились в медленный ручеек» [6, р. 1].

Вирус COVID-19 создал новую непредвиденную и незнакомую проблему, которая стала причиной неуверенности и нерешительности действий людей и правительств, «вирус подрывает положения безопасности, включая цели безопасности, утвержденные ООН» [8, р. 406].

Ситуация приобрела статус чрезвычайного положения, и правительства быстро создали новые правила мобильности и миграции. Так, к середине апреля были введены ограничения на суб- и наднациональном уровнях, которые оказались самыми масштабными и глобальными в истории [9—12]. Кроме того, ограничения в основном были введены без парламентского участия и без участия населения как в государствах ЕС, так и во всем мире². Были внесены изменения в положения о транзите и правилах въезда и выезда, в некоторых случаях въезд и выезд был ограничен, а во многих приостановлен³ на краткосрочный или долгосрочный периоды [11; 13,

¹ *Inform # 1 — EU and OECD member states responses to managing residence permits and migrant unemployment during the COVID-19 pandemic / European Migration Network // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/oo_eu_inform1_residence_permits_and_unemployment_en_updated_final.pdf (дата обращения: 25.04.2020).*

² *COVID-19 emergency measures in asylum and reception systems / EASO. Brussels, 2020. P. 5. URL: <https://www.easo.europa.eu/sites/default/files/covid19-emergency-measures-asylum-reception-systems.pdf> (дата обращения: 25.04.2020).*

³ Поисково-спасательные операции в центральной части Средиземного моря, например, были приостановлены «из-за логистических трудностей, вызванных COVID-19» [9, р. 1238].

р. 1237]. В результате число прибывающих в Европу из Средиземноморского региона значительно сократилось. Если, по подсчетам, в январе 2020 года прибывших было 8223, в феврале — 6732, то в марте их число сократилось до 3686, а в апреле до 1658 [11, р. xxiv]. Годом ранее, в апреле 2019 года, 5675 мигрантов прибыли в Европу по средиземноморским миграционным каналам [11, р. xxiv]. Кроме того, в рамках мер борьбы с COVID-19 были более или менее радикально изменены правила предоставления услуг мигрантам, и в зависимости от соответствующих национальных, региональных или местных условий они либо были адаптированы к новой ситуации, либо их действие было приостановлено [13, р. 1238]. Многие страны, такие как Норвегия, внесли радикальные изменения в законодательство, предоставив правительствам полномочия принимать решения, в том числе без расширенных парламентских консультаций, которые могли бы временно приостановить ограничения или изменить существующую правовую базу национальных границ на время кризиса COVID-19⁴. Все документы, отчеты, протоколы и решения, которые легли в основу политических мер борьбы с COVID-19, если и станут доступны в будущем, то только спустя длительный период времени, как и в случае с Норвегией, где вся информация должна оставаться секретной в течение 60 лет в соответствии с положениями Закона об управлении и безопасности личных данных [14].

Кроме того, несмотря на то, что были приняты обширные меры по борьбе с угрозой распространения вируса, считается, что «страны могли бы быть лучше подготовлены и предпринять более ранние меры для сдерживания распространения COVID-19» [15, р. 379]. В тот момент, когда угроза пандемии уже возникла, наднациональная, национальная и субнациональная политика реагировала на предполагаемую угрозу COVID-19 (в условиях отсутствия последовательной международной политики) практически индивидуально. Многие страны в борьбе с угрозой COVID-19 сменили фокус политики в области здравоохранения с охраны здоровья на аспекты мобильности и / или миграции. «Несмотря на то, что проблема пандемии COVID-19 не является проблемой миграции, она рассматривается и управляется как таковая» [16]. Более того, в некоторых обсуждениях и политических решениях конкретных стран пандемия COVID-19 рассматривается как повод для разработки или продвижения антимиграционных идей и мер [16].

В настоящей статье рассматриваются изменения, внесенные в институциональную структуру иммиграции в Норвегии в рамках мер борьбы с COVID-19, а также последствия, которые эти изменения могли иметь для иммиграции в Норвегию. В качестве материала исследования мы выбрали такую сферу иммиграции, как поиск политического убежища, поскольку ее рамочные условия особенно чувствительны к влиянию ограничений, вызванных COVID-19. Структура статьи следующая: во-первых, мы приводим краткое описание восприятия ситуации, вызванной COVID-19, и реакции на нее на уровне ЕС, поскольку именно этот институт определял принцип принятия политических решений в Норвегии. Далее мы проводим анализ мер реагирования норвежского руководства на предполагаемые проблемы, вызванные COVID-19, а также изучаем степень влияния принятых решений на иммиграцию, трансграничную и внутреннюю миграцию и мобильность. На третьем этапе мы характеризуем изменения, произошедшие с миграционными потоками в Норвегию после распространения в Европе COVID-19, уделяя особое внимание такому виду миграции, как соискание убежища. В заключении приводятся перспективы дискуссии по содержанию статьи.

⁴ Ny koronalov // Regjeringen.no. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/ny-koronalov/id2694038/> (дата обращения: 25.04.2020).

Первая реакция ЕС на угрозу COVID-19

Прежде чем рассмотреть конкретные меры, принятые в Норвегии, необходимо более детально изучить события, происходившие в Европе с февраля 2020 года, которые оказали влияние на мобильность и вызвали ограничения миграции не только на европейском, но и на национальном, региональном и местном уровнях.

Случаи заражения вирусом впервые были зарегистрированы в Европе в феврале 2020 года в Италии, где в этом месяце было объявлено чрезвычайное положение. С конца февраля ЕС ввел различные меры в области общественного здравоохранения, экономики, сельхозпродукции и путешествий для сдерживания последствий COVID-19 в европейских государствах⁵. Европейская комиссия 17 марта учредила международную консультативную группу «ведущих эпидемиологов и вирусологов», созданных из разных стран — членов ЕС.

Предполагаемая угроза COVID-19 имела долгосрочные последствия для миграции, связанной с поиском убежища, и соответствующих процедур репатриации и предоставления убежища⁶.

Незамедлительно стало очевидно, что процедуры и процессы предоставления убежища, а также процессы и процедуры переселения и репатриации мигрантов в целом и беженцев в частности должны быть адаптированы к новой ситуации, вызванной COVID-19⁷. Так, необходимо было внести изменения в процедуры собеседования, предшествующие регистрации соискателей убежища и жилья, а также в условия их приема (включая процедуры задержания и предоставления убежища)⁸. Это создало значительную нагрузку на ЕС, учитывая различные контексты принятия этих изменений в государствах — членах ЕС и ассоциированных странах ЕЭЗ. «Комиссия в полной мере осознает трудности, с которыми в текущем контексте сталкиваются государства-члены при внедрении соответствующих правил ЕС в отношении миграции»⁹.

В целом ЕС стремился сохранить действие обычных процессов и процедур. «Поэтому даже если возникают промедления, граждане третьих стран, которые обращаются за международной защитой, должны зарегистрировать свое заявление у представителей власти и иметь возможность подать его»¹⁰. С ростом случаев заражения COVID-19 были также приняты меры обеспечения некоторой гибкости в процедурах предоставления убежища.

«Что касается условий приема, государства-члены могут применять исключительные правила в соответствии с Директивой 2013/33 / EU (далее «Директива об условиях приема мигрантов») в случаях, обоснованных должным образом, и в течение соответствующего периода, продолжительность которого должна быть максимально короткой по возможности»¹¹.

⁵ *Summary of the European Commission's response to Corona virus (COVID-19) crisis to date / European Commission. 2020. URL: https://ec.europa.eu/ireland/news/summary-of-the-european-commission-s-response-to-corona-virus-covid-19-crisis-to-date_en (дата обращения: 25.04.2020).*

⁶ *COVID-19: Guidance on the implementation of relevant EU provisions in the area of asylum and return procedures and on resettlement / European Commission. 2020. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/guidance-implementation-eu-provisions-asylum-return-procedures-resettlement.pdf> (дата обращения: 25.04.2020).*

⁷ Ibid. P. 2.

⁸ Ibid. P. 2.

⁹ Ibid. P. 1.

¹⁰ *EASO Guidance on asylum procedure: operational standards and indicators. Luxembourg, 2019. URL: https://easo.europa.eu/sites/default/files/Guidance_on_asylum_procedure_operational_standards_and_indicators_EN.pdf (дата обращения: 25.04.2020).*

¹¹ Ibid. P. 3.

Например, в соответствии со статьей 31 (3) Директивы о процедурах предоставления убежища предлагалось сделать сроки рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища более гибкими. В этом контексте было сделано несколько рекомендаций по соблюдению соответствующих процедур и процессов предоставления убежища, учитывающих новые ограничения. Государствам-членам было предложено применять социальное или физическое дистанцирование, заменив личное общение на дистанционное или цифровое с применением телефона, мобильных или электронных систем на базе интернета¹². Что касается процедуры предоставления убежища, личные интервью, проводимые в рамках этой процедуры, должны были быть приостановлены на определенный период времени или проводиться в виде видеоконференции.

«Комиссия рекомендует государствам-членам применять эти конкретные временные правила, насколько это представляется возможным, при условии, что соблюдение необходимых требований к объектам и оборудованию, задействованным в процедурах предоставления убежища, а также к осуществлению процесса перевода, предоставления юридической помощи и юридическому сопровождению, должно обеспечиваться компетентными органами»¹³.

Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что с момента первого появления случаев заражения вирусом в Европе, особенно в январе и феврале, меры борьбы ЕС с COVID-19 оказали существенное влияние на временные и на основные правила осуществления процессов мобильности, особенно процессов подачи прошения и предоставления убежища. Сами процедуры предоставления убежища в странах-партнерах стали более продолжительными, в частности по причине перехода от личного общения к цифровому и к применению процедуры цифровой обработки дел. Установленные сроки — «шесть месяцев для завершения рассмотрения заявки»¹⁴ или завершения всей процедуры в соответствии с Регламентом ЕС № 604/2013, а также другие соответствующие процедуры были разделены на отдельные части и этапы, в результате чего они стали более продолжительными, время обработки дел и время ожидания было продлено, а приезд соискателей убежища в страны назначения в пределах Еврозоны, установленный в рамках соглашения «Дублинский трансфер»¹⁵, откладывался.

Распространение вируса COVID-19 оказало равнозначное влияние как на мобильность соискателей убежища, так и на их «иммобильность», то есть на условия, в которых они находились в приемных или временных лагерях либо в приграничных районах. Практически сразу общие процедуры, такие как медицинский осмотр, медицинское обслуживание, карантин и изоляция¹⁶, были адаптированы в соответствии с требованиями, сформулированными в качестве мер реагирования на распростра-

¹² *EASO Guidance on asylum procedure: operational standards and indicators*. Luxemburg, 2019. URL: https://easo.europa.eu/sites/default/files/Guidance_on_asylum_procedure_operational_standards_and_indicators_EN.pdf (дата обращения: 25.04.2020).

¹³ *Ibid.* P. 5.

¹⁴ «Пункт b статьи 31 (3) Директивы о процедурах предоставления убежища позволяет государствам-членам продлевать шестимесячный период пребывания в стране для завершения рассмотрения поданных заявлений на период, не превышающий следующие девять месяцев, в тех случаях, когда большое количество граждан третьих стран или лиц без гражданства одновременно подают заявление о предоставлении международной защиты, что осложняет и продлевает во времени процедуру» (*EASO Guidance on asylum procedure: operational standards and indicators*. Brussels, 2020. P. 7. URL: https://easo.europa.eu/sites/default/files/Guidance_on_asylum_procedure_operational_standards_and_indicators_EN.pdf (дата обращения: 25.04.2020)).

¹⁵ *EASO Guidance on asylum procedure: operational standards and indicators*. Brussels, 2020. P. 7. URL: https://easo.europa.eu/sites/default/files/Guidance_on_asylum_procedure_operational_standards_and_indicators_EN.pdf (дата обращения: 25.04.2020)

¹⁶ *Ibid.* P. 10.

нение COVID-19. «Многие государства — члены ЕС ввели режим более строгого медицинского осмотра поступающих граждан, а также процедуру обязательного тестирования на COVID-19 для вновь прибывающих»¹⁷. В дополнение к типичным задачам здравоохранения, таким как неотложная помощь и лечение болезней и психических расстройств, государства-члены должны были внедрить новые меры, касающиеся решения проблем, вызванных COVID-19, в ситуациях повышенного риска, например в случаях необходимости личного контакта с прибывающими¹⁸.

Ситуация также осложнялась тем, что национальные и региональные правительства принимали подобные меры разными темпами. Правительства стран ЕС полагались на разные данные и принимали разные решения относительно сроков реализации соответствующих мер¹⁹, сами меры также различались по своему характеру и значению для мобильных и немобильных граждан²⁰. Мероприятия, проводимые в рамках мобильности, а также сама практика ее реализации, утвержденные в одном национальном или региональном контексте, могли быть не утверждены в другом.

Ответ Норвегии на угрозу COVID-19 в контексте миграции

Норвегия начала вводить чрезвычайные меры в середине марта 2020 года²¹. Однако уже 31 января 2020 года, в ответ на распространение COVID-19 в Азии Министрство здравоохранения поручило Норвежскому управлению здравоохранения «скоординировать усилия секторов здравоохранения с Национальным институтом общественного здравоохранения и другими вовлеченными организациями»²². Заболевание COVID-19 31 января 2020 года было классифицировано как высококонтагиозное и опасное, поэтому требование сообщать обо всех случаях этого заболевания в стране было распространено повсеместно. В последующие недели и месяцы правительство Норвегии вводило дополнительные меры борьбы с COVID-19 и его последствиями. Данные меры можно считать самыми долгосрочными из принятых в Норвегии со времен окончания Второй мировой войны [10, р. 776].

Четырнадцатого марта 2020 года был введен запрет на выезд медицинских работников, а также других работников, имеющих непосредственный контакт с пациентами. Двумя днями позже остальные граждане также получили рекомендации

¹⁷ EASO Guidance on asylum procedure: operational standards and indicators. Brussels, 2020. P. 10. URL: https://easo.europa.eu/sites/default/files/Guidance_on_asylum_procedure_operational_standards_and_indicators_EN.pdf (дата обращения: 25.04.2020)

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. P. 7.

²⁰ COVID-19: Guidance on the implementation of relevant EU provisions in the area of asylum and return procedures and on resettlement // European Commission. 2020. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/guidance-implementation-eu-provisions-asylum-return-procedures-resettlement.pdf>. (дата обращения: 25.04.2020); COVID-19 emergency measures in asylum and reception systems. Brussels, 2020. P. 5. URL: <https://www.easo.europa.eu/sites/default/files/covid19-emergency-measures-asylum-reception-systems.pdf> (дата обращения: 25.04.2020).

²¹ COVID-19 emergency measures in asylum and reception systems. Brussels, 2020. P. 5. URL: <https://www.easo.europa.eu/sites/default/files/covid19-emergency-measures-asylum-reception-systems.pdf> (дата обращения: 25.04.2020). Далее будут рассматриваться только те меры, которые затрагивают мобильность или миграцию. Другие, такие как введение правил гигиены, закрытие общественных объектов — детских садов, школ, университетов и мест отдыха (спортивных центров, клубов и т.д.), а также запрет на ночевку для людей в их вторых домах (в основном дачных) в других населенных пунктах, рассматриваться не будут [7, р. 775].

²² Tidslinje: myndighetenes håndtering av koronasituasjonen // Regjeringen.no. URL: <https://www.regjeringen.no/no/tema/Koronasituasjonen/tidslinje-koronaviruset/id2692402/> (дата обращения: 25.04.2020).

не выезжать за границу. Также 14 марта в целях реализации мер, ограничивающих дальнейшее распространение коронавируса, был приостановлен приезд беженцев в целях переселения (по квоте беженцев)²³. К тому моменту насчитывалось 5120 беженцев²⁴, которых необходимо было переселить примерно в 200 муниципалитетов Норвегии. Беженцам, которым были предоставлены вид на жительство в Норвегии и право поселения в муниципалитетах, но которые еще не успели побывать в Норвегии, отказали во въезде до дальнейшего уведомления²⁵. На внутренней границе Шенгенской зоны был введен временный контроль въезда и выезда²⁶.

Пятнадцатого марта 2020 года вступило в силу Постановление № 293²⁷. В пункте 1 этого постановления «Высылка иностранцев без вида на жительство» со ссылкой на Закон об иммиграции оговаривалось, что в целях обеспечения здоровья населения в условиях распространения COVID-19 иностранцы без вида на жительство (включая всех иностранных граждан, прибывших после 8 часов утра 16 марта 2020 года)²⁸ либо должны быть немедленно высланы из Норвегии, либо покинуть страну по собственному желанию²⁹. С этого момента иностранцам, не имеющим вида на жительство в Норвегии, было отказано во въезде на границу в соответствии с Законом об инфекционных заболеваниях. На тот момент под действие этого правила по-прежнему не попадали иностранцы, которые уже находились в зоне транзита в аэропортах, но не покинули страну, а также соискатели убежища либо лица, осуществляющие в Норвегии обязанности по уходу или другие социальные обязанности³⁰. Кроме того, были упрощены процедуры принятия решений по миграционным делам и процедуры обоснования этих решений. В экстренных случаях стало возможным информировать соискателей убежища о решениях по их заявлению устно по телефону или в цифровом формате, если другие каналы связи не были доступны³¹.

Шестнадцатого марта 2020 года был введен среднесрочный внутренний пограничный контроль для предотвращения распространения COVID-19. В самых крайних случаях применялись ограничения и запреты на передвижение внутри или между муниципалитетами или местностями.

Восьмого апреля 2020 года было издано среднесрочное постановление, касающееся размещения лиц, ищущих убежища, в центрах приема, которое включало требования социального дистанцирования, карантина и изоляции, а также правила, ограничивающие личные контакты и мобильность во время поездок³². Кроме

²³ *Tidslinje: myndighetenes håndtering av koronasituasjonen* // Regjeringen.no. URL: <https://www.regjeringen.no/no/tema/Koronasituasjonen/tidslinje-koronaviruset/id2692402/> (дата обращения: 25.04.2020).

²⁴ Более половины тех, кто подлежал переселению, были беженцами-переселенцами (Ibid).

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ *Forskrift om bortvisning mv. av utlendinger uten oppholdstillatelse i riket av hensyn til folkehelsen* // Lovdata. URL: <https://lovdata.no/dokument/LTI/forskrift/2020-03-15-293> (дата обращения: 25.04.2020).

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² Первый параграф не применяется к тем гражданам ЕЭЗ и членам их семей, которые проживают или работают в Норвегии в соответствии с разделом 110 Норвежского иммиграционного закона (*Midlertidig Forskrift om Byggverk for Innkvartering av Asylsøkere mv. som Følge av Utbrudd av COVID-19*. Oslo // Lovdata. URL: <https://lovdata.no/dokument/LTI/forskrift/2020-04-08-737> (дата обращения: 25.04.2020).

того, все процедуры подачи заявления о предоставлении убежища, которые ранее осуществлялись лично, например процедуры установления фактов, теперь должны были проводиться посредством телефонной или цифровой связи. Так, в частности, с апреля 2020 года заявления о предоставлении убежища больше не подавались во время личного собеседования, а отправлялись по почте в полицию. Также были внесены изменения в сроки въезда в страну с целью получения вида на жительство. Поскольку многие соискатели убежища не могли попасть в Норвегию в результате ограничений, наложенных на поездки в Европу в связи с распространением COVID-19, это было признано справедливой причиной продления крайнего срока въезда в Норвегию³³. Все эти факторы имели «дальнейшее влияние на процедуры обработки, продления и определения срока действия временного разрешения на пребывание, вида на жительство, а также долгосрочных и краткосрочных виз граждан третьих стран в ЕС и Норвегии»³⁴.

В конце марта вступил в силу Закон о коронавирусной инфекции (запланированный в качестве временной меры). Этот закон позволил адаптировать 62 других основных закона³⁵, что позволяет рассматривать его как своего рода разрешительный акт. Введенные ограничения «демонстрировали приоритет здравоохранения над экономикой и стандартизированных национальных норм над гибкостью местного законодательства и представляли собой комбинацию обязательных правил и более мягких рекомендаций» [10, р. 776].

В июле 2020 года вступил в силу еще один акт — Временный закон об ограничении въезда для иностранцев по соображениям охраны общественного здоровья³⁶, который был направлен на регулирование иммиграции в Норвегию в последующие месяцы и включал следующие правила:

«Иностраннный гражданин имеет право на въезд в страну только в том случае, если

а) иностраннный гражданин проживает в Норвегии с видом на жительство или с правом проживания в соответствии с Законом об иммиграции;

б) иностраннный гражданин ищет защиты (убежища) в стране или иным образом ссылается на право на международную защиту из-за риска преследования и т. д.; см. раздел 73 Закона об иммиграции;

в) присутствие иностранного гражданина в стране необходимо для поддержания надлежащего функционирования важнейших общественных функций или для удовлетворения основных потребностей населения;

г) иностранному гражданину предоставлен вид на жительство без отсрочки въезда; см. раздел 3;

д) иностранному гражданину была выдана въездная виза в соответствии со статьей 12 Закона об иммиграции;

³³ *Beboere i asylmottak etter statsborgerskap og status i søknad (2020)* // UDI. URL: <https://www.udi.no/en/statistics-and-analysis/statistics/beboere-i-asylmottak-etter-statsborgerskap-og-status-i-soknad-2020/> (дата обращения: 25.04.2020).

³⁴ *Inform # 1 — EU and OECD member states responses to managing residence permits and migrant unemployment during the COVID-19 pandemic / European Migration Network // European Commission. P. 5.* URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/oo_eu_inform1_residence_permits_and_unemployment_en_updated_final.pdf (дата обращения: 25.04.2020).

³⁵ *Midlertidig Lov om Forskriftshjæmme for å Avhjelpe Konsekvenser av Utbrudd av COVID-19 mv // Lovdata.* URL: <https://lovdata.no/dokument/LTI/lov/2020-03-27-17> (дата обращения: 25.04.2020).

³⁶ Временный закон, касающийся ограничений на въезд для иностранных граждан в связи с необходимостью охраны общественного здоровья (*Interim Act Relating to Entry Restrictions for Foreign Nationals out of Concern for Public Health // Lovdata.* URL: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2020-06-19-83> (дата обращения: 25.04.2020)).

е) иностранному гражданину была предоставлена виза норвежским органом, принимающим соответствующие решения в соответствии с разделом 10 Закона об иммиграции, после 15 марта 2020 года».

Кроме того, существует факультативное положение, в котором указаны конкретные причины, по которым иностранный гражданин может въехать в страну, например исполняя обязанности по уходу за членом семьи или другие важные обязанности, связанные с социальным обеспечением³⁷. Нарушения этого режима влекут запрет на въезд или выдворение из страны.

Что касается мобильности и миграции, можно сделать вывод о том, что стратегический подход Норвегии к иммиграции можно охарактеризовать как инклюзивный даже в период реализации мер по борьбе с COVID-19 [10]. Несмотря на то, что Норвегия усилила пограничный контроль, установила ограничения на въезд и даже закрыла границы со Швецией и Германией (паромное сообщение между Норвегией и Германией), были созданы условия, при которых соискателям убежища (и всем иммигрантам в целом) была обеспечена безопасность, предоставлены медицинские услуги и доступ к информации (относительно процедур подачи заявок, возможностей связи и осуществления контактов и т. д.).

Т. Кристенсен и П. Лэгрейд приходят к выводу, что «меры, принятые правительством, были реализованы посредством совместных стратегических рекомендаций, совместных руководящих принципов и обязательных директив, несоблюдение которых влекло за собой установленные штрафные санкции. Несмотря на то, что меры были довольно жесткими, полное закрытие предприятий, введение комендантского часа, полное закрытие границ и изоляция инфицированных граждан в специально отведенных учреждениях введены не были» [10, р. 777].

Соискание убежища в условиях пандемии и реализация мер по борьбе с COVID-19

Проанализируем влияние мер борьбы с COVID-19 на иммиграцию в Норвегию на примере конкретных случаев мобильности в целях получения убежища, заявлений о предоставлении убежища в целом и заявлений о предоставлении убежища, поступающих от несовершеннолетних без сопровождения взрослых. В частности, мы рассмотрели рост количества заявлений о предоставлении убежища в Норвегии за последние три года (2018, 2019 и 2020)³⁸. Данные собираются и публикуются Норвежским иммиграционным управлением (The Norwegian Directorate of Immigration, UDI) — основным учреждением, ответственным за обработку заявлений о предоставлении убежища, в том числе от иностранцев (в основном граждан третьих стран), которые хотят посетить Норвегию или жить в ней. Управление также отвечает за центры приема беженцев, размещение беженцев и депортацию³⁹. Имеющиеся данные предоставляют информацию о количестве соискателей убе-

³⁷ *Interim Act Relating to Entry Restrictions for Foreign Nationals out of Concern for Public Health* // Lovdata. URL: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2020-06-19-83> (дата обращения: 25.04.2020).

³⁸ Незаконные мигранты не были включены в этот анализ.

³⁹ *Beboere i asylmottak etter statsborgerskap og status i søknad (2020)* // UDI. URL: <https://www.udi.no/en/statistics-and-analysis/statistics/beboere-i-asylmottak-etter-statsborgerskap-og-status-i-soknad-2020/> (дата обращения: 25.04.2020). Перечисление различных типов учреждений по приему и размещению лиц, ищущих убежища, см. на сайте Норвежского иммиграционного управления (*Ulike Typer Asylmottak* // UDI. URL: <https://www.udi.no/asylmottak/ulike-typer-asylmottak/> (дата обращения: 25.04.2020)).

жища в Норвегии, проживающих в центрах временного предоставления жилья (в настоящее время таких центров 35, в то время как в 2019 году их было 40), а также о числе заявлений о предоставлении убежища, полученных от взрослых и несовершеннолетних граждан, проживающих в этих центрах (рис. 1)⁴⁰.

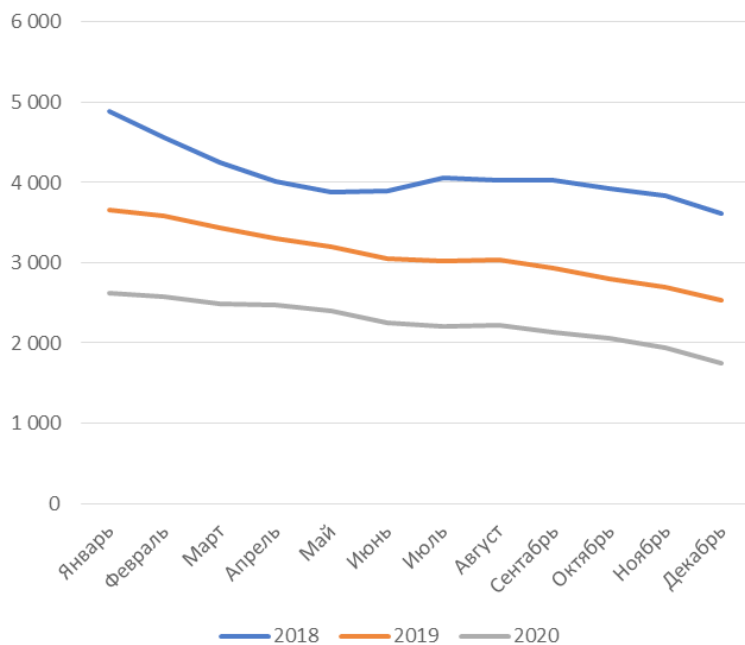

Рис. 1. Количество соискателей убежища в центрах приема в 2018, 2019, 2020 годах, чел.

Источник: данные Норвежского иммиграционного управления.

В результате анализа вышеперечисленных данных, можно обозначить общую тенденцию снижения числа соискателей убежища за весь период с 2018 по 2020 год. Так в январе 2018 года в центрах временного предоставления убежища проживало 4885 человек, тогда как к сентябрю 2020 года эта цифра сократилась примерно на половину, а именно до 2626 соискателей убежища. Рисунок 1 показывает, что среднее количество соискателей убежища в центрах приема сократилось почти вдвое с 2018 по 2020 год.

Далее мы проанализировали рост числа соискателей убежища, зарегистрированных в Национальном центре прибытия коммуны Роде в Эстфолле (единственный в своем роде в Норвегии), который был создан в 2015 году (рис. 2). Можно предположить, что если пандемия COVID-19 и меры борьбы с ней повлияли на процесс иммиграции, в частности на случаи соискания убежища, то в первую очередь это должно было привести к значительному снижению количества соискателей убежища начиная с февраля 2020 года и в последующие месяцы.

⁴⁰ Эта группа очень разнородна с точки зрения страны их происхождения и специфических миграционных мотивов. К октябрю в центрах прибытия проживали просители убежища из 37 стран, а также так называемые лица без гражданства (Beboere i asylmottak etter statsborgerskap og status i søknad (2020) // UDI. URL: <https://www.udi.no/en/statistics-and-analysis/statistics/beboere-i-asylmottak-etter-statsborgerskap-og-status-i-soknad-2020/> (дата обращения: 25.04.2020)).

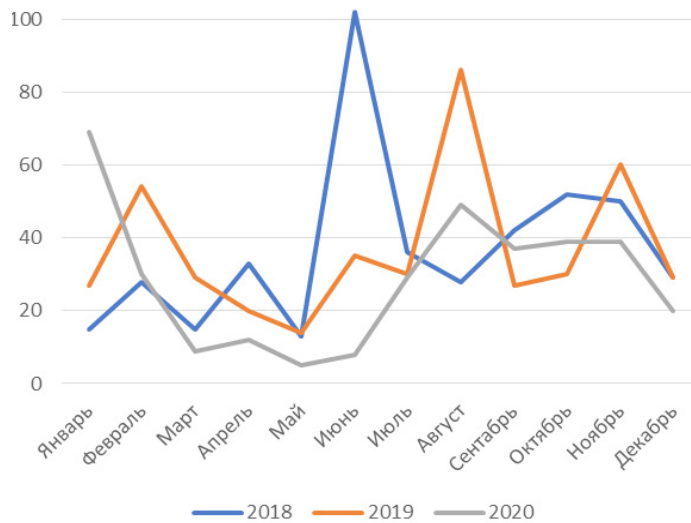

Рис. 2. Количество соискателей убежища в Национальном центре приема Роде в Эстфолле в 2018, 2019, 2020 годах, чел.

Источник: данные Норвежского иммиграционного управления.

Как показано на рисунке 3, количество просителей убежища в Центре прибытия Роде в Эстфолле следует U-образной кривой в течение этого периода времени. Снижение числа соискателей в период с февраля по май является значительным и не восстановилось до июля и августа даже после постепенной отмены введенных весной радикальных мер борьбы с COVID-19, в частности, связанных с ограничениями на выезд и въезд. Более того, кривая 2020 года демонстрирует стабильную тенденцию менее резких колебаний числа поданных заявлений, что также может свидетельствовать о влиянии на него мер по борьбе с COVID-19 (рис. 3).

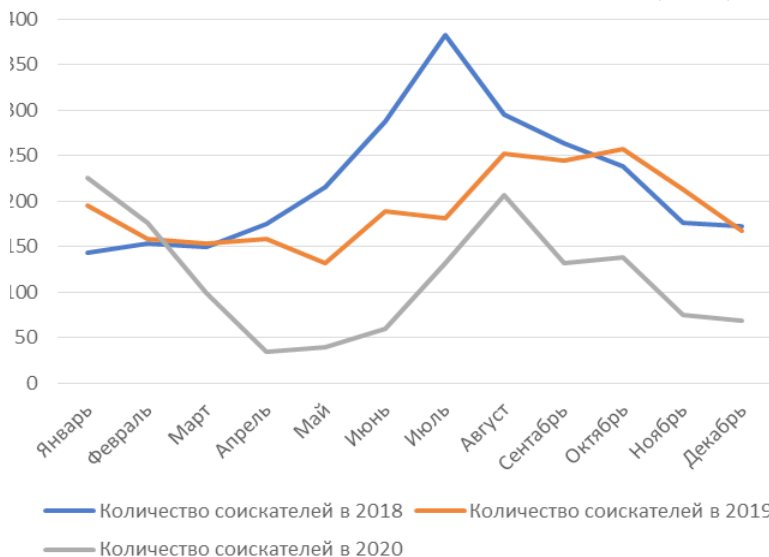

Рис. 3. Заявления о предоставлении убежища, зарегистрированные в Норвегии в 2018, 2019, 2020 годах

Источник: данные Норвежского иммиграционного управления.

Далее мы проанализируем число поданных заявлений на соискание убежища, зарегистрированных в Норвегии в 2018—2020 годах. Очевидно, что количество ходатайств о предоставлении убежища заметно сократилось с февраля по апрель, оставалось на очень низком уровне до июня, а затем снова возросло и сократилось в сентябре и октябре. Как сказано выше, вполне вероятно, что такая тенденция вызвана временным приостановлением прибытия беженцев для переселения (беженцев по квоте) 14 марта⁴¹. Данное распоряжение касалось беженцев, которым уже был предоставлен вид на жительство в Норвегии и жилье в конкретном норвежском муниципалитете, но они все еще не проживали в стране. При этом беженцы не могли выехать в Норвегию из мест своего проживания. Еще одним осложняющим фактором для всех других мигрантов, которые намеревались искать убежища в Норвегии, оказались общие ограничения на поездки в нее, осуществление которых стало маловероятным и дорогостоящим процессом (авиасообщение или транспортное сообщение с Норвегией оказалось серьезно затруднено и требовало значительных финансовых затрат, большинство рейсов и направлений было закрыто). Наконец, многие мигранты также не решались отправиться в Норвегию из-за повышенного риска заражения, введенного карантина или трудностей, вызванных измененной процедурой пограничного контроля [8, р. 405].

В заключение мы рассмотрели количество несовершеннолетних без сопровождения взрослых, которые подавали прошения о предоставлении убежища в Норвегии в последние годы (рис. 4). Очевидно, что в 2018 и 2019 годах число соискателей убежища в этой группе мигрантов было выше, чем в 2020 году. В 2018 и 2019 годах оно продолжало сокращаться в первой половине года и резко возросло с августа по сентябрь. В 2020 году тенденция была обратной. Количество несовершеннолетних, ищущих убежище, без сопровождения взрослых уменьшилось с 15 человек в январе до 0 в апреле, а затем снова возросло в мае, июне и июле, достигнув уровня предыдущих лет в августе. Затем в сентябре и октябре это число вновь сократилось, стабилизировавшись на более низком уровне по сравнению с предыдущими годами. Настоящие данные подтверждают, что пандемия COVID-19 повлияла на количество несовершеннолетних без сопровождения взрослых, иммигрирующих в Норвегию.

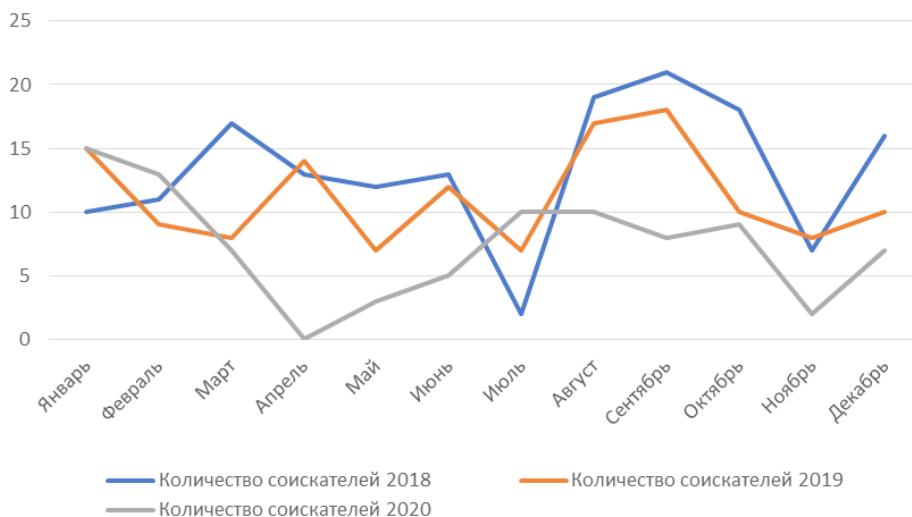

Рис. 4. Зарегистрированные заявления о предоставлении убежища в Норвегии от несовершеннолетних без сопровождения взрослых в 2018, 2019, 2020 годах

Источник: данные Норвежского иммиграционного управления.

⁴¹ *Tidslinje: myndighetenes håndtering av koronasituasjonen* // Regjeringen.no. URL: <https://www.regjeringen.no/no/tema/Koronasituasjonen/tidslinje-koronaviruset/id2692402/> (дата обращения: 25.04.2020).

Заключение

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выяснить, как распространение COVID-19 привело к изменениям институциональных ограничений иммиграции и мобильности на европейском уровне в целом и в Норвегии в частности и какие последствия введение мер по борьбе с COVID-19 имело для иммиграции в Норвегию, особенно для соискания убежища.

Мы определили, что ограничительные меры были приняты в Европе относительно рано, однако они значительно различались по содержанию и срокам реализации в зависимости от принятия их в конкретной стране ЕС и в Норвегии в частности. В основном меры касались общих ограничений мобильности / миграции, а также сокращения числа тесных личных контактов во время различных процедур, сопровождающих процесс миграции. Важно отметить, что эти меры не были направлены на регулирование миграции или мобильности, то есть не являлись в первую очередь мерами миграционной политики, а были мотивированы соображениями политики в области здравоохранения и безопасности [16]. Проанализированные числовые показатели должны интерпретироваться именно в данном контексте. Так, например, если события 2018 и 2019 годов (и события предшествующих лет) в основном представляют собой следствие мер политики миграции и безопасности, то процессы роста и снижения числа мигрантов в 2020 году — это результат мер политики в области здравоохранения и безопасности в целях борьбы с угрозой COVID-19 (ограничения на въезд и выезд, запреты путешествий, ограничение возможностей личного общения, необходимость физического или социального дистанцирования, введение карантинных мер и т.д.). В исследуемых нами случаях — прошениях о предоставлении убежища в Норвегии в 2020 году — имеющиеся данные демонстрируют значительное снижение количества поданных прошений, что можно рассматривать как отражение процесса значительного сокращения числа беженцев, прибывающих в период с февраля по июнь в результате принятых мер борьбы с COVID-19. Эти меры в том виде, в котором они были реализованы по всей Европе, почти мгновенно создали серьезные препятствия для мобильности, что привело к ее фактической приостановке.

С точки зрения политологов [17; 18], процедурно политика государств претерпела радикальные изменения. В условиях борьбы с COVID-19 произошла де-демократизация проявлений содержательного аспекта политических действий («политики») в процессе принятия политических решений, то есть противопоставление консенсуса и конфликта практически исчезло, по крайней мере в краткосрочной перспективе. «Мы являемся свидетелями разрушения повседневной политической практики и возникновения ощущения экзистенциальной тревоги, стимулирующей политическую активность перед лицом “внешнего врага”, создающего хаос и порождающего страх за жизнь и здоровье» [19].

Вследствие радикальных изменений в установленных институциональных механизмах миграции и мобильности, а также в соответствующих процедурах мигранты были вынуждены почти мгновенно адаптировать свои действия в соответствии с новыми требованиями, вызванными борьбой с COVID-19. «Ситуация оказалась особенно сложной как для тех, кто путешествовал, так и для тех, кто не совершал поездок, поскольку отсутствие готовности к пандемии и неизвестность, вызванная распространением COVID-19, представляли реальную угрозу безопасности» [8, p. 405]. Возникающая неопределенность осложнила жизнь мигрантов на многих уровнях. Во-первых, изменились институциональные условия миграции. Все введенные в рамках борьбы с COVID-19 изменения должны были быть сначала осмыслены, расшифрованы в контексте новой ситуации и реализованы на практике в соответствии со скорректированными институциональными процедурами. В результате возникла неопределенность в положении мигрантов, возросла неопределенность относительно объема информации, необходимой мигрантам для принятия соответствующих решений относительно их собственной миграционной ситуации. Неясными также оказались возможные альтернативы действий процесса миграции, а именно в слу-

чаях с прошением убежища и осуществлением процедур, соответствующих этому процессу. Наконец, неопределенность существует и в отношении последствий новых ограничительных условий. Мигрантам остается непонятным, какие их действия с наибольшей вероятностью могут помочь им достичь цели, с какими препятствиями и рисками они встретятся и какие институциональные правила и процедуры применяются в соответствующих странах в контексте борьбы с COVID-19. «В пунктах отправления и назначения перемещающиеся и неперемещающиеся лица сталкиваются с новыми опасностями и реальностью, способной изменить их планы на будущее» [8, p. 407]. Многие мигранты задаются вопросом, следует ли переезжать во время COVID-19. «Решение уехать может оказаться таким же трудным, как и решение остаться и оказаться в режиме самоизоляции» [8, p. 407].

«Эта чрезвычайная ситуация влечет за собой радикальные политические меры и максимально ограниченную социальную жизнь» [19]. Мигранты больше не могут быть мобильными, они должны следить за политическими действиями и введенными мерами, «иммобилизовать» себя и физически, и социально. В контексте COVID-19 мобильность и миграция все больше и больше воспринимаются как риск для общественного здоровья на наднациональном, национальном и субнациональном уровнях, как сообщник «внешнего врага», угроза жизни и здоровью [19].

Однако цели политического регулирования ситуации с COVID-19 не следует объединять с их последствиями, поскольку объект регулирования — в нашем случае мобильность и миграция — обладает своей собственной автономией действий в рамках контроля и регулирования [20; 21]. Соответственно, несмотря на описанную ограничительную миграционную политику, вызванную COVID-19, можно предположить, что миграционная активность будет условно динамичной. Именно аспекты возникновения, процесса и автономности могут быть использованы в качестве отправной точки для дальнейших исследований, ставящих задачу изучить институциональные контексты и формы действия субъектов (корпоративных агентов, а также мигрантов) в контексте пандемии, а также определить роль непредвиденных обстоятельств в принятии ограничительных политических действий в отношении мобильности и миграции.

Список литературы

1. Urry J. *Mobilities*. Cambridge, 2007.
2. Spencer S. *The Migration Debate*. University of Bristol, 2011
3. Castles S., Haas H. D., Miller M. J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. 5th ed. Basingstoke, 2013.
4. Goldin I., Cameron G., Balarajan M. *Exceptional People. How Migration Shaped Our World and Will Define Our Future*. Princeton, 2011
5. Ryazantsev S. V., Molodikova I. N. Guest Editor's Introduction. New economic and migratory trends in the Baltic Sea region during the COVID-19 pandemic // *The Baltic Region*. 2020. Vol. 12, № 4. P. 4—9. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-1>.
6. Adey P., Hannam K., Sheller M., Tyfield D. Pandemic (Im)mobilities // *Mobilities*. 2021. Vol. 16, iss. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1080/17450101.2021.1872871>.
7. Jensen O. B. Pandemic disruption, extended bodies, and elastic situations — Reflections on COVID-19 and Mobilities // *Mobilities*. 2021. Vol. 16, № 1. P. 66—80. <https://doi.org/10.1080/17450101.2021.1867296>.
8. Cohen J. H. Editorial: Modeling Migration, Insecurity and COVID-19 // *Migration Letters*. 2020. Vol. 17, № 3. P. 405—409. <https://doi.org/10.33182/ml.v17i3.986>.
9. Chakraborty I., Maity P. COVID-19 outbreak: Migration, Effects on Society, Global Environment and Prevention // *Science of The Total Environment*. 2020. Vol. 728, № 138882. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.138882>.
10. Christensen T., Lægveid P. Balancing Governance Capacity and Legitimacy: How the Norwegian Government Handled the COVID-19 Crisis as a High Performer // *Public Administration Review*. 2020. Vol. 80, № 5. P. 774—779. <https://doi.org/10.1111/puar.13241>.
11. Schoefberger I., Rango M. COVID-19 and Migration in West and North Africa and Across the Mediterranean. Switzerland, 2020. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/covid19-and-migration-in-west-and-north-africa.pdf> (дата обращения: 25.04.2020).
12. Salazar N. B. Existential vs. essential mobilities: insights from before, during and after a crisis // *Mobilities*. 2021. Vol. 16, № 1. P. 20—34. doi:10.1080/17450101.2020.1866320.

13. Kluge H. H. P., Jakab Z., Bartovic J. et al. Refugee and Migrant Health in the COVID-19 Response // *The Lancet*. 2020. Vol. 395, № 10232. P. 1237—1239. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30791-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30791-1).

14. Langfeldt Dahlback M., Molnes G., Skiphavn S. S. Foreslår ikke ekstra hemmelighold for Koronakommisjonen — likevel // *Faktisk*. 2020. URL: <https://www.faktisk.no/artikler/Glj/foreslar-ikke-ekstra-hemmelighold-for-koronakommisjonen-likevel> (дата обращения: 25.04.2020).

15. Sirkeci I., Yucesahin M. M. Coronavirus and Migration: Analysis of Human Mobility and the Spread of Covid-19 // *Migration Letters*. 2020. Vol. 17, №2. P. 379-398. doi:10.33182/ml.v17i2.935

16. Gagnon J. 2020 COVID-19: Consequences for International Migration and Development // OECD. URL: <https://oecd-development-matters.org/2020/04/02/covid-19-consequences-for-international-migration-and-development/> (дата обращения: 25.04.2020).

17. Rohe K. Politik, Begriffe und Wirklichkeit. Stuttgart, 1994.

18. Jahn D. Einführung in die vergleichende Politikwissenschaft. Wiesbaden, 2006.

19. Møen A. Den uverkelege verkelegheita. Den ekstraordinære koronapolitikken har utretta meir for miljøet på 14 dagar enn det miljøørsla har gjort over fleire tiår // *Morgenbladet*. 28.03.2020. URL: <https://www.morgenbladet.no/ideer/kronikk/2020/03/28/den-uverkelege-verkelegheita/> (дата обращения: 25.04.2020).

20. Mayntz R. Über Governance. Institutionen und Prozesse politischer Regelung. Frankfurt a/M, 2009.19.

21. Mayntz R. Politische Steuerung und gesellschaftliche Steuerungsprobleme — Anmerkungen zu einem theoretischen Paradigma / T. Ellwein (ed.). Jahrbuch zur Staats- und Verwaltungswissenschaft Band 1. P. 89—110. Baden-Baden, 1987.

Об авторах

Ян Скробанек, профессор, кафедры социологии, Университет г. Бергена, Норвегия.

E-mail: jan.skrobaneke@uib.no

<https://orcid.org/0000-0001-6714-8198>

Сольвейг Йобст, профессор, Университет прикладных наук Западной Норвегии, Норвегия.

E-mail: Solvejg.Jobst@hvl.no

<https://orcid.org/0000-0002-0807-1933>

THE IMPACT OF COVID-19 ON IMMIGRATION: THE TRANSFORMATION OF NORWEGIAN MIGRATION POLICY ON ASYLUM SEEKERS

J. Skrobaneke¹

S. Jobst²

---

¹ University of Bergen P.O. Box 7800, Bergen, 5020, Norway

² Western Norway University of Applied Sciences
Postbox 7030, 5020 Bergen, Norway

Received 18 November 2020

doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-7

© Skrobaneke, J., Jobst, S., 2021

Until just a year ago, hardly anyone believed that the increasingly unrestrained growth in mobility could be so abruptly interrupted by a radical immobilisation of large population groups. Neither mobility studies nor other research fields had foreseen this kind of scenario in their mobility and migration models. In the past decades, the belief in unconstrained mobility, as well as the practice of mobility and its scientific modelling, relied on the idea of unbounded growth at the sub-national, national and supra-national level. The article focuses on immigration to Norway, showing how institutional constraints were used to deal with the spread of COVID-19 and how they affected immigration to the country.

Due to complexity reasons, we focus exclusively on the situation of asylum seekers, giving additional attention to unaccompanied minors. These groups' migration status is assumed to make them especially susceptible to the newly established immigration measures. Drawing upon a combined focus of data on migration regulations and asylum application statistics, we examine what impact mobility-related COVID-19 measures implemented in Norway since January 2020 had on asylum procedures, asylum mobility and asylum applications in Norway.

Keywords:

COVID-19, immigration, asylum seekers, Norway, policies

References

1. Urry, J. 2007, *Mobilities*, Cambridge, Polity Press.
2. Spencer, S. 2011, *The Migration Debate*, University of Bristol, The Policy Press.
3. Castles, S., Haas, H. D., Miller, M. J. 2013, *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*, 5th ed., Basingstoke, Palgrave Macmillan.
4. Goldin, I., Cameron, G., Balarajan, M. 2011, *Exceptional People. How Migration Shaped Our World and Will Define Our Future*, Princeton, Princeton University Press.
5. Ryazantsev, S. V., Molodikova, I. N. 2020, Guest Editor's Introduction. New economic and migratory trends in the Baltic Sea region during the COVID-19 pandemic, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 4, p. 4–9. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-1>.
6. Adey, P., Hannam, K., Sheller, M., Tyfield, D. 2021, *Pandemic (Im)mobilities*, *Mobilities*, vol. 16, no. 1 p. 1–19. doi: <https://doi.org/10.1080/17450101.2021.1872871>.
7. Jensen, O. B. 2021, Pandemic disruption, extended bodies, and elastic situations — Reflections on COVID-19 and Mobilities, *Mobilities*, vol. 16, no. 1, p. 66–80. doi: <https://doi.org/10.1080/17450101.2021.1867296>.
8. Cohen, J. H. 2020, Editorial: Modeling Migration, Insecurity and COVID-19, *Migration Letters*, vol. 17, no. 3, p. 405–409. doi: <https://doi.org/10.33182/ml.v17i3.986>.
9. Chakraborty, I., Maity, P. 2020, COVID-19 outbreak: Migration, Effects on Society, Global Environment and Prevention, *Science of The Total Environment*, no. 728, 138882. doi: <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.138882>.
10. Christensen, T., Lægred P. 2020, Balancing Governance Capacity and Legitimacy: How the Norwegian Government Handled the COVID-19 Crisis as a High Performer, *Public Administration Review*, vol. 80, no. 5, p. 774–779. doi: <https://doi.org/10.1111/puar.13241>.
11. Schoefberger, I., Rango, M. 2020, *COVID-19 and Migration in West and North Africa and Across the Mediterranean*, Switzerland, available at: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/covid19-and-migration-in-west-and-north-africa.pdf> (accessed 25.04.2020).
12. Salazar, N. B. 2021, Existential vs. essential mobilities: insights from before, during and after a crisis, *Mobilities*, vol. 16, no. 1, p. 20–34. doi: <https://doi.org/10.1080/17450101.2020.1866320>.
13. Kluge, H. H. P., Jakab, Z., Bartovic, J. 2020, D'Anna, V., Severoni S.. Refugee and Migrant Health in the COVID-19 Response, *The Lancet*, vol. 395, no. 10232, p. 1237–1239. doi: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30791-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30791-1).
14. Langfeldt Dahlback, M., Molnes, G., Skiphavn, S. S. 2020, Foreslår ikke ekstra hemmelighold for Koronakommisjonen — likevel, *Faktisk*, available at: <https://www.faktisk.no/artikler/Glj/foreslar-ikke-ekstra-hemmelighold-for-koronakommisjonen-likevel> (accessed 25.04.2020).

15. Sirkeci I., Yucesahin M. M. Coronavirus and Migration: Analysis of Human Mobility and the Spread of Covid-19 // *Migration Letters*. 2020. Vol. 17, №2. P. 379-398. doi:10.33182/ml.v17i2.935
16. Gagnon, J. 2020, COVID-19: Consequences for International Migration and Development, *OECD*, available at: <https://oecd-development-matters.org/2020/04/02/covid-19-consequences-for-international-migration-and-development/> (accessed 25.04.2020).
17. Rohe, K. 1994, *Politik, Begriffe und Wirklichkeit*, Stuttgart, Kohlhammer.
18. Jahn, D. 2006, *Einführung in die vergleichende Politikwissenschaft*, Wiesbaden, VS Verlag.
19. Møen, A. 2020, Den uverkelege verkelegheita. Den ekstraordinære koronapolitikken har utretta meir for miljøet på 14 dagar enn det miljørørsla har gjort over fleire tiår, *Morgenbladet*, 28.03.2020, available at: <https://www.morgenbladet.no/ideer/kronikk/2020/03/28/den-uverkelege-verkelegheita/> (accessed 25.04.2020).
20. Mayntz, R. 2009, *Über Governance. Institutionen und Prozesse politischer Regelung*, Frankfurt a/M, Campus Verlag.19.
21. Mayntz, R. 1987, Politische Steuerung und gesellschaftliche Steuerungsprobleme — Ane merkungen zu einem theoretischen Paradigma. In: Ellwein, T. (ed.) *Jahrbuch zur Staats- und Verwaltungswissenschaft*, B. 1, p. 89—110, Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft.

The authors

Prof. Jan Skrobanek, Department of Sociology, University of Bergen, Norway.

E-mail: jan.skrobanek@uib.no

<https://orcid.org/0000-0001-6714-8198>

Prof. Solvejg Jobst, Western Norway University of Applied Sciences, Norway.

E-mail: Solvejg.Jobst@hvl.no

<https://orcid.org/0000-0002-0807-1933>

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИММИГРАЦИЯ В ФИНЛЯндию: НОВЫЕ ФОРМЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

С. В. Рязанцев
Г. И. Гаджимурадова

Московский государственный
институт международных отношений МИД РФ,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6/1

Поступила в редакцию 20.11.2020

doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-8

© Рязанцев С. В., Гаджимурадова Г. И., 2021

Долгое время, вплоть до 1960-х годов, Финляндия была страной эмиграции. За короткий промежуток времени из страны с депрессивной экономикой она превратилась в «страну всеобщего благоденствия», что поставило ее в ряд государств, привлекательных для иммиграции. Вследствие демографических проблем, отразившихся на рынке труда, социальной сфере и проч., Финляндия сегодня заинтересована в притоке трудовых мигрантов, в первую очередь из сопредельных стран. Основную часть иммигрантов, приезжающих в Финляндию из стран Евросоюза, составляют граждане Эстонии. Но гораздо больший демографический потенциал имеет иммиграция из России и других стран бывшего СССР, не входящих в Евросоюз. Эта иммиграция классифицируется несколькими направлениями: от сезонной до иммиграции предпринимателей и высококвалифицированных специалистов. В настоящее время основными потоками эмиграции из России в Финляндию можно считать образовательную и трудовую, а также эмиграцию по линии воссоединения семей и брачную миграцию. Статья представляет собой попытку исследования потоков иммиграции в страну из приграничных стран, прежде всего из России. Результатом исследования является анализ основных каналов миграции в Финляндию, среди которых важную роль играет миграция по линии воссоединения семей, образовательная миграция, миграция высококвалифицированных кадров и появление русскоязычного бизнеса в стране. Финляндия нуждается в притоке медицинских работников, ученых разных специальностей, специалистов в области IT-технологий, развитии бизнеса и пр. Это актуально для приграничных с Россией районов Финляндии, где, например, сегодня остро ощущается дефицит медицинских кадров высшего и среднего звена. Особое внимание в исследовании уделяется профессиональной и социально-демографической структуре потока трудовых иммигрантов в Финляндию и миграционной политике страны по адаптации и интеграции русскоговорящих иммигрантов. Статья позволяет представить общую картину современной миграционной политики Финляндии в отношении трудовой миграции из России и мигрантов из других стран. В ходе сбора и обработки материалов исследования использованы данные официальных сайтов статистики миграционной службы Финляндии, службы занятости, базы данных Статистического управления Финляндии, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), национального управления образования Финляндии.

Ключевые слова:

трудовая иммиграция, брачная иммиграция, образовательная иммиграция, Финляндия,

Для цитирования: Рязанцев С. В., Гаджимурадова Г. И. Русскоязычная иммиграция в Финляндию: новые формы, тенденции, последствия // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 2. С. 146–164.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-8.

Россия, ЕС, интеграция иммигрантов, миграционный кризис, иммиграционная политика, русскоговорящие иммигранты

Участие России в мировых миграционных потоках приобретает с начала 1990-х годов масштабный и многообразный характер [1, с. 499—509]. По примерным оценкам за пределами России, в дальнем зарубежье на начало 1990-х годов насчитывалось около 20 млн соотечественников¹. Одной из популярных стран, куда эмигрируют российские граждане, стала Финляндия. В настоящее время главными каналами эмиграции из России в Финляндию можно считать образовательную и трудовую эмиграцию. Определенную долю эмиграции занимают брачная эмиграция и эмиграция по линии воссоединения семей. Особо следует отметить, что именно трудовая миграция в Финляндию для россиян стала основным каналом миграции. Вместе с тем россияне активно посещают Финляндию для покупок, осваивают рынок труда, приобретают недвижимость, поступают в университеты.

Тема русскоязычной иммиграции широко представлена в трудах финских исследователей. Так, эмиграции русскоговорящих учителей, их роли и участию в образовательной системе финских школ в приграничных населенных пунктах Финляндии, различию систем образования Финляндии и России посвящено исследование А. Стихина и Т. Рынкянена [2]. О приоритете семейных традиционных установок в жизни российских и польских женщин в Финляндии, связи поколений в их семьях пишет Т. Тиайнен-Кадир [3]. Тема повседневной жизни русских иммигранток, проживающих в приграничных регионах, их жизненные приоритеты, история брачной иммиграции русскоязычных женщин исследуются в работе Р. Пёллянен и О. Давыдовой-Мингет [4]; обеспечение условий жизни и работы сезонных мигрантов из сопредельных стран, зависимость фермерских хозяйств Финляндии от сезонных рабочих рассмотрен в статье Р. Алхо и М. Хеландера [5]. Масштабам русскоязычной иммиграции, растущему этнокультурному разнообразию страны, попыткам поиска баланса между сохранением идентичности и интеграцией иммигрантов посвящено исследование А. Брылка, Т. Мехонен и И. Ясинской-Лаhti [6]. Важная тема дискриминации и психологической адаптации подростков — иммигрантов из русскоязычных семей, их ориентации на традиционные ценности и национальной идентичности раскрыта в эмпирическом исследовании И. Ясинской-Лаhti и К. Либкинд [7]. Глобализации высшего образования и росту числа иностранных квалифицированных кадров в Финляндии посвящена работа Э. Экселя [8]. Причины эмиграции российских врачей в Финляндию рассматриваются Д. Хабти [9]. Интересны выводы исследователей Х. Эггебё и Ж.-П. Брекке [10] о связи между семейной миграцией и интеграцией.

Данная статья аккумулирует в себе проблемы, поднимаемые учеными-исследователями как в Финляндии, так и в России. Столь интенсивный миграционный обмен, прежде всего в приграничных регионах, связан с тем, что страны объединяет общая протяженная граница, история, социокультурные особенности, родственные контакты. В связи с демографическими проблемами, которые являются общими для большинства европейских стран и для России, Финляндия в настоящее время делает ставку на иммигрантов. В исследовании показано влияние русскоговорящей иммиграции на социально-экономическое развитие страны, что прослеживается в развитии и становлении «русскоговорящей» экономики, а также рынка высококвалифицированных кадров. Это новое явление, требующее более подробного изучения.

Задача исследования заключается в анализе особенностей эмиграции в Фин-

¹ Миграционные процессы в России / под ред. В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского. М. : Эконинформ, 2014. С. 383.

ляндию российских граждан и русскоязычного населения с территории бывшего СССР, выявлении особенностей миграционной политики Финляндии в области привлечения трудовых мигрантов. В работе используются элементы статистического, компаративного и формализованного анализа, основанного на сборе и обработке информации, изучении и сопоставлении фактов и выявлении причинно-следственных связей между ними, а также некоторые результаты полевых исследований, проведенных авторами в Восточной Финляндии в г. Йоэнсуу в декабре 2019 года.

Факторы иммиграции в Финляндию

В настоящее время Финляндия в рейтинге стран по версии *Good Country Index* уже несколько лет (2017—2020) занимает первое место в мире². По данным рейтинга стран по уровню счастья *World Happiness Report* Финляндия также находится на первом месте в мире (индекс 7,842)³. Вместе с тем Финляндия заметно продвинулась и по индексу политики интеграции иммигрантов (MIPEX). Сегодня она занимает одно из первых мест среди 52 стран, представленных в рейтинге. MIPEX включает оценку интеграционной политики государства в отношении мигрантов в восьми сферах: мобильности рынка труда, воссоединения семей иностранных граждан, образования, политической вовлеченности, института вида на жительство, доступа к гражданству, антидискриминационных мер и здравоохранения⁴.

Вместе с тем Финляндия, как и большинство стран Европы, испытывает серьезные проблемы с сокращением рождаемости, демографическим старением населения, дефицитом квалифицированных кадров и, следовательно, отсутствием перспектив пополнения численности трудовых ресурсов естественным путем. В результате единственным источником пополнения трудовых ресурсов в страну становится привлечение иностранной рабочей силы [11, с. 472] Финляндия заинтересована в притоке в страну молодых, образованных, амбициозных людей, которые в будущем могли бы стать ее гражданами. Совершенно очевидно, что «Россия и страны ЕС постепенно становятся конкурентами в борьбе за трудовые ресурсы из стран СНГ» [12, с. 18].

Традиционно большая часть населения Финляндии была занята в сельском хозяйстве. Несмотря на индустриализацию, долгое время в силу своего периферийного положения Финляндия во второй половине XX века не была страной назначения для иммигрантов [13, с. 133—141]. Напротив, из-за экономических проблем в 1960—1970-е годы отмечалась масштабная трудовая эмиграция из Финляндии в Швецию, где в то же самое время наблюдался рост экономики и требовались рабочие руки. Швеция — ближайший сосед Финляндии, имеет очень близкую финнам культурно-историческую парадигму, что и способствовало притяжению финских трудовых мигрантов.

Постепенно с начала XXI века Финляндия становится постиндустриальной страной, а также параллельно превращается в принимающую иммигрантов страну. Учитывая, что Россия является для Финляндии важным партнером во многих сферах, страны связывает общая история, они имеют протяженную границу, реализуется множество экономических и культурных проектов. Все это способствует

² *The Good Country index*. URL: <https://www.goodcountry.org/index/results> (дата обращения: 19.10.2020).

³ *Рейтинг стран мира по уровню счастья по версии Организации Объединенных Наций*. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info> (дата обращения: 10.09.2020).

⁴ *Migrant integration Policy Index*. URL: <https://www.mipex.eu/finland> (дата обращения: 19.10.2020)

развитию различных форм иммиграции и определяет значительные масштабы привлечения трудовых ресурсов из России и стран бывшего СССР.

Основные каналы миграции российских граждан в Суоми сегодня — это миграция по линии воссоединения семей, в том числе брачная миграция, образовательная миграция, разные виды трудовой миграции (миграция высококвалифицированных кадров, бизнес-миграция, сезонная и пр.). Миграция по линии воссоединения семьи является самой распространенной причиной переезда в Финляндию. В таблице 1 представлено количество заявок на получение вида на жительство по линии воссоединения семей с 2015 по 2018 год и за 6 месяцев 2019 года, поданных гражданами разных стран, по данным Министерства внутренних дел и миграционной службы Финляндии. Согласно этим данным больше трети (37 %) российских иммигрантов переехали в Финляндию по линии воссоединения семей.

Таблица 1

Количество заявок на получение вида на жительство по линии воссоединения семей в Финляндии, чел.

Страна	2015	2016	2017	2018	2019 (первое полугодие)
Россия	1 383	1 592	1 172	1 208	595
Индия	677	579	700	936	536
Ирак	558	1 100	1,689	846	364
Сомали	483	576	661	558	274
Китай	410	431	433	459	230
Таиланд	552	516	422	441	223
Украина	268	278	310	382	192
Прочие страны	5,138	5,071	6,232	6,206	3,109
<i>Всего</i>	9 469	10 578	11 619	11 036	5,523

Источник: International Migration 2018—2019 — Report for Finland. P. 32. URL: https://ju-ikaisut.valtionuuvosto.fi/bitstream/handle/10024/161871/SM_2019_32.pdf?sequence=1&is-Allowed=y (дата обращения: 28.09.2020).

В таблице 2 можно видеть количество положительных решений по заявкам на вид на жительство по линии воссоединения семей.

Таблица 2

Количество положительных решений по предоставлению вида на жительство по линии воссоединения семей в Финляндии, чел.

Страна	2015	2016	2017	2018	2019 (первое полугодие)
Россия	1 281	1 472	1 012	1 052	527
Ирак	317	557	1,107	902	340
Индия	688	565	698	873	425
Сомали	411	410	448	469	192
Таиланд	540	472	350	369	222
Прочие страны	4 802	4 695	5 474	5 434	2 922
<i>Всего</i>	8 039	8 171	9 089	9 009	4 628

Источник: International Migration 2018—2019 — Report for Finland. P. 33. URL: https://ju-ikaisut.valtionuuvosto.fi/bitstream/handle/10024/161871/SM_2019_32.pdf?sequence=1&is-Allowed=y (дата обращения: 28.09.2020).

Очевидно, что россияне составляют основной поток мигрантов, переехавших в Финляндию по семейным обстоятельствам, и эта тенденция, вероятно, в ближайшие годы будет сохраняться.

Структура потока иммигрантов в Финляндию

Значительный приток иммигрантов в Финляндию происходит в основном из стран, не входящих в Евросоюз. Основную часть иммигрантов, приезжающих в Финляндию из стран Евросоюза, составляют только граждане Эстонии⁵. Отмечается устойчивая тенденция роста вклада иммиграционного прироста в население Финляндии (рис. 1). Большой демографический потенциал имеет иммиграция из России и других стран бывшего СССР, прежде всего из Украины.

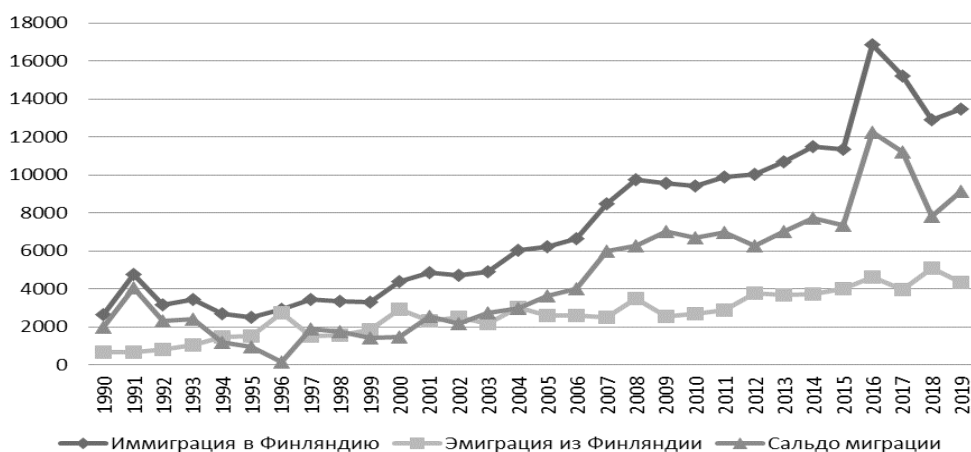

Рис. 1. Миграция между Финляндией и странами, не входящими в ЕС, в 1990—2019 годах, чел.

Источник: *Statistics Finland Maahanmuuttovirasto Migratiosverket Finnish Immigration Service*. URL: http://www.stat.fi/til/muutl/2018/muutl_2018_2019-06-17_kuv_001_en.html (дата обращения: 05.11.2020).

Главными сферами занятости, в которых наблюдается нехватка специалистов, являются транспорт и логистика, жилищное строительство, сварочные, сантехнические работы, металлообработка, садово-парковые и лесные работы, уборка территорий. В последнее время устойчиво растет спрос на специалистов сферы услуг, информационных технологий.

В 2019 году гражданам России было выдано 7853 вида на жительство, гражданам Украины — 4093, гражданам Беларуси — 300⁶. Вид на жительство также получили граждане таких постсоветских республик, как Таджикистан (6), Кыргызстан (36), Казахстан (196). Для сравнения: вид на жительство в Финляндии за этот же период получили всего 8533 граждан ЕС.

⁵ *Maahanmuuttovirasto Migratiosverket Finnish Immigration Service*. URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#applications/23332?l=en> (дата обращения: 05.11.2020).

⁶ *Maahanmuuttovirasto Migratiosverket Finnish Immigration Service*. URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#decisions/21205?l=en&start=588&end=599> (дата обращения: 07.11.2020).

Движение трудовых ресурсов между приграничными регионами растет — многие жители Ленинградской области, Санкт-Петербурга, Карелии, Мурманской области ориентированы на эмиграцию в Финляндию. «Приграничные территории и города одними из первых взаимодействуют и реагируют на происходящие изменения и вызовы, связанные с массовыми перемещениями людей и ростом культурного разнообразия» [14, с. 495]. Речь идет прежде всего об экономических и политических изменениях в стране.

В 2018 году, по данным Международной организации труда, в Финляндии трудились около 25 тыс. граждан Эстонии, 8,4 тыс. граждан России, 3,3 тыс. граждан Швеции, 1,7 тыс. граждан Украины и т.д.⁷. Только за период с ноября 2018 года по октябрь 2019 года из России в Финляндию прибыло 12,2 тыс. человек⁸. Также 8,8 тыс. граждан России подали документы на вид на жительство в Финляндии, из которых 7,8 тыс. были одобрены⁹. Наряду с гражданами России активно эмигрируют в Финляндию граждане Украины: из 4,5 тыс. подавших на вид на жительство в 2019 году 4 тыс. получили положительное решение¹⁰.

В стране пользуется популярностью краткосрочная сезонная миграция сроком до трех месяцев. Работники приезжают в Финляндию по обычной туристической визе, так как на период менее 3 месяцев не требуется специального разрешения. Соответственно, и статистику в этом направлении вести сложно, поскольку такие специалисты не проходят специальной регистрации. Наибольший спрос отмечается на сезонных рабочих, в основном для сферы садово-паркового, лесного хозяйства и сбора ягод (летом), из Украины и Таиланда. В 2019 году среди сезонных рабочих преобладали граждане Украины (817 человек), Вьетнама (91 человек), России (65 человек), Беларуси (35 человек)¹¹.

Образовательная миграция в Финляндию связана с высоким качеством образования в стране, которое является бесплатным. К тому же финские университеты признаны одними из лучших в мире. Как отмечают в своем исследовании А. Муштайкоки и Е.Ю. Протасова, «образование, которое можно получить в Финляндии, существенно отличается от российского и содержанием, и формой, и качеством. Это особенно существенно для русскоязычных иммигрантов: через систему образования финляндское общество задает социальные нормы, к которым нужно привыкнуть» [15, с. 404]. В 2017 году был принят закон о платном обучении в англоязычной магистратуре для граждан из стран, расположенных за пределами Евросоюза. Стоимость обучения на магистерских программах составляет от 8 до 16 тыс. евро в год. Тем не менее студенты с российским гражданством и русскоязычные студенты представляют собой наиболее многочисленные группы среди иностранных учащихся в Финляндии. В таблице 3 представлена динамика численности иностранных студентов в учебных заведениях Финляндии, по данным Финского национального агентства по образованию (EDUFI).

⁷ *International Labour Organization* // Ilostat. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/> (дата обращения: 15.05.2020)

⁸ *Maahanmuuttovirasto* Migratiosverket Finnish Immigration Service. URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#applications?l=en&section=nationalities> (дата обращения: 20.10.2020).

⁹ *Maahanmuuttovirasto* Migratiosverket Finnish Immigration Service. URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#decisions/21205?l=en&section=nationalities> (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁰ *Maahanmuuttovirasto* Migratiosverket Finnish Immigration Service. URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#decisions/21205?l=en&section=nationalities> (дата обращения: 20.10.2020)

¹¹ *Maahanmuuttovirasto* Migratiosverket Finnish Immigration Service. URL: <https://tilastot.migri.fi/index.html#decisions/21205/59/2/488002?l=en&start=588> (дата обращения: 20.10.2020).

Таблица 3

Динамика численности иностранных студентов в учебных заведениях Финляндии, чел.

Топ-10	2016	2017	2018
Россия	772	457	502
Вьетнам	1005	419	478
Китай	491	304	426
Бангладеш	228	150	287
Непал	301	282	233
Германия	149	195	219
Индия	204	168	213
Эстония	152	169	163
Пакистан	203	148	162
Нигерия	186	129	148
Доля иностранных студентов, %	61	51	53

Источник: Finnish National Agency For Education. URL: <https://www.oph.fi/sites/default/files/documents/tilastoja-korkeakoulujen-ulkomaalaisista-tutkinto-opiskelijoista-ja-uusista-opiskelijoista-2018.pdf> (дата обращения: 25.08.2020).

В связи с вышесказанным показательным является приведенное ниже интервью с нашим соотечественником А. из Карелии.

Я вырос в небольшом населенном пункте недалеко от Петрозаводска. Мама моя работала учительницей в местной школе. После окончания университета в Петрозаводске я получил грант для дальнейшего обучения в магистратуре университета Йёнсуу. После окончания обучения мне предложили должность исследователя в университете. Сегодня я преподаю карельский язык в Университете Восточной Финляндии и являюсь ученым-исследователем. Говорю неплохо по-фински, успел адаптироваться. У меня друзья, среди которых многие из России. Хочу ли я вернуться? Наверное, при определенных условиях да. Мне очень нравится моя работа, я хотел бы сотрудничать с вузами в России.

Необходимо отметить, что в связи с ситуацией с COVID-19, по оценкам финских вузов, в Финляндию приедут более 2300 иностранных студентов по обмену. Это примерно 36 % от числа поступивших год назад¹².

Тенденции эмиграции из России в Финляндию

В первые годы после распада СССР эмиграция из России была представлена репатриацией этнических финнов (ингерманландцев) на историческую родину. Ингерманландские финны поселились на территории нынешнего Петербурга еще в XVII веке и принимали участие в строительстве города. Закон Финляндии о репатриации предоставлял привилегии коренным финнам¹³. Программа репатриации финнов-ингерманландцев завершилась 1 июля 2016 года. В июне 2016 года, в конце программы репатриации, в Иммиграционное управление Финляндии поступило ре-

¹² Finnish National Agency For Education. URL: <https://www.oph.fi/en/news/2020/higher-education-institutions-estimate-number-student-exchanges-autumn-semester-be-much> (дата обращения: 01.11.2020).

¹³ Кто жил в Петербурге до Петербурга. URL: <https://paperpaper.ru/photos/ingria-facts/> (дата обращения: 01.11.2020).

кордное количество заявлений репатриантов — 244. В то время как в мае 2016 года было подано всего 61 заявление. Этническая репатриация из России в Финляндию в основном происходит из приграничных регионов Северо-Запада России: Республики Карелия, Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Это можно объяснить приграничным положением, схожестью языка, менталитета, родственными и дружескими связями. В Финляндии около 10 тыс. носителей карельского языка и около 20 тыс. понимают его, но не говорят на нем. Для сравнения, в Карелии около 25 тыс. человек являются носителями карельского языка¹⁴, поэтому преподавание карельского языка входит в программу некоторых школ и университетов Финляндии.

Ежегодный прирост выходцев из России в Финляндии составляет от 1,5 до 2,7 тыс. человек (табл. 4).

Таблица 4

Миграция из России в Финляндию в 2009—2018 гг., чел.

2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
2445	2353	2852	3096	2901	2467	2155	2640	1811	1781

Источник: Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. URL: http://pxnet2.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vrm__muutl/statfin_muutl_pxt_11a9.px/ (дата обращения: 15.10.2020).

Увеличение контактов между Россией и Финляндией стимулирует приграничные муниципалитеты ее восточной части, такие как Йознсуу, Лаппеэнранта, Има-тра и другие, вводить в школах обязательные уроки русского языка и литературы. «В 2013 году парламент Финляндии одобрил создание Фонда поддержки русского языка и культуры, который, в частности, будет распределять стипендии на изучение русского языка в Финляндии и выделять средства на повышение квалификации его преподавателей. Правительство выделило 10 млн евро на его работу» [16].

В таблице 5 представлена динамика численности русскоговорящего населения в Финляндии. В Финляндии проживает более 79 тыс. человек, которые считают русский родным языком, что составляет около 21 % от общего количества носителей иностранных языков, проживающих в Финляндии. В стране работают более 145 общественных организаций, деятельность которых осуществляется на русском языке и/или связана с русскоязычными жителями страны. Об особом интересе государства к русскому языку и русскоговорящим иммигрантам говорит вручение в 2013 году государственной премии Министерства культуры и образования Финляндии финскому ученому-русисту Арто Мустайоки за книгу о русском языке [17].

Таблица 5

Численность населения в Финляндии, говорящего на соответствующих языках, чел.

Язык	2015	2016	2017	2018
Финский	48 656 28	4 857 795	4 848 761	4 835 778
Шведский	290 161	289 540	289 052	288 400
Саамский	1957	1969	1992	1995
Другие языки, всего	329 562	353 993	373 325	391 746

¹⁴ Karelian in Finland Eldia Case-Specific Report. URL: <https://services.phaidra.univie.ac.at/api/object/o:471733/diss/Content/get> (дата обращения: 13.11.2020).

Окончание табл. 5

Язык	2015	2016	2017	2018
Русский	72 436	75 444	77 177	79 225
Эстонский	48 087	49 241	49 590	49 691
Арабский	16 713	21 783	26 467	29 462
Сомалийский	17 871	19 059	20 007	20 944
Английский	17 787	18 758	19 626	20 713
Курдский	11 271	12 226	13 327	14 054
Персидский, фарси	8745	10 882	12 090	13 017
Китайский	10 722	11 334	11 825	12 407
Албанский	9233	9791	10 391	10 990
Вьетнамский	8273	9248	9872	10 440
<i>Всего</i>	5 487 308	5 530 297	5 513 130	5 517 919

Источник: Statistics Finland. URL: https://www.stat.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html#-foreignersinfinland (дата обращения: 20.10.2020).

В этом плане интересно интервью с нашим соотечественником М., взятое 24 ноября 2019 года в Университете Восточной Финляндии (Йоэнсуу).

Причиной моего переезда явилось желание дать хорошее образование и обеспечить дальнейшую перспективу моим детям. Их у меня двое. Один из них обучается в частной школе (образование бесплатное, как и в государственной), второй посещает детский сад (плата зависит от дохода родителей и составляет от 0 до 350 евро). Для нас посещение детского сада является бесплатным. Наша семья включена в программу по интеграции иммигрантов. Первый этап интеграции — это языковые курсы (государственные), которые посещает моя супруга. Она имеет высшее образование и стоит на учете в службе занятости. Как безработная получает пособие (около 500 евро). Курсы проводят организации, которые выиграли тендер на обучение. Продолжительность их 5 дней в неделю по 5 часов в течение полутора семестров. Причем посещение курсов стимулируется выплатой небольшого денежного пособия (около 200 евро).

Заметным миграционным потоком из России в Финляндию является брачная иммиграция. Брачная иммиграция — это особый путь миграции в страну. Финны охотно берут в жены представительниц России и стран бывшего СССР. Также распространена брачная иммиграция российских мужчин (табл. 6). Особенно много смешанных браков отмечается в приграничных городах и населенных пунктах¹⁵. Наряду с традиционными браками россияне вступают в Финляндии и в однополые браки. Но их количество настолько мало, что не подлежат рассмотрению (9 браков за 10 лет) в связи с тем, что не влияет на общую картину брачной иммиграции.

Таблица 6

Динамика брачной миграции из России в Финляндию в 2010—2018 гг., чел.

Пол	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Женщины (невесты с российским гражданством)	372	414	385	365	315	302	303	321	186
Мужчины (женихи с российским гражданством)	77	78	85	66	107	104	84	91	95

Источник: Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. URL: http://pxnet2.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vrm__ssaaty/statfin_ssaaty_pxt_121h.px/table/tableViewLayout1/ (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁵ Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. URL: http://pxnet2.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vrm__ssaaty/statfin_ssaaty_pxt_121h.px/table/tableViewLayout1/ (дата обращения: 20.12.2020).

Влияние иммиграции на социально-экономическое развитие Финляндии

Иммиграция в Финляндию представлена несколькими потоками: трудовые иммигранты, временные сезонные рабочие, высококвалифицированные специалисты, предприниматели и бизнесмены, брачные иммигранты. Сезонные работы относятся к работам в сельском хозяйстве и туризме, которые выполняются в определенное время года. Это сельскохозяйственные отрасли, такие как растениеводство, лесоводство, животноводство и связанные с ними услуги. Найм иностранцев является необходимым для бизнеса вследствие дефицита работников. «Иностранные сборщики находятся в маргинальном положении в финском обществе, в то же время сезонный бизнес в области сбора и сортировки сельскохозяйственной продукции зависит от “неаборигенных” сезонных рабочих из России, Украины и Эстонии» [5, р. 148—157]. К сезонным видам работ относится работа на горнолыжных курортах, туроператорская деятельность, услуги бронирования, услуги гида, пассажирские перевозки по прибрежным и внутренним водным путям, где также привлекаются иностранные специалисты из сопредельных стран.

В ближайшее время Финляндия активизирует миграционную политику с целью привлечения квалифицированных специалистов. Это осуществляется через систему грантов, программ академической мобильности, заключение долгосрочных контрактов. Отдельную группу составляют предприниматели. Открыть свой бизнес в стране не представляет особой сложности, но необходимо доказать, что этот бизнес надежен и способен приносить прибыль. Русскоговорящие иммигранты, образующие самую многочисленную группу некоренного населения Финляндии, активно участвуют в малом бизнесе: создают свои компании или занимаются индивидуальным предпринимательством. В Финляндии существуют благоприятные условия для развития малого бизнеса, причем правила одинаковы для всех предпринимателей. Так что путь к малому бизнесу в стране открыт всем, включая некоренное население.

В Финляндии сегодня насчитывается около 260 000 компаний; 93 % из них — это небольшие фирмы, имеющие в своем штате от 1 до 9 человек. На долю фирм, основанных иностранцами или представителями некоренного населения, приходится 3 % от общего количества фирм и предприятий Финляндии, что составляет примерно 6500 фирм.

По мнению специалиста Службы предпринимательства Хельсинки (Yrityks Helsingi) Тойво Утсо, молодые люди, обладающие высоким уровнем профессиональных знаний, отличаются стремлением начать свое дело. Он считает, что для молодых иммигрантов прежде всего важно изучение рынка и спроса на этом рынке. То, что хорошо продается в России, совсем не обязательно найдет спрос у финского потребителя. Наиболее типичными областями для начала своего бизнеса среди представителей некоренного населения являются торговля и сфера услуг. Все большей популярностью пользуется покупка уже существующего бизнеса — заводов, транспортных компаний, а также коммерческой недвижимости. В целом имеется тенденция к увеличению. Российские бизнесмены устремляются сюда, чтобы жить и работать. Но есть и такие, которые остаются в России, — их бизнес работает автономно¹⁶. В таблице 7 представлена динамика данных статистики Миграционной службы Финляндии о численности частных предпринимателей с гражданством России.

¹⁶ *Практические* советы начинающим предпринимателям. Свой бизнес в Финляндии <https://finland.fi/ru/biznes-i-innovatsii/svoj-biznes-v-finlyandii-prakticheskoe/> (дата обращения: 20.10.2020).

Таблица 7

Частные предприниматели с российским гражданством, чел.

2017	2018	2019	2020 (6 месяцев)
34	84	91	53

Источник: Statistics of the Finnish migration service. URL: <https://tilastot.migri.fi/#applications/21205/59/2/10?l=en&start=600> (дата обращения: 05.11.2020).

Список направлений деятельности, осваиваемых российскими бизнесменами, представлен туристическим бизнесом, логистикой, а также юридическими услугами и сферой обслуживания — ресторанами и кафе. Особенно велика доля русскоязычного бизнеса в приграничных с Россией районах. К примеру, в регионах Савонлинна и Лаапенранта в 2015 году насчитывалось более 60 зарегистрированных российских предприятий, на долю которых приходилось 15 % от общего количества предприятий в регионе. Популярный у российских предпринимателей регион Котка-Хамина составляет 12 % рынка. Здесь чаще всего покупают коммерческую недвижимость, открывают предприятия сферы обслуживания.

Во многих провинциях страны население растет исключительно за счет иммиграции. Доля иностранных граждан (с иностранным гражданством) в населении Финляндии различна по административным округам. Наибольшая доля отмечается на Аландских островах (Ahvenanmaa) — 11,1 %, Уусимаа (Uusimaa) (включая Хельсинки) 8,5 %, Похьянмаа (Pohjanmaa) — 5,3 %; наименьшая — в Северной Финляндии, в Лапландии (Lappi) — 2,3 %¹⁷.

Увеличение потока иммигрантов в Финляндию в 2014—2016 годах сопровождалось и ростом безработицы среди иностранных граждан, проживающих в стране (табл. 8).

Таблица 8

**Уровень безработицы среди иностранного населения Финляндии
в 2000—2018 годах, %**

2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018
31,7	19,3	23,1	18,1	14,8	13,6	14,2	16,8	17,6	14,1

Источник: Foreign-born unemployment // OECD. URL: <https://data.oecd.org/migration/foreign-born-unemployment.htm> (дата обращения: 20.10.2020)

В 2019 году около 73 % жителей Финляндии в возрасте от 15 до 64 лет имели оплачиваемую работу, что превышает средний уровень занятости по странам ОЭСР (68 %). Среди мужчин в Финляндии оплачиваемую работу имели около 74 %, а среди женщин — 72 % (рис. 2). Среди иммигрантов занятость значительно меньше: в 2000 году она составляла 45,2 %, а в 2018-м — 62,2 %. Среди них женщин — 54,9 %, мужчин — 70 %¹⁸.

¹⁷ Työmarkkinatilastot — Lappi URL: https://www.ely-keskus.fi/web/ely/ely-lappi-tyomarkkinatilastot?jsessionid=ECFEC46E5F63CA780B177B4FFBDD13A4?p_p_id=122_INSTANCE_aluevalinta&p_p_lifecycle=0&p_p_state=normal&p_p_mode=view&p_r_p_564233524_resetCur=true&p_r_p_564233524_categoryId=14253 (дата обращения: 05.11.2020).

¹⁸ Foreign-born employment // OECD. <https://data.oecd.org/migration/foreign-born-employment.htm> (дата обращения: 19.11.2020).

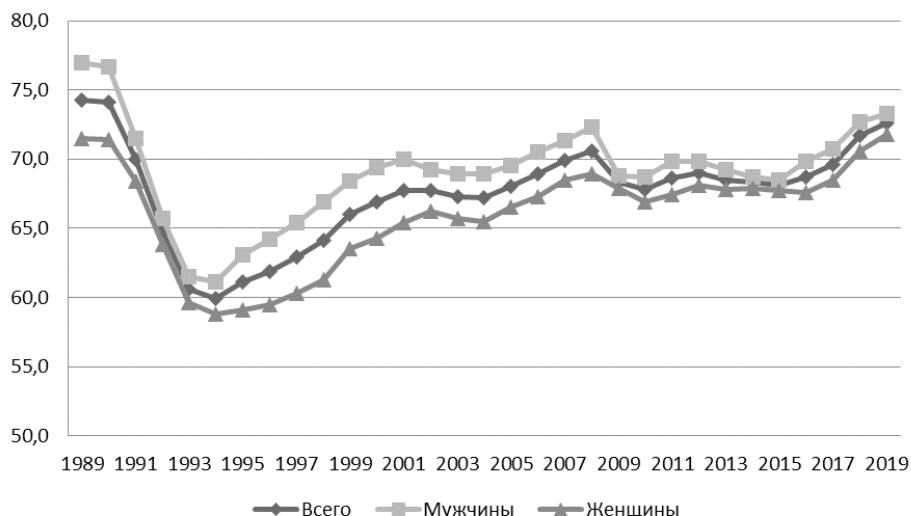

Рис. 2. Уровень занятости населения Финляндии в возрасте от 15 до 64 лет, %

Источник: Labour Market. Statistics Finland. URL: https://www.stat.fi/tup/suoluk/suoluk_tyoeelama_en.html#employmentrate,personsaged15to64 (дата обращения: 20.10.2020).

В связи с этим обеспечение занятости иммигрантов остается важнейшим направлением интеграционной политики Финляндии. В октябре 2006 года Министерство труда Финляндии приняло Программу миграционной политики, которая предполагает активное поощрение трудовой миграции в страну. При этом термин «трудовые мигранты» в финском законодательстве отсутствует. Одной из основных организаций, работающих с иммигрантами, является биржа труда (Työnvälitystoimisto), которая занимается вопросами трудоустройства иммигрантов. Министерство труда предоставляет информацию по вопросам трудоустройства, получения разрешений на работу и условиям труда в Финляндии.

Интеграция иммигрантов в финское общество

С точки зрения исследователей М.А. Питухиной и С.В. Сиговой, «интеграция мигрантов включает в себя вопросы образования, профессиональных и личных компетенций на финском и шведском языках, закрепление на рынке труда, здоровье, благосостояние и дискриминацию (использование неквалифицированного труда, сложности в процессе поиска работы, ощущение себя гражданином)» [18, с. 35—38]. Русскоговорящие иммигранты имеют более высокий уровень образования по сравнению с другими группами иммигрантов [2, с. 233—242]. Те, кто переехал в Финляндию с родителями в дошкольном возрасте, достаточно хорошо интегрированы в финское общество, но у них, как правило, не очень много контактов с русскоязычными сверстниками и уровень владения русским языком невысок. Переехавшие в школьном возрасте воспринимают себя билингвами, но с лучшим знанием русского языка в сравнении с финским. Они испытывают определенные сложности в общении с финскими сверстниками. Переехавшие и в дошкольном, и в школьном возрасте имеют, как правило, двойную идентичность.

Присутствие русской культуры, русского языка реализуется в семье, в своем этническом окружении. Финская же культура представлена за пределами семьи: в школе, медиа и в общении со сверстниками. Те, кто переехал в страну в более

взрослом возрасте, ощущают себя больше частью русского сообщества, общаются со своими соотечественниками, совместно отмечают праздники. Таким образом, круг знакомств довольно ограниченный и не имеет тенденцию к расширению, в то время как знание финского языка имеет решающую роль для получения образования, работы и социальной мобильности. Все это, конечно, существенно снижает процесс интеграции.

В связи с вышесказанным примечательно интервью с нашей соотечественницей Н., переехавшей в Финляндию (г. Йозенсуу) в предпенсионном возрасте по программе репатриации (бабушка мужа родилась на территории Финляндии), взятое в начале декабря 2019 года.

По приезду в страну мне пришлось пойти на курсы по интеграции. Языковые курсы потребовали от меня больших усилий, наверное, это связано с возрастом. Затем я получила вид на жительство. По законам Финляндии, я еще не пенсионерка (выход на пенсию в Финляндии — 65 лет, независимо от половой принадлежности), но устроиться на работу мне крайне сложно, потому что на работу неохотно берут русских и на вакантное место возьмут, конечно же, местного жителя. Да и профессия моя не столь востребована в небольшом городе — я учитель начальных классов. Найти друзей среди местного населения мне достаточно сложно, так как я плохо говорю по-фински, у нас разный менталитет, мы по-разному воспринимаем многие явления, нет общих знакомых, друзей, воспоминаний и т.д. Я общаюсь преимущественно с выходцами из России. Мы проводим встречи в клубах, где отмечаем праздники, дни рождения и проч.

Лучшим решением проблем с интеграцией русскоговорящего населения в Финляндии является обучение на двух языках. Оно возможно в Финско-русской школе и Базовой школе Мюллюпууро в Хельсинки, в Школе Пуолала в Турку, в Школе Восточной Финляндии в Иматре, Йозенсуу и Лаппеэнранте [19, с. 46].

Для получения гражданства обязателен экзамен на знание финского языка. Но если получить среднее профессиональное образование в стране, то языковой экзамен засчитывается без сдачи такового. Поэтому многие русскоговорящие иммигранты идут этим путем, даже если у себя на родине уже получили образование (часто высшее).

Эпоха глобализации сделала размытыми границы не только в плане простого перемещения народов и отдельных граждан, но и изменила природу самосознания собственной идентичности [20, р. 133] «Принципиально новые условия социокультурного существования заставили “старых”, автохтонных европейцев поставить вопросы, которые ранее казались излишними или даже неуместными» [21, с. 179]. Русскоязычные в Финляндии столкнулись с большим количеством трудностей, связанных в первую очередь с их интеграцией, которая осуществляется сквозь призму поиска собственной идентичности. По мнению О. Э. Давыдовой-Менге, «на фоне миграции из постсоветских стран в 2000-е гг. и, соответственно, роста культурного многообразия в Финляндии, а также сдвигов общественных настроений в отношении России (исчезновение страха перед “большим соседом”) “русскость” становилась для иммигрантов все более приемлемой в качестве варианта культурной самоидентификации» [22, с. 26—39]. Например, О. Ю. Гурова в своем эмпирическом исследовании подметила одну интересную особенность конструирования этнической идентичности русскоговорящих иммигрантов, проживающих в Финляндии, через стили в одежде, так называемые «стилевые репертуары» [23, с. 17—41].

Бесспорно, что один из важнейших вопросов интеграции — уровень владения финским языком. Помимо отсутствия знания языка причинами проблем с интеграцией является дискриминация (часто скрытая), проявляющаяся особенно ярко на рынке труда, и отношение коренного населения к сохранению русскими своей

идентичности. В Финляндии в 1999 году был принят Закон об интеграции иммигрантов и приеме лиц, ищущих убежища (Act on the Integration of Immigrants and Reception of Asylum Seekers)¹⁹. В 2005 году в связи с увеличивающимся количеством иммигрантов в него были внесены существенные поправки.

В 2011 году в Финляндии вступил в силу Закон о содействии интеграции (KotoL), который предполагает развивать межсекторальное сотрудничество в области интеграции. За интеграцию иммигрантов, а также за содействие их занятости отвечает Министерство занятости и экономики. Министром по вопросам интеграции является министр труда Тула Хатайнен (Tuula Haatainen).

Приоритетные направления интеграционной политики страны: а) поддержка семей иммигрантов; б) содействие трудоустройству и решение жилищных проблем иммигрантов; в) вовлечение гражданского общества в интеграционную работу; г) сотрудничество между государством и муниципалитетами. О важности интеграционной политики говорит и тот факт, что Министерством внутренних дел Финляндии в 2019 году был открыт прием заявок от организаций и частных лиц для участия в программе интеграции иммигрантов Фонда убежища, миграции и интеграции (AMIF). В общей сложности Министерство планировало получить²⁰ за этот период около 4 млн евро, из которых около 1 млн (966 418 евро) будет потрачено на программу по интеграции иммигрантов²¹. Фонд AMIF был учрежден на 2014—2020 годы на общую сумму 3,137 млрд евро. Приоритетными инициативами со стороны общеевропейского фонда AMIF являются:

- борьба с нелегальной миграцией;
- укрепление принципов солидарности на всех уровнях со странами ЕС, страдающими от потоков мигрантов;
- поддержка легальной миграции в государствах ЕС в соответствии с потребностями рынка и содействие интеграции граждан стран, не входящих в ЕС.

Политика интеграции способствует вовлечению иммигрантов во все сферы жизни общества. Равные возможности для всех и доброжелательная атмосфера, благодаря которым иммигранты захотят стать полноценными членами финского общества, — необходимые условия для интеграции иммигрантов.

Молодые иммигранты, прибывающие в Финляндию, нуждаются в поддержке на ранних стадиях интеграции. Однако властям не хватает социальных ресурсов, поэтому ими приветствуются новые креативные решения для улучшения процесса интеграции. Одним из таких решений стало появление мобильной игры *Guider*²². Темами игры являются жилье, работа, здоровье, деньги, обучение, общество и культура. Иммигрант может найти ответы на свои вопросы в форме игры, которая дает как базовые знания, так и подробную информацию. Игра учит правилам, знакомит игрока с финским законодательством или с различными агентствами. В игру *Guider Game*, кроме финского, можно играть на русском, арабском, английском, сомалийском, курдском языках. Она может быть использована в качестве вспомогательного средства для изучения языка, так как язык можно менять во время игры.

¹⁹ Act on the Integration of Immigrants and Reception of Asylum Seekers (493/1999; amendments up to 324/2009 included). URL: https://www.legislationline.org/download/id/6235/file/Finland_act_on_integration_of_immigrants_1999%20as%20of%202009%20ENG.pdf (дата обращения: 15.10.2020).

²⁰ Бенефициарами программ, реализуемых в рамках этого Фонда, могут быть государственные и федеральные органы власти, местные государственные органы, неправительственные и гуманитарные организации, частные и государственные юридические компании, а также образовательные и исследовательские организации.

²¹ AMIF-rahoitushaku on käynnistynyt — rahoituksesta noin miljoona euroa kotoutumistoimiin. URL: https://kotouttaminen.fi/artikkeli/-/asset_publisher/amif-haku-kaynnistyy-marraskuussa-rahoituksesta-noin-miljoona-euroa-kotoutumistoimiin (дата обращения: 30.10.2020).

²² *Guider Game*. URL: <https://gamu.fi/guider-game> (дата обращения: 20.05.2020).

В настоящее время интеграционная политика Финляндии стала более активной и результативной. Многие ранее переехавшие в страну иммигранты считают, что если бы такие условия для интеграции были тогда, когда они только приехали в Финляндию, то их адаптация прошла бы быстрее и им удалось бы избежать многих проблем при интеграции в новое общество.

Заключение

В условиях роста иммиграции в Финляндии страна была вынуждена «внести некоторые изменения в свою миграционную политику» [24, с. 136]. Действуя в русле секьюритизации своей миграционной политики, финны используют сегодня принцип селективной миграции и заинтересованы в притоке квалифицированной рабочей силы, в том числе и из стран, не входящих в Евросоюз. Секьюритизация миграционной политики — необходимое условие «поддержания в стране-реципиенте оптимального уровня безопасности» [25, с. 38—42]. Речь идет в том числе и об интересах национальной безопасности страны в области привлечения трудовых мигрантов.

В Финляндии сегодня проживают 75 тыс. русскоязычных, и их численность увеличивается с каждым годом. Русскоязычное население Финляндии довольно разнообразно: это просители убежища, репатрианты и те, кто переехал в Финляндию по работе, учебе и семейным причинам. И все же одной из важных причин для переезда, наряду с воссоединением семей, продолжает оставаться экономическая. Это подтверждается в исследовании И.Г. Дежиной, С.Э. Солдатовой и С.Е. Ушаковой: «...для стран догоняющего развития, к которым принадлежит и Россия, экономические факторы, включая заработную плату, находятся на первом месте среди мотивов к эмиграции» [26, с. 119].

Русскоязычное население Финляндии — это люди с хорошим образованием, их уровень занятости приближается к уровню занятости коренного населения. Однако при этом уровень доходов остается ниже, хотя качество жизни русскоязычного населения Финляндии практически такое же, как у финнов [27]. Вместе с тем «проживающие в Финляндии русскоязычные часто становятся жертвами предрассудков и негативного отношения к ним на бытовом уровне...» [28].

Финляндия заинтересована в притоке трудовых иммигрантов в страну, особенно из приграничных стран и областей, потому что таким образом затраты на интеграцию иммигрантов заметно снижаются вследствие хорошего образования приезжих, знакомства большинства из них с культурными и ментальными традициями финского общества и, самое главное, желания скорейшей интеграции. Миграционная политика страны направлена на создание условий для интеграции иммигрантов. При этом задействованы механизмы гражданского общества и принимается ряд важных решений на государственном уровне.

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-930 от 16.11.2020).

Список литературы

1. *Ионцев В. А., Рязанцев С. В., Ионцева С. В.* Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 2. С. 499—509.
2. *Stikhin A., Rynkänen T.* Russian-Speaking Immigrant Teachers in Finnish Classrooms: Views and lived experiences in Finnish education // Nordic Journal of Migration Research. 2017. № 7 (4). P. 233—242. doi: <http://doi.org/10.1515/njmr-2017-0019>.

3. *Tiaynen-Qadir T.* Transnational Babushka: Grandmothers and Family-making between Russian Karelia and Finland // V. Horn, C. Schewpe (eds.). *Transnational Aging: Current Insights and Future Challenges*. N.Y. ; Abingdon, 2016. P. 85—104.
4. *Pöllänen P., Davydova-Minguet O.* Hyvinvointi rajaseudulla asuvien venäläisten maahanmuuttajanaisten arjessa // *Maahanmuutto, palvelut ja hyvinvointi. Kohtaamisissa kehittyviä käytäntöjä — The Welfare in the Everyday of Russian Immigrant Women Living on the Border* / J. Hiitola, K. Turtiainen, M. Anis (toim.). Tampere, 2018. P. 169—188.
5. *Alho R., Helander M.* Foreign Seasonal Farm Workers' Strategies at the Margins of the Finnish Welfare State: Informal networks and weak ties // *Nordic Journal of Migration Research*. 2016. № 6 (3). P. 148—157. doi: <http://doi.org/10.1515/njmr-2016-0020>.
6. *Brylka A., Mähönen T., Jasinskaja-Lahti I.* National identification and attitudes towards Russian immigrants in Finland: Investigating the role of perceived threats and gains // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2015. № 56. P. 670—677.
7. *Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K.* Perceived discrimination and psychological adjustment among Russian-speaking immigrant adolescents in Finland // *International Journal of Psychology*. 2001. 36 (3). P. 174—185.
8. *Eskelä E.* Migration decisions of skilled Migrants: International degree students in an offbeat destination // *Nordic Journal of Migration Research*. 2013. 3 (3). P. 145—152.
9. *Habti D.* What's Driving Migrant Russian Physicians to Stay Permanently in Finland? A Life-Course Approach // *Journal of Finnish studies*. 2019. № 2. P. 85—118.
10. *Eggebo H. and Brekke J.-P.* Family Migration and Integration: The Need for a New Research Agenda // *Nordic Journal of Migration Research*. 2019. 9 (4). P. 425—444. doi: <http://doi.org/10.2478/njmr-2019-00030>.
11. *Юссилла О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809—2009 гг. / пер. Т. В. Андросова. М., 2010. С. 472.
12. *Кожокин Е. М.* Европейский союз, Россия, СНГ: демографическое измерение // *Международная жизнь*. 2011. № 10. С. 1—19.
13. *Вирккунен Й., Гаджимурадова Г. И.* Миграция, экстремизм и террористическая угроза в Финляндии // *Современная Европа*. 2018. № 5 (84). С. 131—141.
14. *Шлапек Е. А., Степанова С. В.* Современные вызовы для малых приграничных городов // *Вестник РУДН. Сер.: Экономика*. 2018. Т. 26, № 3. С. 495—518.
15. *Мустайоки А., Протасова Е. Ю.* Финско-русские (не)соответствия... // *Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России* : сб. ст. / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. Великий Новгород, 2004. Вып. 1.
16. *Бальчунене Н. И.* Русский язык в Финляндии: проблемы и перспективы // *Инженерный вестник Дона*. 2014. № 1. URL: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_19_balchyunene.pdf_2233.pdf (дата обращения: 15.07.2020).
17. *Tvalt vadze L.* Профессор Мустайоки получил госпремию за книгу о русском языке URL: https://yle.fi/utiset/osasto/novosti/professor_mustaioki_poluchil_gospremiyu_za_knigu_o_russkom_yazyke/6848372 (дата обращения: 15.09.2020).
18. *Питухина М. А., Сигова С. В.* Ключи к успеху: опыт миграционной политики в Финляндии // *Социологические исследования*. 2015. № 4. С. 35—38.
19. *Варьонен С., Замятин А., Ринас М.* Русскоязычные Финляндии: здесь и сейчас. Хельсинки, 2017.
20. *Gadzhimuradova G. I.* Muslims in Europe: Identity crisis between «European» and «Islamic» values // *Balkan Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 12. № 2. С. 133—138.
21. *Кожокин Е. М.* О защите прав большинства // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 1. С. 177—182.
22. *Давыдова-Менге О. Э.* От «русских финнов» к «финским русским»: конструирование идентичности мигрантов в (транс)национальных контекстах // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 6. С. 26—39.
23. *Гурова О. Ю.* «Выглядеть по-русски». Российские мигранты в Финляндии: социальные характеристики и потребление одежды // *Экономическая социология*. 2013. Т. 14, № 2. С. 17—41.
24. *Гордеева А. Э., Климин И. И.* Миграционная политика современной Финляндии на фоне кризиса в странах Европейского союза // *Международные отношения и диалог культур*. 2016. № 5. С. 128—143.

25. Аршин К. В. Диалектика секьюритизации и либерализации в миграционной политике России // Власть. 2019. Т. 27, № 2. С. 38—42. doi: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6295>.

26. Дежина И. Г., Солдатова С. Э., Ушакова С. Е. Миграция научных кадров Балтийского региона: прогноз и факторы влияния // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 115—131. doi: [10.5922/2079-8555-2020-1-7](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-7).

27. Лохлахти О. В Финляндии большая группа русскоязычных проживает «на задворках общества». URL: <https://inosmi.ru/social/20180321/241761566.html> (дата обращения: 20.05.2020).

28. Алексеевич Д. Русские гастарбайтеры. Финны рады нам как туристам, но не мигрантам. URL: <https://spb.aif.ru/society/people/1101880> (дата обращения: 27.05.2020).

Об авторах

Сергей Васильевич Рязанцев, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России, Россия; директор, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН, Россия.

E-mail: riazan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>

Гюльнара Ильясбековна Гаджимурадова, доцент кафедры демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН), Россия.

E-mail: gadzhimuradova7@gmail.com

RUSSOPHONE IMMIGRATION TO FINLAND: NEW FORMS, TRENDS, AND CONSEQUENCES

Ryazantsev S. V
Gadzhimuradova G. I.

MGIMO University,
76 Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia
Institute for Demographic Research Federal Centre
for Theoretical and Applied Sociology
Russian Academy of Sciences
6 Fotievoy St. Moscow, 119333, Russia

Received 20 November 2020
doi: [10.5922/2079-8555-2021-2-8](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-8)
© Ryazantsev, S. V., Gadzhimuradova, G. I. 2021

Until the 1960s, Finland was more often the country of origin than the country of destination. Once a depressed area, it soon turned into a welfare state, becoming one of the most attractive countries for international migrants. Since Finland's labour market and society are beset with demographic problems, the country gladly accepts labour migrants, particularly those from neighbouring states. Most EU immigrants coming to Finland are Estonians. Immigration from without the EU — from Russia and other former Soviet countries — has, however, an even greater potential. Non-EU immigration falls into several categories — from seasonal labour migration to the relocation of top specialists and entrepreneurs. Currently, family reunification, marriages, and student and labour migration account for most migration from Russia to Finland. This article attempts to study immigration to Finland from neighbouring countries, primarily from Russia. The result of the study is an analysis of principal channels

---

To cite this article: Ryazantsev, S. V., Gadzhimuradova, G. I. 2021, Russophone immigration to Finland: new forms, trends, and consequences, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no. 2. p. doi: [10.5922/2079-8555-2021-2-8](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-8).

of international migration to Finland. These are family reunification, student migration, top specialist relocation, and the expansion of Russian business. Finland is in dire need of healthcare specialists, researchers, business development and IT specialists, and other professionals. For example, Russia-bordering Finnish regions lack upper and middle-level healthcare specialists. The focus of the study is on the professional and socio-demographic structure of labour migration to Finland and the country's migration policy on the adaptation and integration of Russian-speaking immigrants. The article gives a general picture of Finland's migration policy on labour migration from Russia and other countries. In collecting and processing materials, data from official websites of Finland's Migration Service and Employment Service, the database of Statistics Finland, the Organisation for Economic Cooperation and Development, and the Finnish National Agency for Education were used.

Keywords:

labor immigration, marriage immigration, student immigration, Finland, Russia, EU, integration of immigrants, migration crisis, immigration policy, Russian-speaking immigrants

References

1. Iontsev, V. A., Ryazantsev, S. V., Iontseva, S. V. 2016, New trends and forms of emigration from Russia, *Ekonomika regiona* [Regional economy], vol. 12, no. 2, p. 499–509 (In Russ.).
2. Stikhin, A., Rynkänen, T. 2017, Russian-Speaking Immigrant Teachers in Finnish Classrooms: Views and lived experiences in Finnish education, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 7, no. 4, p. 235–242. doi: <http://doi.org/10.1515/njmr-2017-0019>.
3. Tiaynen-Qadir, T. 2016 Transnational Babushka: Grandmothers and Family-making between Russian Karelia and Finland. In: Horn, V., Schweppe, C. (eds) *Transnational Aging: Current Insights and Future Challenges*, New York & Abingdon, Routledge, p. 85–104.
1. Pöllänen, P., Davydova-Minguet, O. 2018, Hyvinvointi rajaseudulla asuvien venäläisten maahanmuuttajanaisten arjessa. In: Hiitola, J., Turtiainen, K., Anis, M. (toim.) *Maahanmuutto, palvelut ja hyvinvointi. Kohtaamisissa kehittyviä käytäntöjä* [The Welfare in the Everyday of Russian Immigrant Women Living on the Border], Tampere, Vastapaino, p.169–188.4.
1. Alho, R., Helander, M. 2016, Foreign Seasonal Farm Workers' Strategies at the Margins of the Finnish Welfare State: Informal networks and weak ties, *Nordic Journal of Migration Research*, vol. 6, no. 3, p. 148–157. doi: http://doi.org/10.1515/njmr-2016-0020_5.
6. Brylka, A., Mähönen T. & Jasinskaja-Lahti, I., 2015, National identification and attitudes towards Russian immigrants in Finland: Investigating the role of perceived threats and gains, *Scandinavian Journal of Psychology*, no. 56, p. 670–677.
7. Jasinskaja-Lahti, I. and Liebkind, K., 2001, Perceived discrimination and psychological adjustment among Russian-speaking immigrant adolescents in Finland, *International Journal of Psychology*, no. 36 (3), p. 174–185
8. Eskelä, E., 2013, Migration decisions of skilled Migrants: International degree students in an offbeat destination, *Nordic Journal of Migration Research*, no. 3 (3), p. 145–152.
9. Habti, D. 2019, What's Driving Migrant Russian Physicians to Stay Permanently in Finland? A Life-Course Approach, *Journal of Finnish studies*, no. 2, p. 85–118.
10. Eggebø, H., Brekke, J.-P. 2019, Family Migration and Integration: The Need for a New Research Agenda, *Nordic Journal of Migration Research*, vol.9, no. 4, p.425–444. doi: <http://doi.org/10.2478/njmr-2019-00030>.
11. Jussila, O., Gentile, S., Nevakivi, Y. 2010, *Politieseskaya istoriya Finlyandii 1809–2009 gg.* [Political history of Finland 1809–2009], M., 472 p. (in Russ.).
12. Kozhokin, E. M. 2011, European Union, Russia, CIS: demographic dimension, *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International life], no. 10, p. 1–19 (In Russ.).
13. Virkkunen, J., Gadzhimuradova, G. I. 2018, Migration, extremism and the terrorist threat in Finland, *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], no. 5 (84), p. 131–141 (In Russ.).
14. Chlapeko, E. A., Stepanova, S. V. 2018, Modern challenges for small border towns, *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of PFUR, Series: Economics], vol. 26, no. 3. p. 495–505 (In Russ.).
15. Mustajoki, A., Protasov, E. Y. 2004, Finnish-Russian (non)compliance.... The Many Faces Of Finland. The image of Finland and Finns in Russia. In: ed. by Tsamutali, A. N., Ilyukha, O. P., Kovalenko, G. M. (eds.), series "Scientific reports", Yaroslav the Wise state University, Veliky Novgorod, no. 1, p. 404 (In Russ.).

16. Balchunene, N. I., 2014, Russian language in Finland: problems and prospects, *Inzhenernyi vestnik Dona* [Engineering Bulletin of the Don], no.1, available at: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_19_balchyunene.pdf_2233.pdf (accessed May 27, 2020) (In Russ.).
17. Tvaltvadze, L. 2013, Professor Mustajoki received a state prize for a book on the Russian language, *Yle Uutiset*, available at: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/professor_mustajoki_poo_luchil_gospremiyu_za_knigu_o_russkom_yazyke/6848372 (accessed 15. 09.2020)
18. Pitukhina, M. A., Sigova, S. V. 2015 Keys to success: experience of migration policy in Finland, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no. 4, p. 35—38 (In Russ).
19. Varyanen, S., Zamyatin A., Rinas, M. 2017, *Russkoyazychnye Finlyandii: zdes' i seichas* [Russian-Speaking Finland: here and now], p. 103, available at: https://culturas.fi/wp-content/uploads/2020/05/Venajankieliset_Suomessa_ru.pdf (In Russ) (accessed 15. 09.2020)
20. Gadzhimuradova, G. I. 2020, Muslims in Europe: Identity crisis between “European” and “Islamic” values, *Balkan Journal of Philosophy*, vol. 12, no. 2, p. 133—138.
21. Kozhokin, E. M. 2017, On the protection of the rights of the majority, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], no. 1, p. 177—182 (In Russ).
22. Davydova-Menge, O. E. 2015, From “Russian Finns” to “Finnish Russians”: constructing the identity of migrants in (Trans)national contexts, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], no. 6, p. 26—39 (In Russ).
23. Gurova, O. Yu., 2013, “Look Russian”. Russian migrants in Finland: social characteristics and clothing consumption, *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], vol. 14, no. 2, p. 17—41. (In Russ).
24. Gordeeva, A. E., Klimin, I. I., 2016, Migration policy of modern Finland against the background of the crisis in the European Union countries, *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur* [International relations and dialogue of cultures], no. 5, p. 128—143 (In Russ).
25. Arshin, K. V., 2019, Dialectics of securitization and liberalization in the migration policy of Russia, *Vlast' [Power]*, vol. 27. no. 2, p. 38—42. doi: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6295> (In Russ).
26. Dezhina, I. G., Soldatova, S. E., Ushakova, S. E. 2020, Migration of researchers in the Baltic region: a forecast and factors, *Balt, Reg.*, vol. 12, no. 1, p. 115—131. doi: 10.5922 / 2079-8555-2020-1-7.
27. Lohilahti, O. 2018, In Finland, a large group of Russian speakers live “on the margins of society, *Inosmi*, 21 March, available at: <https://inosmi.ru/social/20180321/241761566.html> (accessed May 20, 2020) (In Russ).
28. Alekseevich, D. 2014, Russian guest workers. Finns are happy to us as tourists, not migrants, *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 11 February, available at: <https://spb.aif.ru/society/people/1101880> (accessed May 27, 2020) (In Russ).

Authors

Prof. Sergey V. Ryazantsev, corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russia; Director, Institute for Demographic Research, Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>

Dr Gulnara I. Gadzhimuradova, Associate Professor, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russia; Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: gadzhimuradova7@gmail.com

МЕДИАОБРАЗЫ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В СТРУКТУРЕ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МИЛЛЕНИАЛОВ И РЕФОРМЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

А. В. Щекотуров
М. И. Кришталь
Е. П. Зимовина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 08.05.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-9

© Щекотуров А. В., Кришталь М. И.,
Зимовина Е. П., 2021

Статья посвящена выявлению роли конструируемого в СМИ образа региона в формировании миграционных установок переселенцев. Внимание обращено на Калининградскую область — российский эксклав, прирост численности населения которого происходит исключительно за счет миграции. Цель статьи — определить значимость ключевых медиаобразов Калининградской области в процессе принятия решения об иммиграции миллениалов и представителей реформенного поколения (концепция поколений В.В. Радаева). Эмпирическую базу исследования составили публикации о Калининградской области в региональных и федеральных СМИ России за 2014—2018 годы (N= 1913) и полуструктурированные интервью с информантами (N= 44). Основные исследовательские методы — анализ публикаций и глубинные интервью с последующей обработкой в программе Atlas.ti. В результате анализа публикаций СМИ были выделены пять образов Калининградской области, постоянно присутствующих в российском информационном пространстве: регион международного сотрудничества, военный форпост, экономически и туристически привлекательный регион, регион с развивающейся инфраструктурой. Наибольшие межпоколенческие отличия в оценке значимости медиаобразов обнаружены в отношении Калининградской области как военного форпоста и экономически привлекательного региона. Представители реформенного поколения более склонны, чем миллениалы, к восприятию военной угрозы со стороны других стран, поэтому условие защищенности было значимым при переезде. Миллениалы проявили большую осведомленность о составляющих образа экономически привлекательного региона, что послужило весомым иммиграционным фактором. Сделан вывод о том, что различия между миллениалами и реформенным поколением в оценке значимости медиаобразов Калининградской области во многом обусловлены спецификой миграционных мотивов. Для миллениалов приоритетом являются возможности для трудоустройства и карьерного роста, в то время как для реформенного поколения — расчет на выбор комфортного места проживания в старости.

Ключевые слова:

медиаобраз, Калининградская область, миллениалы, реформенное поколение, миграционные установки

Для цитирования: Щекотуров А. В., Кришталь М. И., Зимовина Е. П. Медиаобразы Калининградской области в структуре миграционных установок миллениалов и реформенного поколения // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 2. С. 165—182. doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-9.

Введение

Процессы глобализации и медиатизации способствуют созданию общества открытого типа, в котором каждый индивид имеет возможность соотносить свой уровень жизненных притязаний с образом жизни людей, находящихся в других городах страны и мира. Эпоха «незашторенных окон» естественным образом вынуждает продумывать каналы мобильности, а образовательные и карьерные треки все больше связаны со сменой места жительства. В соответствии с теорией мобильностей сама социальная мобильность становится «социальным капиталом определенного рода, степень обладания которым дает индивиду преимущество и власть над другими» [1, с. 95].

В контексте мобильности как особого социального капитала внимания заслуживает Калининградская область, заселение которой сформировалось в результате миграций и за счет миграции в которую продолжается прирост численности по настоящее время [2, с. 73]. Эксклавное положение региона предопределяет наличие особой социальной среды проживания, заключающейся в сплаве уникальных возможностей и ограничений [3, с. 61]. О. Вендина говорит о двойственности восприятия географической позиции приграничного города: «то ли фасад страны, то ли задворки» [4, с. 53]. Данная особенность создает предпосылки конструирования неоднозначного образа региона среди переселенцев и, как следствие, ставит под сомнение потенциал развития социального капитала: с одной стороны, открывающиеся перспективы международного сотрудничества, с другой — специфический набор проблем и вызовов [5].

Будучи одним из основных туристических и миграционных направлений в России [6], Калининградская область не имеет государственной программы развития и продвижения собственного имиджа. Современные исследования доказывают, что имидж туристической дестинации (tourist destination image) служит базовым информационным источником о регионе [7] и имеет определяющее воздействие на туристические [8] и миграционные установки [9].

Идея данного исследования заключается в выявлении связи между намерением переехать в Калининградскую область и образами, конструируемыми в СМИ Российской Федерации относительно ее эксклава. Выделение поколенческого аспекта позволит зафиксировать различия в степени информированности о регионе и роли медиаобразов в оценке возможностей и перспектив среди двух возрастных групп. Другими словами, цель данной работы — определить, насколько представлены медиаобразы Калининградской области и какова их значимость в структуре миграционных намерений миллениалов и реформенного поколения.

Медиаобразы в контексте миграционных установок

По своему предмету в исследовании миграционных намерений можно выделить несколько классических направлений: территориальное, социально-экономическое и социально-статусное. Территориальное направление сфокусировано на «взаимосвязях между территорией выезда, расстоянием переезда и временными параметрами перемещения» [10, с. 95]. Основы изучения пространственной мобильности восходят к трудам Э.Г. Равенштейна [11] и Д. Томаса [12]. В современной отечественной науке они представлены исследованиями меж- и внутрирегиональной миграции [13]. В частности, показано, что внутренняя миграция в России не менее интенсивна, чем в странах Европы, и во многом связана как с этапом в жизни человека, так и с высоким потенциалом региона прибытия [14].

Социально-экономическое направление исследований развито в эконометрической модели Э. Ли [15] и работах А. Роджерса и Л. Кастро [16]. Важными результатами этих работ стало выделение «притягивающих» и «выталкивающих» факторов миграции, а также дополнительных механизмов, влияющих на пространственные перемещения: действующее законодательство, особенности транспортной системы, степень информированности о территории прибытий и т.п. [15]. В России эта проблематика также активно прорабатывается [17–20].

Исследования социально-статусных факторов пространственной мобильности связывают миграцию с возможностями улучшения социального положения мигранта. В частности, влиянию миграции на процесс трансформации социального статуса переселенца были посвящены работы Э. Филдинг [21], а взаимосвязь семейного и профессионального статуса переселенцев в процессе их миграции мы находим в исследованиях О. Старка [22]. Интересными являются результаты исследования социальной мобильности на основе миграционных биографий: «у мигрантов в сравнении с непереезжавшими респондентами наблюдается выраженная вертикальная мобильность как на внутритроколенческом, так и на межпоколенческом уровне» [1, с. 102].

В исследовании миграционных установок можно выделить формирование еще одного направления [8; 9; 23; 24], которое в России пока не получило широкой эмпирической поддержки. Речь идет об имиджевой привлекательности территории, ее медийном бренде как факторе, формирующем туристические и миграционные стратегии. Суть данного подхода состоит в том, что на миграционные установки переселенцев оказывают воздействие формируемые СМИ образы региона [25–28]. В частности, сильная связь между имиджем территории и миграционными намерениями установлена при исследовании мотивов переезда в Канаду [9]. Один из главных выводов автора — комплексная оценка имиджа страны выступает более значимым миграционным предиктором, чем привлекательность условий трудоустройства [9, р. 305].

Однако экстраполировать теоретические и прикладные наработки зарубежных коллег на отечественное поле исследований имиджа территорий довольно затруднительно. Сложность состоит в том, что как в российском, так и в зарубежном научном диспуте отсутствует согласие относительно содержания этого термина. В англоязычной литературе понятие имидж страны/территории претерпело значительные смысловые трансформации за последние сорок лет, начиная с «общего восприятия потребителями качества товаров, изготовленных в определенной стране» и заканчивая «совокупностью всех представлений и убеждений индивида о конкретной территории» [29, р. 86].

В русскоязычном научном сегменте выделяют не только имидж региона, но и его образ [30–32]. Рассмотрев основные подходы к концептуализации этих понятий, мы пришли к выводу о том, что имидж территории является «коммуникативным инструментом (между субъектом его конструирующим и целевой аудиторией. — А.Ш., М.К., Е.З.) для достижения определенных целей» [30, с. 423]. В то время как образ территории — это «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» [31, с. 92] или «медийная репрезентация территории», изучение которой должно строиться на анализе образа региона в местных, федеральных и зарубежных СМИ [32, с. 121]. В широком смысле медиаобраз — «образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиапространстве», в узком — «фрагменты реальности, описанные в текстах только профессиональных журналистов» [31, с. 91].

В данной работе мы рассматриваем медиаобраз Калининградской области в узком смысле и определяем его как тематическую совокупность событий, репрезентирующих определенные характеристики региона в газетах, журналах, на радио,

телевидении, в информагентствах и интернет-ресурсах. Медиадискурс, формируемый иными информационными субъектами (например, блогерами) мы оставляем для следующих исследований.

Таким образом, исследовательский вопрос заключается в следующем: в какой степени переселенцы связывают риторику, конструируемую и регулярно транслируемую российскими СМИ относительно Калининградской области, с их намерением о переезде в этот регион.

Теоретическая основа исследования

Теоретической основой исследования выступила концепция поколений, представленная в работе В.В. Радаева [33]. Концепция поколений, к которой он обращается, прежде всего опирается на идеи К. Мангейма [34]. Именно К. Мангейм впервые предложил социологический взгляд на проблему: «Чтобы в действительности составлять поколение, необходимо дополнительное звено: участие в общей судьбе данной исторической и социальной общности. ...О поколении как реальности следует говорить лишь в том случае, если между теми, кто принадлежит к некоему поколению, существуют узы, которые проявляются посредством социальных и интеллектуальных симптомов» [34, с. 35]. Заслуга В.В. Радаева заключается в том, что исторический контекст социализации каждого поколения был рассмотрен сквозь призму ключевых событий и процессов российской истории. Под реформенным поколением мы будем понимать индивидов, родившихся в 1968—1981 годах, активная стадия социализации которых пришлось на период перестройки и последующих либеральных реформ (1985—1999). Миллениалы, соответственно, родились в 1982—2000 годах, но их взросление пришлось на начало 2000-х годов — относительно стабильный и благополучный период для страны.

Выделение в работе именно этих двух поколений обусловлено следующим. Во-первых, данные возрастные группы отличаются наибольшей социальной мобильностью и миграционной активностью [2, с. 76]. Следовательно, благодаря миграционным процессам область получает дополнительные профессиональные интеллектуальные и трудовые ресурсы. Во-вторых, именно благодаря взаимодействию этих поколений происходит воспроизводство управленческой и бизнес-элиты региона, формирование социального и культурного капитала, изменение или смена парадигмы развития региона.

Методика и эмпирическая база исследования

На первом этапе исследования был проведен анализ публикаций о Калининградской области в российских СМИ. Информационной базой исследования выступил массив данных из федеральных и региональных СМИ Российской Федерации, полученный с помощью системы «Медиалогия». Выборка публикаций конструировалась по объекту «Калининградская область» среди различных категорий СМИ (газеты, журналы, интернет, информагентства, радио, ТВ) за пятилетний период (2014—2018). Временные рамки определены геополитическими изменениями (присоединение Крыма), последующим введением санкцией и ответных мер, что, на наш взгляд, отразилось на информационной риторике России, создаваемой в отношении Калининградской области.

За каждый год было получено 1000 информационных поводов из 100 различных СМИ. В выборке (N = 1913) были оставлены лишь инфоповоды, в публикациях которых: а) регион упоминался в заголовках или в первом абзаце сообщения, б) отсутствовала информация о локальных происшествиях.

Каждому инфоповоду (например, «Российское ядерное оружие приближается к НАТО») присваивался односложный ярлык (например, «НАТО»), после чего они объединялись одной тематикой, которой было дано соответствующее обозначение (например, «военный форпост»). Из всей совокупности медиаобразов мы оставили лишь те, которые были обнаружены в каждом году (табл. 1). В результате были выделены пять ключевых медиаобразов Калининградской области: регион международного сотрудничества, военный форпост, экономически привлекательный регион, регион с развивающейся инфраструктурой и туристически привлекательный регион.

Таблица 1

Медиаобразы Калининградской области в российских СМИ

Медиаобраз	Доля в общей структуре образов, %					Среднее значение за 2014—2020 годы, %
	2014	2015	2016	2017	2018	
Регион с развивающейся инфраструктурой	17,9	6,7	10,3	13,5	13,9	12,5
Регион международного сотрудничества	14,2	9,2	13,7	8,1	5,0	10
Экономически привлекательный регион	7,2	18,3	15,6	18,3	22,4	16,4
Военный форпост России	11,6	16,8	21,0	15,9	12,5	15,6
Туристически привлекательный регион	7,5	10,7	10,3	9,2	9,1	9,4

Для проверки связи между медийным дискурсом о Калининградской области и миграционными намерениями респондентов им был задан вопрос об источниках информации о регионе. Абсолютно во всех ответах были представлены две следующие категории: местные жители (от знакомых и родственников до недавно переехавших друзей) и интернет (от форумов и блогеров до СМИ). Некоторые информанты отмечали, что прислушивались и к мнению туристов, посетивших Калининград. Приведем пример распространенного ответа на вопрос: «Когда вы готовились к переезду, какой информацией пользовались, чтобы понять, что происходит в городе, в области?»:

В первую очередь, конечно, я общалась со своими знакомыми, со своим будущим мужем, с его родственниками, друзьями, использовала информацию в интернете, смотрела, где лучше жить, какие есть интересные места, природа, ну и все в этом духе.

Татьяна, 47 лет

Характеристика выборки респондентов

На втором этапе исследования была проведена серия глубинных интервью с миллениалами и представителями реформенного поколения, которые переехали в Калининград начиная с 2014 года. В исследовании приняли участие 44 респондента. Рекрут информантов осуществлялся по нескольким направлениям: 1) использование контактов, которые пожелали оставить респонденты, принявшие участие в массовом опросе о представлениях жителей региона в отношении социально-

экономического, культурного и политического потенциала Калининградской области (2019); 2) распространение приглашения на интервью среди знакомых, коллег, студентов, а также публикация информации об исследовании в социальных сетях социологической лаборатории БФУ им. И. Канта; 3) «метод снежного кома», когда респонденты приходили по просьбе от опрошенных информантов.

Среди информантов — 15 человек (6 мужчин и 9 женщин) реформенного поколения и 29 миллениалов (10 мужчин и 19 женщин). Большинство опрошенных приехали из других регионов Российской Федерации (29 человек). Наиболее часто встречались выходцы из Архангельска (4), Омска (3), Челябинска (3), Мурманска (2), Саратова (2), Владивостока (2), Барнаула (2). Мигранты из других стран были представлены гражданами таких постсоветских республик, как Казахстан (10), Беларусь (2), Украина (2) и Латвия (1).

Ввиду того, что число информантов-миллениалов превысило количество опрошенных представителей реформенного поколения, было принято решение проводить компьютерный анализ интервью с применением *s*-коэффициента (программа *Atlas.ti*). Смысл анализа заключался в обнаружении связей между кодами для их последующей качественной интерпретации. Сила сопряженности кодов, обозначаемая как *s*-коэффициент, является индикатором силы связи между двумя кодами. Его значения варьируются от 0 (отсутствие связи) до 1 (максимальная сила связи). Показатели *s*-коэффициента менее 0,1 определялись в исследовании как отсутствие связи. Данный коэффициент рассчитывается по формуле $s = n_{12} / (n_1 + n_2 - n_{12})$, где n_{12} — частота встречаемости кода 1 и кода 2 в одном анализируемом фрагменте, а n_1 и n_2 — это частота использования кодов 1 и 2 во всем проекте в целом¹. Согласно формуле сила связи между кодами определяется не столько частотой встречаемости одного из них, сколько числом их взаимных пересечений, что позволяет нивелировать количественную разницу между кодами (в нашем случае — между представителями двух поколений). Соответственно, использование компьютерного анализа позволило получить объективный характер связи миллениалов и представителей реформенного поколения с различными переменными (в нашем случае — медиа-образами).

Содержание основных медиаобразов Калининградской области

Аналізу контента образов Калининградской области в российских СМИ и их динамики в 2014—2018 годах авторы посвятили отдельную публикацию [35]. В данном разделе содержится краткое определение каждого образа. Медиаобраз региона международного сотрудничества представлен следующими тематиками: заявления российских и европейских чиновников о взаимном стремлении поддерживать и развивать сотрудничество; бытовой уровень взаимодействия калининградцев и поляков; введение электронных виз для иностранцев, а также случаи русофобии в Польше и Литве.

В медиаобразе территории с развивающейся инфраструктурой можно выделить три составляющие: медицинскую, энергетическую и логистическую.

Медиаобраз туристически привлекательной области сконструирован из публикаций об учреждении игровой зоны, привлечении в регион фестивалей КВН и кинофестивалей, проведении фестиваля янтаря, организации Чемпионата мира по футболу, развитии культурных объектов и благоустройстве прибрежных территорий и природных достопримечательностей (национальный парк «Куршская коса»).

¹ *Atlas.ti* 8 Windows — User Manual — updated for program version 8. 4. P. 169. URL: downloads.atlasti.com/docs/manual/atlasti_v8_manual_en.pdf (дата обращения: 08.04.2020).

Медиаобраз экономически привлекательного региона наполнен сообщениями о развитии промышленной отрасли, рыбного промысла, сельского хозяйства, учреждении оффшорной зоны на острове Октябрьский и планах по выработке криптовалют. Значимую часть образа составили публикации, посвященные учреждению Особой экономической зоны на территории Калининградской области, позиции региона в рейтингах благоприятного инвестиционного климата.

Медиаобраз эксклава как военного форпоста России представлен публикациями о милитаризации региона ввиду увеличения присутствия войск НАТО и усиления ВПК и ВМФ РФ.

Медиаобразы региона в миграционных установках переселенцев

Отношение респондентов к образу Калининградской области как региону международного сотрудничества анализировалось сквозь призму их оценок эксклавно-го положения, преимуществ и недостатков близости к странам Европейского союза. Нас интересовало, как эта географическая особенность повлияла на решение о переезде в регион: вызывала ли она интерес к международному взаимодействию или, напротив, воспринималась, скорее, как территориальное, культурное и экономическое ограничение.

Анализ сопряженности соответствующих кодов показал, что позиции представителей двух поколений существенно различаются (табл. 2). Миллениалы рассматривали приграничный характер региона преимущественно в качестве позитивного фактора. В ответах представителей реформенного поколения мы обнаружили равную связь как с позитивной, так и с негативной оценкой территориальной оторванности региона.

Таблица 2

Оценка эксклавного положения в контексте международного сотрудничества

Поколение	Эксклавное положение — позитивный фактор для международного сотрудничества	Эксклавное положение не оказывает влияние на международное сотрудничество	Эксклавное положение — негативный фактор для международного сотрудничества
Миллениалы	0,63	—	0,33
Реформенное	0,25	0,19	0,32

Источник: результат анализа данных в программе Atlas. ti

Отмечая преимущества эксклавного положения, представители обоих поколений подчеркивали открывающиеся возможности для путешествий и совершения покупок в странах Евросоюза:

Большим плюсом при выборе Калининграда был более-менее свободный выезд в Европу, возможность купить продукты, путешествовать по близлежащим государствам.

Татьяна, 47 лет

Живя на Дальнем Востоке, я не могла себе позволить поездку в Корею, Японию или Китай, потому что это было достаточно дорого и... А когда я переехала сюда, я, наверное, чуть больше чем через полгода смогла посетить уже три страны: я ездила в Рим, летала в Барселону, после этого улетела сразу в Париж. Конечно, для меня это было важным при переезде.

Валентина, 22 года

Описывая негативные последствия эксклавного положения для взаимодействия со странами ЕС, представители обоих поколений вновь оказались преимущественно солидарными в своих ответах. Основная проблема, по мнению респондентов, заключается в транспортной оторванности от основной части России, в необходимости приобретения виз для передвижения по суше:

Знали, что без виз только авиасообщением можно перебраться и также морским путем. Остальные все пути, кто на автомобиле, кто на железнодорожном транспорте — нужны загранпаспорт или виза.

Вячеслав, 46 лет.

Выделенные различия объясняются результатами социологических опросов, посвященных миграционным установкам представителей рассматриваемых поколений. Согласно этим данным близость региона к Европе является одной из основных причин для переезда миллениалов в Калининградскую область, тем самым эксклавное положение рассматривается ими с точки зрения возможностей. Для представителей реформенного поколения этот фактор, в свою очередь, имел меньшее значение при переезде [36, с. 95].

Отношение респондентов к образу военного форпоста анализировалось, исходя из того, рассматривалась ли при переезде возможная угроза со стороны соседних стран, входящих в блок НАТО. Выявлено, что большинство миллениалов не прогнозировали опасность в лице стран Североатлантического договора (табл. 3).

Таблица 3

Оценка военного присутствия в регионе и соседних странах

Поколение	НАТО — не угроза	НАТО — угроза
Миллениалы	0,49	0,14
Реформенное	0,26	0,25

Источник: результат анализа данных в программе Atlas.ti.

Среди респондентов, представляющих реформенное поколение, обнаружена фактически равная по силе связь с ответами как тех, кто не воспринимал НАТО как угрозу, так и тех, кто считал иначе:

Там (респондент приехал из Риги. — *А. Ш., М. К., Е. З.*) уже четыре года назад началась антироссийская пропаганда. Поэтому соседство с НАТО беспокоило, а именно возможность провокаций со стороны агрессивных проамериканских сил. Расценивал свой переезд как переход на сторону, где наши.

Виталий, 43 года

Миллениалы же в основном демонстрировали равнодушие относительно данной тематики по причине некоторого невежества: «Я и не знала, что Калининградская область граничит со странами, входящими в НАТО, потому что я никогда не интересовалась полным составом военного блока» (Василиса, 20 лет), гуманности: «Меня это совершенно не беспокоило. По-прежнему считаю, что в XXI веке все люди — мирные и хотят жить спокойно» (Иван, 27 лет) или геополитического расчета: «Пока Российская Федерация обладает ядерным оружием, беспокоиться не о чем» (Юлия, 27 лет).

Отметим, что достаточно спокойное отношение среди жителей Калининградской области к блоку НАТО является уникальным явлением среди фронтирных ре-

гионов России. Так, было выявлено, что в Калининградской области (в сравнении с Крымом, Мурманской областью и Приморским краем) зафиксирована наименьшая доля тех, кто считает вероятной угрозу военного нападения на Россию (44 %) [37, с. 117]. Среди упомянутых регионов в российском эксклаве выявлена меньшая доля жителей, поддерживающих стратегию развития области в качестве военного бастиона [37, с. 122].

Анализ влияния медиаобраза Калининградской области как туристически привлекательного региона на миграционные установки респондентов проводился через понимание того, насколько их туристический визит в область, а также знание исторического наследия, экологических и климатических особенностей, культурных и природных достопримечательностей повлияли на решение о переезде.

Представители реформенного поколения чаще всего указывали на исторические компоненты туристической привлекательности (табл. 4):

Сначала я решила посмотреть, как здесь. Приехала, все понравилось, все устроило. Природа, архитектура, очень люблю старинные домики, особенно маленькие немецкие домики.

Ирина, 50 лет

Не менее важным условием стал и природно-климатический фактор:

Во-первых, мягкий, достаточно умеренный климат, во-вторых, близость к морю, пусть оно и холодное, но все-таки море, и при желании можно туда попасть в любое время.

Эдуард, 44 года

Таблица 4

Причины пространственной мобильности миллениалов и реформенного поколения

Миллениалы			
1-е место	2-е место	3-е место	4-е место
Природно-климатические условия (0,43)	Экономическая составляющая (0,41)	Географическое положение региона (0,36)	Историческое наследие региона (0,2)
Реформенное поколение			4-е место
1—3-е места			4-е место
Природно-климатические условия (0,23)	Историческое наследие региона (0,23)	Семейные причины (0,23)	Географическое положение региона (0,21)

Источник: результат анализа данных в программе Atlas.ti.

Для миллениалов природно-климатические условия также являются одним из главных миграционных приоритетов:

При переезде основывались исключительно на том, что мы лично наблюдали, когда приезжали к друзьям. Видели, что здесь на дворе ноябрь, а снега нет, зато есть зеленые деревья.

Павел, 33 года

Однако историческое наследие региона заметно уступает экономической составляющей переезда и географическому фактору:

Местные восхищаются двухъярусным немецким мостом... Я не понимаю, что в нем красивого: он страшный и уродливый, неудобный. Некоторым даже нравится Дом Советов. Тем не менее это тоже достопримечательность.

Дарья, 29 лет

Представленность медиаобраза экономически привлекательного региона в ответах респондентов оценивалась, исходя из того, как они соотносили представления о социально-экономическом благополучии региона со своими личными перспективами при переезде в самый западный регион России. Миллениалы отмечали различные компоненты данного медиаобраза.

Отраслевые:

Переехал, потому что хотел попробовать себя в новой сфере бизнеса: туристической. Я видел перспективы попробовать себя в туризме именно в этом регионе.

Илья, 32 года

Проектные и ценовые:

Калининград постоянно развивается из-за своей офшорной зоны, здесь есть игровая зона. Идут инвестиции из Европы. И еще один немаловажный момент: ценовая политика. Дороже нас (респондент переехал из Архангельска. — *А.Ш., М.К., Е.З.*) только, наверное, Нарьян-Мар, Новая Земля, Мурманск и Земля Франца-Иосифа. Здесь же все демократичней по цене.

Евгений, 36 лет

Карьерные:

У меня была цель — устроиться по своей специальности, и я увидела объявление в Калининграде. Есть очень известный во всем мире кондитер Елена Гнут. Ей был нужен помощник. Я даже не ожидала, что она меня выберет...

Яна, 33 года

Представители реформенного поколения, напротив, гораздо реже связывали осведомленность о регионе с социально-экономическими намерениями собственной миграции. Можно выделить три типичных сюжета, раскрывающих отношение информантов к данному медиаобразу:

1. Пассивный, когда человек либо вовсе не интересовался трудоустройством, либо просил знакомых и родственников сделать это за него: *«Друзья мне подсказали мое нынешнее место работы, они меня направили на собеседование, я приехала и получила работу»* (Елена, 45 лет).

2. Активный, когда информант принял меры по поиску работы, но занял выжидательную позицию: *«Я рассылала резюме и ждала, когда мне скажут, что готовы принять, собеседование по телефону проводили»* (Виорика, 51 год).

3. Проактивный, когда переселенец заранее всесторонне интересовался ситуацией в Калининграде и брал ответственность на себя при трудоустройстве: *«Я знакомых опросила, с мужем пообщалась, в интернете мониторила разные сайты и откликнулась на вакансии»* (Татьяна, 47 лет).

Влияние медиаобраза региона с развивающейся инфраструктурой на миграционные установки обоих поколений практически отсутствует. В редких случаях миллениалы все же отмечали значимость данного фактора: *«Я искала благоприятный город с развитой инфраструктурой, прежде всего для детей»* (Яна, 33 года).

Обсуждение результатов и выводы

В ходе изучения миграционных установок было обнаружено, что в российских исследованиях вопрос о роли образа территории при выстраивании миграционного трека находится на этапе концептуализации. Данная работа преследовала цель внести свой вклад в данную область научного знания посредством определения степени соответствия миграционных мотивов медиаобразам территории прибытия. В ходе интервью мы не подталкивали респондентов к конкретной проблематике или медиаобразу, а лишь проверяли, какие ассоциации относительно российского эксклава как дестинации у них действительно существовали на момент переезда.

Анализируя связь миграционных установок с медиаобразом региона международного сотрудничества, отметим, что в основном он представлен в качестве инструмента для бытового взаимодействия (шопинг и туризм) с соседними с областью странами. Проблемы русофобии в Литве и Польше, равно как и упрощенный въезд иностранцев в регион респонденты не связывают со сложностями или перспективами международного сотрудничества, несмотря на активное освещение этих тем в российских СМИ. Переехавшие в Калининградскую область представители обоих поколений не были ориентированы на другие формы сотрудничества с жителями соседних стран, озвученные российскими и европейскими чиновниками (получение образования, налаживание бизнес-контактов и т.п.).

Образ военного форпоста нашел свое отражение преимущественно в ответах реформенного поколения, некоторые представители которого выражали тревогу относительно военно-политической ситуации в регионе Балтийского моря. Данная специфика, вероятно, связана с тем, что вступление во взрослую жизнь этого поколения пришлось на период распада СССР и снижения роли страны на международной арене в 1990-е годы. Взросление миллениалов, на миграционные установки которых этот медиаобраз не оказал серьезного влияния, напротив, произошло в 2000-е годы, когда страна стала активнее действовать на международной арене.

Лишь природно-климатические факторы и примеры исторического наследия, отнесенные к туристической узнаваемости региона, были воспроизведены представителями обоих поколений. Фактически без внимания обоих поколений при переезде оказались и местные инфраструктурные проекты. Объяснением здесь может быть то, что составляющие медиаобразов, ориентированные на потенциальных туристов, не становятся важными для мигрантов, внимание которых акцентировано преимущественно на вопросах другого плана.

Одним из таких важных вопросов является экономический потенциал региона. Здесь выявлены значимые межпоколенческие различия (см. табл. 4, с. 173). Выраженное присутствие составляющих данного медиаобраза в ответах миллениалов позволяет утверждать, что их переезд в Калининградскую область был обусловлен преимущественно карьерными соображениями (трудоустройство, потенциал для профессионального роста и т.д.).

Мы приходим к выводу о том, что некоторые медиаобразы Калининградской области практически не представлены в структуре миграционных установок (туризм и инфраструктура), другие — оказали сопутствующее влияние (военный форпост и международное сотрудничество). Обнаружены сходства и отличия среди миллениалов и реформенного поколения как в значимости, так и в интерпретации некоторых позиций (например, образ военного форпоста или экономическая привлекательность региона).

На наш взгляд, интервью продемонстрировали, что отношение к медиаобразу тесно связано с причиной миграции информанта. Например, карьероориентиро-

ванный специалист-переселенец более информирован в релевантных ему сферах (бизнес-среда или международная кооперация). В целом структура миграционных мотивов стала одним из критериев межпоколенческих различий: для миллениалов в приоритете находятся возможности для трудоустройства и карьерного роста, в то время как для реформенного поколения основной причиной переезда оказался выбор комфортного места проживания. Этот вывод важно учитывать региональным властям при создании программы развития имиджа региона, а также образовательным учреждениям, государственным и частным компаниям в своих программах по привлечению необходимых кадров.

Приложение

Гайд глубинного интервью с переселенцами в Калининградскую область

Введение

Добрый день! Спасибо, что согласились принять участие в интервью. Напомню, что цель нашего исследования — выявить, насколько представленные в СМИ образы Калининградской области смогли оказать влияние на ваше решение переехать в регион.

Все, о чем мы будем говорить, носит анонимный и конфиденциальный характер. Содержание дискуссии, информация будут использованы исключительно в научных, исследовательских целях, в обобщенном виде.

Наша беседа будет записана на диктофон. Это необходимо для компьютерной обработки ответов. Ваше участие в интервью означает согласие на запись.

Блок 1. Социальный статус респондента

Как вас зовут? Сколько вам полных лет? Учитесь / работаете? Где?
Как давно вы приехали в Калининградскую область? Откуда переехали?

Блок 2. Миграционные установки

Почему вы решили покинуть предыдущее место жительства?
Почему решили приехать именно в Калининградскую область?

Расскажите, как готовились к переезду, что и где читали, смотрели о регионе. Как вы определяете связь информации о регионе с вашим намерением о переезде: что насторожило, а что привлекло?

Бывали ли в Калининградской области до переезда? При каких обстоятельствах, как давно, как часто? Что запомнилось? Как это повлияло на ваше решение о переезде?

Блок 3. Образ региона международного сотрудничества

До переезда в регион насколько для вас было значимо то, что он граничит с другими странами? А то, что он территориально отделен от основной России? Как вы это рассматривали: как проблему или перспективу? Поясните.

Какие преимущества и недостатки для проживания в Калининградской области несет ее геополитическое положение (оторванность от остальной части России)?

Блок 4. Образ экономически привлекательного региона с развивающейся инфраструктурой

До переезда в Калининградскую область интересовались ли вы:

- возможностью трудоустройства;
- получением образования;
- формами государственной поддержки;
- условиями ведения бизнеса;
- медициной;
- ценами и уровнем доходов;
- транспортным сообщением со странами Европы и российскими регионами;
- продовольственной и энергетической независимостью области?

Что послужило источниками получения этой информации о регионе? Как вы это рассматривали: как проблему или перспективу? Поясните. Как это повлияло на ваше решение о переезде?

Блок 5. Военный форпост России

До переезда в Калининградскую область обращали ли вы внимание на взаимоотношения стран в регионе Балтийского моря? Какие это отношения сейчас, на ваш взгляд?

Знаете ли вы, что область граничит со странами из блока НАТО? Беспокоит ли вас это? Если да, то что именно? Как вы относитесь к усилению военного присутствия России в Калининградской области?

Как это повлияло на ваше решение о переезде?

Блок 6. Туризм

Считаете ли вы, что Калининградская область является привлекательным маршрутом для российских и иностранных туристов? Почему? Что может привлекать туриста?

Бывали ли вы в Калининградской области в качестве туриста? Повлиял ли ваш опыт туристической поездки (поездок) на намерение сюда переехать? Что именно побудило? Какие туристические факторы повлияли на переезд?

Спасибо за участие в интервью!

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области Российской Федерации в рамках научного проекта № 19-411-390001.

Список литературы

1. Голенкова З.Т., Сушко П.Е. Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 95—104.
2. Лялина А.В. Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // Региональные исследования. 2019. № 4(66). С. 73—84. doi: 10.5922/1994-5280-2019-4-6.
3. Зотова М.В., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и практики трансграничных практик // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 4 (27). С. 56—77. doi: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77.
4. Вендина О. Жить в пограничье: интерпретация проблем пограничной безопасности жителями приграничных городов России // Laboratorium. 2019. № 2 (11). С. 30—69. doi: 10.25285/2078-1938-2019-11-2-30-69.
5. Sebensov A., Zotova M. The Kaliningrad region: challenges of the exclave position and ways to offset them // Baltic Region. 2018. № 1 (10). P. 89—106. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-6.
6. Baryk I., Semenova L. Cross-border cooperation in tourism between the Warmian-Masurian voivodeship and the Kaliningrad region // Baltic Region. 2013. № 3 (7). P. 77—85
7. Almedia-Garcia F., Domigunéz-Azcue J., Mercade-Mele P., Perez-Tapia G. Can a destination really change its image? The roles of information sources, motivations, and visits // Tourism Management Perspectives. 2020. Vol. 34. P. 1—16. doi: 10.1016/j.tmp.2020.100662.
8. Afshardoost M., Eshaghi M. Destination image and tourist behavioral intentions: a meta-analysis // Tourism Management. 2020. Vol. 81. P. 1—10. doi: 10.1016/j.tourman.2020.104154.
9. Nadeau J., Olafsen A. Country image evaluations and migration intentions // Place Branding and Public Diplomacy. 2015. Vol. 11. P. 293—308. doi:10.1057/pb.2015.8.
10. Молодежь: конструирование трудовой биографии / под ред. М.К. Горшкова. М., 2018. doi: 10.19181/inab.2018.1.
11. Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. № 48 (2). P. 167—235.
12. Thomas D., Heberle R., Hutchinson E. et al. Research Memorandum on Migration Differentials. N.Y., 1938.

13. *Кашицкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В.* Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169—203. doi: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203.
14. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Внутренняя долгосрочная миграция населения в России и других странах // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2017. № 2. С. 74—80.
15. *Lee E.S.* A theory of migration // *Demography*. 1966. № 3 (1). P. 47—57.
16. *Rogers A., Castro L.* Model migration schedules. II ASA. Laxenburg, 1981.
17. *Соколов Н., Рехтина Л.* От молодежной миграции к миграции пожилых: парадоксы старения принимающего общества // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 16 (1). С. 51—66. doi: 10.17323/727-0634-2018-16-1-51-66.
18. *Балакина Г.Ф., Анайбан З.В.* Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 85—92.
19. *Helmer E.* Mutations of a modern myth: how changing discourses of migration, patriotism, and personhood shape migration narratives of foreign-language students from Pskov, 1991—2015 // *Laboratorium*. 2017. № 1 (9). P. 82—109.
20. *Симонян Р.Х.* Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 313—326. doi: 10.14515/monitoring.2017.6.16.
21. *Fielding A.J.* Inter-Regional Migration and Social Change: A Study of South East England Based upon Data from the Longitudinal Study // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1989. № 14 (1). P. 24—36.
22. *Stark O.* Inequality and migration: A behavioral link. 2005. URL: <http://irihs.ihs.ac.at/1664/1/es-178.pdf> (дата обращения: 16.04.2020).
23. *Jenes B.* Theoretical and practical issues in measuring country image dimensions and measurement model of country image and country brand : Ph.D. dissertation. Budapest, 2012.
24. *Choi S., Cai L.* Dimensionality and associations of country and destination images and visitor intention // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2016. Vol. 12. P. 268—284. doi: 10.1057/s41254-016-0004-z.
25. *Логонова Л.В.* Формирование миграционной привлекательности региона в условиях сокращения численности трудовых ресурсов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6. С. 203—211.
26. *Иванова Н.А., Кутейников А.Е.* Выездная миграция жителей Магаданской области // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 80—85.
27. *Таранова Ю.В.* Традиционные и новые медиа в региональном имиджмейкинге в информационном сетевом обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4—1 (68). С. 309—312.
28. *Вдовина Э.Л., Круглова А.В.* Оценка миграционной привлекательности депрессивных районов Средней России // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2009. № 18. С. 105—110.
29. *Lu I.R.R., Kwan E., Heslop L.A. et al.* The ivory tower and the street: How researchers defined country image over four decades and what consumers think it means // *Journal of Business Research*. 2019. Vol. 105. P. 80—97. doi: 10.1016/j.jbusres.2019.07.030.
30. *Напалкова И.Г., Курочкина К.В.* Имидж региона: специфика, основные элементы и технологии конструирования // Экономическая история. 2018. № 4 (14). С. 404—413. doi: 10.15507/2409-630X.043.014.201804.414-429.
31. *Галинская Т.Н.* Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11. С. 91—94.
32. *Ним Е.Г.* Медийный образ территорий: социологический анализ // *Философия социальных коммуникаций*. 2013. № 3 (24). С. 119—125.
33. *Радаев В.В.* Миллениалы: как меняется российское общество. М., 2019.33.
34. *Мангейм К.* Очерки социологии знания: проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М., 2000.
35. *Щекотуров А.В., Винокуров В.В.* Форпост или регион международного сотрудничества: как менялись образы Калининградской области в российских СМИ в 2014—2018 гг. // *Медиаскоп*. 2020. Вып. 3. doi: 10.30547/mediascope.3.2020.3.

36. Зимовина Е.П., Щекотуров А.В., Кришталь М.И. Пространственная мобильность и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 86—105

37. Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Политика. 2018. № 2. С. 102—136. doi: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136.

Об авторах

Александр Вячеславович Щекотуров, кандидат социологических наук, заведующий социологической лабораторией, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6703-4860>

Михаил Игоревич Кришталь, кандидат географических наук, научный сотрудник социологической лаборатории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6167-1025>

Елена Павловна Зимовина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник социологической лаборатории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: EZimovina@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6587-070X>

MEDIA IMAGES OF THE KALININGRAD REGION IN THE STRUCTURE OF MIGRATION ATTITUDES OF MILLENNIALS AND THE REFORM GENERATION

A. V. Shchekoturov

M. I. Krishtal

E. P. Zimovina

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 08 May 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-9
© Shchekoturov, A. V., Krishtal, M. I.,
Zimovina, E. P., 2021

The article explores the role of the image of a region created in mass media in the formation of migration attitudes. Attention is drawn to the Kaliningrad region — a Russian exclave, whose population growth is solely due to migration. The purpose of the article is to determine the significance of the key media images of the Kaliningrad region in the decision-making process on the immigration of millennials and the reform generation (Radaev's concept of generations).

Publications about the Kaliningrad Region in Russian media (2014–2018) ($N=1,913$) and semi-structured interviews ($N=44$) formed the empirical basis of the study. The main research methods are the analysis of publications and in-depth interviews with their subsequent processing using the Atlas.ti software. Five images of the Kaliningrad region constantly present in the Russian information space were identified: a region of international cooperation, a military outpost, an economically and touristically attractive region, and a region with a developing infrastructure. The most significant intergenerational differences were identified in relation to the Kaliningrad region as a military outpost and an economically attractive region. Compared with millennials, the reform generation is more inclined to perceive a military threat from other countries, therefore the security issue was a significant factor when deciding to relocate. Millennials showed greater awareness of what constitutes the image of an economically attractive region. It is concluded that the differences between millennials and the reform generation in assessing the significance of the media images of the Kaliningrad region are largely due to the specifics of migration motives. For millennials, the priority is employment opportunities and career growth whilst for the reform generation, it is finding a comfortable place to live in old age.

Keywords:

media image, Kaliningrad region, millennials, reform generation, migration attitudes

References

1. Golenkova, Z. T., Sushko, P. E. 2016, Social mobility in the context of migration biographies of Russians, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], no. 12, p. 95–104 (in Russ.).
2. Lyalina, A. V. 2019, The role of migration in the demographic development of the Kaliningrad region, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 4 (66), p. 73–84. doi: 10.5922/1994-5280-2019-4-6 (in Russ.).
3. Zotova, M. V., Gritsenko, A. A., Sebentsov, A. B. 2018, Everyday life in the Russian borderlands: motives and practices of cross-border practices, *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [The world of Russia. Sociology. Ethnology], no. 4 (27), p. 56–77. doi: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77 (in Russ.).
4. Vendina, O. 2019, Living in the Borderlands: Interpretation of Border Security Problems by Residents of Russian Border Towns, *Laboratorium*, no. 2 (11), p. 30–69. doi: 10.25285/2078-1938-2019-11-2-30-69 (in Russ.).
5. Sebentsov, A., Zotova, M. 2018, The Kaliningrad region: challenges of the exclave position and ways to offset them, *Balt. Reg.*, no. 1 (10), p. 89–106. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-6.
6. Batyk, I., Semenova, L. 2013, Cross-border cooperation in tourism between the Warmian-Masurian voivodeship and the Kaliningrad region, *Balt. Reg.*, no. 3 (7), p. 77–85. doi: 10.5922/2079-8555-2013-3-8.
7. Almedia-Garcia, F., Domigunéz-Azcue, J., Mercade-Mele, P., Perez-Tapia, G. 2020, Can a destination really change its image? The roles of information sources, motivations, and visits, *Tourism Management Perspectives*, no. 34, p. 1–16. doi: 10.1016/j. tmp.2020.100662.
8. Afshardoost, M., Eshaghi, M. 2020, Destination image and tourist behavioral intentions: a meta-analysis, *Tourism Management*, no. 81, p. 1–10. doi: 10.1016/j. tourman.2020.104154.
9. Nadeau, J., Olafsen, A. 2015, Country image evaluations and migration intentions, *Place Branding and Public Diplomacy*, no. 11, p. 293–308. doi:10.1057/pb.2015.8.
10. Gorshkov, M. K. (ed.) 2018, Youth: Constructing a Labor Biography, Institute of Sociology, FCTAS RAS. doi: 10.19181/inab.2018.1 (in Russ.).
11. Ravenstein, E. 1885, The Laws of Migration, *Journal of the Statistical Society of London*, vol. 48, no. 2, p. 167–235.

12. Thomas, D., Heberle, R., Hutchinson, E. et al. 1938, *Research Memorandum on Migration Differentials*, New York, Social Science Research Council.
13. Kashnitskiy, I. S., Mkrtchyan, N. V., Leshukov, O. V. 2016, Interregional migration of youth in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics, *Voprosy obrazovaniya* [Educational issues], no. 3, p. 169—203. doi: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203 (in Russ.).
14. Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V. 2017, Internal long-term migration of the population in Russia and other countries, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], no. 2, p. 74—80 (in Russ.).
15. Lee, E. S. 1966, A theory of migration, *Demography*, vol. 3, no. 1, p. 47—57.
16. Rogers, A., Castro, L. 1981, *Model migration schedules*, II ASA, Laxenburg.
17. Sokolov, N., Rekhtina, L. 2018, From youth migration to migration of the elderly: paradoxes of aging of the host society, *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Research], vol. 16, no. 1, p. 51—66. doi: 10.17323/727-0634-2018-16-1-51-66 (in Russ.).
18. Balakina, G. F., Anaiban, Z. V. 2016, Features of ethno-regional migration in Tuva, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no. 10, p. 85—92 (in Russ.).
19. Helmer, E. 2017, Mutations of a modern myth: how changing discourses of migration, patriotism, and personhood shape migration narratives of foreign-language students from Pskov, 1991—2015, *Laboratorium*, no. 1 (9), p. 82—109.
20. Simonyan, R. Kh. 2017, Migration attitudes of Russian youth: a regional aspect, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Opinion Monitoring: Economic and Social Change], no. 6, p. 313—326. doi: 10.14515/monitoring.2017.6.16 (in Russ.).
21. Fielding, A. J. Data, Inter-Regional Migration and Social Change: A Study of South East England Based upon from the Longitudinal Study, *Transactions of the Institute of British Geographers*, no. 14 (1), p. 24—36.
22. Stark, O. 2005, *Inequality and migration: A behavioral link*, available at: <http://irihs.ihs.ac.at/1664/1/es-178.pdf> (accessed 16.04.2020).
23. Jenes, B. 2012, *Theoretical and practical issues in measuring country image dimensions and measurement model of country image and country brand*, Ph.D. dissertation, Budapest, Corvinus University of Budapest Doctoral School of Business and Management.
24. Choi, S., Cai, L. 2016, Dimensionality and associations of country and destination images and visitor intention, *Place Branding and Public Diplomacy*, no. 12, p. 268—284. doi: 10.1057/s41254-016-0004-z.
25. Loginova L. V. The. 2016, Formation of the migration attractiveness of the region in the context of a decrease in the number of labor resources, *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], no. 6, p. 203—211 (in Russ.).
26. Ivanova, N. A., Kuteinikov, A. E. 2015, Outbound migration of residents of the Magadan region, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no. 9, p. 80—85 (in Russ.).
27. Taranova, Yu. V. 2010, Traditional and new media in regional image-making in the information network society, *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University], no. 4—1 (68), p. 309—312 (in Russ.).
28. Vdovina, E. L., Kruglova, A. V. 2009, Assessment of the migration attractiveness of the depressed regions of Central Russia, *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* [Izvestia of the Penza State Pedagogical University. V. G. Belinsky], no. 18, p. 105—110 (in Russ.).
29. Lu, I. R. R., Kwan, E., Heslop, L. A., Thomas, D. R., Cedzynski, M. 2019, The ivory tower and the street: How researchers defined country image over four decades and what consumers think it means, *Journal of Business Research*, no. 105, p. 80—97. doi: 10.1016/j.jbusres.2019.07.030.
30. Napalkova, I. G., Kurochkina, K. V. 2018, Image of the region: specificity, basic elements and design technologies, *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic history], no. 4 (14), p. 404—413. doi: 10.15507/2409-630X.043.014.201804.414-429 (in Russ.).
31. Galinskaya, T. N. 2013, The concept of a media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], no. 11, p. 91—94 (in Russ.).
32. Nim, E. G. 2013, Media image of territories: sociological analysis, *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsii* [Philosophy of Social Communication], no. 3 (24), p. 119—125 (in Russ.).

33. Radaev, V. V. 2019, *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing], Moscow, 224 p. (in Russ.).

34. Mannheim, K. 2000, *Ocherki sotsiologii znaniya: problema pokolenii — sostyazatel'nost' — ekonomicheskie ambitsii* [Essays on the Sociology of Knowledge: the Problem of Generations — Competitiveness — Economic Ambitions], Moscow, 164 p. (in Russ.).

35. Shchekoturov, A. V., Vinokurov, V. V. 2020, Outpost or region of international cooperation: how the images of the Kaliningrad region in the Russian media changed in 2014—2018, *Mediascope*, no. 3. doi: 10.30547/mediascope.3.2020.3 (in Russ.).

36. Zimovina, E. P., Krishtal, M. I., Shchekoturov, A. V. 2020, Mobility and migration intentions of the Reform Generation and Millennials of the Kaliningrad region, *IKBFU's Vestnik. Humanities and social science*, no. 2, p. 86—105 (in Russ.).

37. Zadorin, I. V. 2018, Regions of the “frontier”: territorial identity and perception of “specialness”, *Politiya*, no. 2, p. 102—136. doi: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136 (in Russ.).

The authors

Dr Aleksandr V. Shchekoturov, Head of the Sociological Lab, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ASHCHekoturov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6703-4860>

Dr Mihail I. Krishtal, Research Fellow, Sociological Lab, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: MKrishtal@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6167-1025>

Dr Elena P. Zimovina, Senior Research Fellow, Sociological Lab, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Email: EZimovina@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6587-070X>

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **двойное «слепое» рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

2) аннотацию на русском и английском языках (*150—250 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых ссылок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не менее 30 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru>.

BALTIC REGION

2021
Volume 13
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2021.
186 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University
Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:
Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2021

Editorial council

Prof. **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. **Gennady M. Fedorov**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof. **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof. **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof. **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Dr **Kari Liuhto**, University of Turku, Finland; Prof. **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. **Vladimir A. Mau**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof. **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof. **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Eduardas Spirajevs**, Klaipeda University, Lithuania; Prof. **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Sustainable development of the Baltic Sea Region

Editorial.....	4
<i>Roos G., Kubina N. Ye., Farafonova Yu. Yu.</i> Opportunities for sustainable economic development in coastal territories of the Baltic Sea Region in the context of digital transformation.....	7
<i>Satyr L. M., Zadorozhna R. P., Stadnik L. I.</i> Statistical analysis of tourism flows between Ukraine and the Baltic Sea Region countries in 2012–2019	27
<i>Apsīte A.</i> In search of a theoretical framework of factors influencing work and life balance	52
<i>Altunina V. V., Alieva I. A.</i> Current trends in the development of a green finance system: methodology and practice.....	64
<i>Verkulevičiūtė-Kriukienė D., Bučienė A., Čepienė E.</i> Depopulation of coastal rural Lithuania: do regional parks stabilise the situation?	90
<i>Anokhin A. Yu., Kropinova E. G., Spiriajevas E.</i> Developing geotourism with a focus on geoheritage in a transboundary region: the case of the Curonian Spit, a UNESCO site	112

Migration studies

<i>Skrobanek J., Jobst S.</i> The Impact of COVID-19 on Immigration: The transformation of Norwegian migration policy on asylum seekers.....	129
<i>Ryazantsev S. V., Gadzhimuradova G. I.</i> Russophone immigration to Finland: new forms, trends, and consequences.....	146
<i>Shchekoturov A. V., Krishtal M. I., Zimovina E. P.</i> Media images of Kaliningrad region in the structure of migration attitudes of millennials and the reform generation.....	165

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2021

Том 13

№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 05.07.2021 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,3
Тираж 1000 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 71
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6